

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 22

25 ноября

№ 22

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1 9 3 6

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ПАРТИЗДАТ

ОРДЖОНИКИДЗЕ С. О задачах тяжелой промышленности и стахановском движении. Второе издание дополненное. 1936. 177 стр. 2 руб.

СТЕЦКИЙ А. Конституция социалистического государства. 1936. 61 стр. 20 коп.

ЭРКОЛИ М. Об особенностях испанской революции. 1936. 22 стр. 20 коп.

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Очерки по истории ВКП(б). Часть I. Третье издание. 1936. 430 стр. 3 руб.

СОРИН В. Ленин в дни Бреста. 1936. 54 стр. 35 коп.

УНШЛИХТ И. Государственное устройство СССР и национальная политика советской власти. 1936. 38 стр. 20 коп.

ПОНОМАРЕВ Б. Троцкистско-зиновьевская банда — прямая агента фашизма. 1936. 39 стр. 25 коп.

19 ГОДОВЩИН. Историческая справка Великой пролетарской революции в СССР. 1936. 176 стр. 75 коп.

СОЦЭКГИЗ

ВАРГА Е. Испания в революции. 1936. 118 стр. 70 коп.

ПУАНКАРЕ Р. Воспоминания. Том II. Перевод с французского. 1936. 424 стр. 10 р. 50 к.

СЕМАШКО Н. А. Право на отдых. 1936. 32 стр. 20 коп.

История древнего мира. Том I. Древний Восток (Государственная академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра). 1936. 444 стр. 5 р. 25 к.

ВОЕНГИЗ

ГЕНЕРАЛ ЛУАЗО. Германская стратегия в 1918 году. Перевод с французского. 1936. 135 стр. 2 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Постановления Второго пленума ЦК ВЛКСМ (25—29 сентября 1936 г.) 29 стр. 15 коп.

Как работать комсомольскому пропагандисту. Второе исправленное и дополненное издание. 1936. 83 стр. 1 р. 35 к.

Справочник вожатого пионерского отряда. 1936. 573 стр. 7 руб.

МАЯКОВСКИЙ В. В повестку дня. (Стихи 1926—1930 гг.). 1936. 386 стр. 7 р. 25 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

Совещание передовиков по льну и конопле с руководителями партии и правительства. Стенографический отчет. 1936. 252 стр. 7 руб.

АКАДЕМИЯ

БЕРАНЖЕ П. Песни. Т. II. Перевод с французского. Второе исправленное издание. 1936. 755 стр. 20 руб.

СЕН-СИМОН. Мемуары. Том II. Перевод с французского. 1936. 475 стр. 13 р. 50 к.

ДЕПРЬЕ Б. Новеллы. Перевод с французского. 1936. 441 стр. 9 руб.

ТЕКЕРЕЙ. Виргинцы. Избранные сочинения. Т. I. Перевод с английского. 1936. 751 стр. 10 руб.

ГОСЛИТИЗДАТ

Международный конгресс писателей в защиту культуры. 1936. 488 стр. 9 руб.

ФУРМАНОВ Дм. Собрание сочинений. Т. II. 1936. 428 стр. 7 руб.

ЭРЕНБУРГ И. Не переводя дыхания. 5-е изд. 1936. 334 стр. 5 руб.

ЛЕОНОВ Л. Дорога на океан. 1936. 616 стр. 9 р. 50 к.

АВДЕЕНКО А. Судьба. 1936. 270 стр. 5 руб.

ГРОССМАН В. Дело Сухово-Кобылина. 1936. 348 стр. 5 руб.

КАССИЛЬ Л. Щепотка луны. Рассказы и фельетоны. 1936. 255 стр. 3 р. 25 к.

ФЛОБЕР Г. Испытание святого Антония. Перевод с французского. 1936. 440 стр. 6 р. 50 к.

РОЖЕ МАРТЕН ДЮ-ГАР. Семья Тибо. Т. I. Перевод с французского. 1936. 553 стр. 8 р. 25 к.

ДОС-ПАССОС. 1919. Перевод с английского. 2-е изд. 1936. 491 стр. 9 руб.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

КОН Ф. За пятьдесят лет. Т. III—IV. 2-е изд. 1936. 341 стр. 7 р. 75 к.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ДЖОВАНЬОЛИ Р. Спартак. 1936. 457 стр. 4 р. 50 к.

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
двухнедельник
ЦК ВКП(б)

XIII год издания

Адрес редакции:
Москва, Ленинградское
шоссе, ул. „Правды“,
24. Тел. Д 3-06-06.

№ 22

25 НОЯБРЯ

1936

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов . . .	1
И. АКУЛОВ — Всенародное обсуждение проекта сталинской Конституции	8
Е. ПАШУКАНИС — Советское социалистическое право	20
Б. ТАЛЬ — О предмете политической экономии и ее преподавании	33
Г. ЛАУЭР — Стахановский год черной металлургии	42
Н. БЕРЕЗИН — О презренных реставраторах капитализма, вредителях и агентах фашистской буржуазии	54

Консультация

И. ТРАЙНИН — Революционное прошлое испанского народа	65
--	----

Международный обзор

Дж. ГОЛЬДХИЛЛ — Гражданская война в Испании и политика попустительства агрессорам	78
---	----

Библиография

В. ЗЕЙМАЛЬ — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, Т. XIII, Ч. 1-я	87
--	----

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ VIII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Со всех концов необъятной социалистической страны собрались в красную столицу делегаты чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов для того, чтобы от имени и по поручению всего советского народа обсудить и принять, как Основной закон социалистического государства, величайший документ современности — сталинскую Конституцию. Этим актом определяется всемирноисторическое значение чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов, собирающийся в дни полного торжества социализма, откроет новую эпоху в развитии диктатуры рабочего класса в СССР — социалистического государства рабочих и крестьян.

Если в первые годы советской власти выражение социалистическая советская республика было, как указывал Ленин, лишь выражением решимости советской власти осуществить переход к социализму, то чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов запишет эту завоеванную нами победу социализма в новой советской Конституции, созданной гением Сталина.

В Стране советов безраздельно господствует социалистическая собственность на орудия и средства производства, выросшая и окрепшая в результате победы сталинской политики индустриализации и коллективизации страны.

Социалистическая собственность, являющаяся основой советского строя, окончательно утвердилась в результате отмены частной собственности на орудия и средства производства и ликвидации капиталистических элементов.

Советская власть как государственная форма диктатуры рабочего класса с первых же шагов своего существования развернула под руководством большевистской партии борьбу против эксплуататорских классов, подавляя их сопротивление, подготавливая все условия для их полной ликвидации. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов, утверждая новую Конституцию, будет исходить из того, что задача ликвидации эксплуататорских классов в СССР решена окончательно и бесповоротно.

Рабочий класс СССР, взяв в октябре 1917 года власть в свои руки, поставил перед собой задачу — привлечь на свою сторону колеблющиеся крестьянские массы, помочь им избавиться от частнособственнических предрассудков, перевести крестьянство на рельсы социалистического производства, вооруженного передовой машинной техникой. Эта задача разрешена в СССР прочной победой колхозного строя, неизмеримо укрепившего союз рабочего класса с крестьянством — эту основу советской власти.

Наконец, рабочий класс не только привлек на свою сторону лучшую часть старой интеллигенции, но и создал собственные кадры специалистов из рядов рабочих и крестьян, кадры советской интеллигенции, вышедшей из народа и действительно служащей народу.

Товарищ Сталин в беседе с г-ном Рой Говардом определил современное советское общество как социалистическое общество, состоящее «исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции». В нашем, советском обществе нет места эксплуататорам: они ликвидированы. Осколки прежде господствовавших классов, до сих пор еще не разоружившиеся окончательно, являются антинародными и, в буквальном смысле слова, антиобщественными элементами.

Свободные труженики города и деревни составляют единый советский народ, навсегда избавленный от волчьих законов, порожденных системой эксплуатации человека человеком.

Это величайшее завоевание Великой пролетарской революции выражено в новом названии советов, которое дано в сталинской Конституции. Советы депутатов трудящихся являются политической основой СССР — социалистического государства рабочих и крестьян.

Лучшие из лучших тружеников социалистического общества, знатные советские люди, партийные и непартийные большевики, руководители и организаторы социалистического строительства — делегаты Всесоюзного съезда советов, хозяина советской земли, — съехались в красную столицу для того, чтобы дать нашей великой родине новый Основной закон — самую демократическую Конституцию в мире.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов подведет итоги всенародного обсуждения проекта сталинской Конституции, которая открывает новую эру в развитии советского демократизма. Нет такого уголка на территории СССР — от Ледовитого океана до Памира, от Балтийского моря до Тихого океана, — где бы этот величайший документ современности не был обсужден во всех деталях.

Такого размаха обсуждения до сих пор не знала ни одна конституция в мире.

Первые писанные конституции, в которых пришедшая к власти буржуазия записала свою декларацию прав, разрабатывались и принимались без участия народа, вдали от народных масс.

Одна из самых старейших и самых демократических буржуазных конституций — конституция 1787 года Соединенных штатов Америки — принималась филаделфийским конвентом, состоявшим из 55 финансистов-ростов-

щиков, земельных спекулянтов, купцов, северных работорговцев и южных рабовладельцев; эта конституция принималась при закрытых дверях и после того, как участники конвента дали клятву не разглашать прений. Конституционный конвент 1787 года не открывал своих дверей перед народом, исходя из формулы одного из «конгрессменов»: «Народ должен иметь как можно меньше отношения к правительству».

Ныне действующая во Франции конституция принята была в 1875 году, т. е. через четыре года после кровавого подавления Парижской коммуны, впервые в мире поднявшей знамя пролетарской революции. Принимало эту конституцию то самое версальское национальное собрание, которое, капитулировав перед Бисмарком, передало полноту власти Тьеру, палачу Коммуны; не удивительно, что республиканский строй, которого требовал трудовой народ Франции, был принят национальным собранием лишь в качестве поправки и большинством только в один голос.

Веймарская конституция послевоенной Германии, подписанная одним из «столпов» социал-демократии — Эбертом, принималась в 1919 году после зверской расправы над германским рабочим классом и его вождями — К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Национальное собрание, принявшее эту конституцию 11 августа 1919 года, было созвано в тихом городе Веймаре, вдали от революционного Берлина и других пролетарских центров Германии. Но и эта куца, урезанная конституция перестала удовлетворять интересы капиталистов и помещиков Германии, призвавших к себе на помощь фашистов. Сейчас в гитлеровской Германии веймарская конституция — потерявший силу клочок бумаги.

В условиях фашизма, этой террористической политики капиталистов и помещиков против рабочих и крестьян, в условиях режима наемных бандитов финансового капитала, не может быть и речи о действительно народном голосовании или хотя бы о более или менее широком обсуждении законов. Гитлеровский «закон» о переходе «правомочий президента империи к вождю» носит столь же антиконституционный характер, как и циркуляр польского премьер-министра о возведении генерального инспектора армии в ранг «второго после президента лица в стране».

Фашисты во всех странах попирают буржуазно-демократическую законность, в том числе и конституцию. Последним по времени ярким примером является мятеж против законного республиканского правительства Испании, поднятый испанскими фашистами.

Господствующие классы и их правительства в странах капитализма проявляют все больший страх и недоверие к народным массам.

«Все «реформы» буржуазного государства, которыми так богат последний период, — говорил тов. Молотов на VII съезде советов СССР, — сводятся, в конце концов, к одному: к окончательному отстранению населения от влияния на государственный аппарат и к полному сращиванию государства с могущественными организациями монополистического капитала».

Только в нашей стране, в стране победившего социализма, где навсегда ликвидированы эксплуататорские классы, в стране, выросшей и окрепшей под руководством великой партии Ленина — Сталина, в стране братского сотрудничества всех народов СССР, созданы все условия для действительного участия народных масс в государственном управлении.

В. И. Ленин говорил на VIII съезде партии в 1919 году:

«... Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовую слой пролетариата, но не через трудящиеся массы».

Победоносное социалистическое строительство, руководимое и направляемое партией Ленина — Сталина, настолько подняло уровень широчайших масс трудящихся, что стало возможным всенародное обсуждение важнейших законов страны, стало возможным такое обсуждение сталинской Конституции, в котором участвовали уже миллионы. Размах обсуждения, глубокое содержание внесенных гражданами СССР дополнений и предложений к проекту сталинской Конституции нагляднейшим образом свидетельствуют о невиданном расцвете советского демократизма, соединяющего воедино народ и аппарат государственной власти.

В странах, где господствует капитал, интересы народа и государства прямо противоположны. В СССР интересы народа и государства едины. Это ярко подтверждено ходом всенародного обсуждения проекта новой Конституции, когда вся сумма вопросов государственного строительства была подвергнута детальнейшему изучению и обсуждению гражданами социалистического государства.

Правда, нашлись отдельные чиновники, пытавшиеся свести обсуждение проекта сталинской Конституции к принятию «торжественной» резолюции, пытавшиеся ограничиться «общей оценкой» проекта. Но трудящиеся массы не ограничивались общей оценкой. Эта оценка величайшего документа эпохи совершенно ясно выражена в единодушном одобрении, которое получил сталинский кодекс завоеваний социализма на многих тысячах собраний всех трудящихся Страны советов.

Обсуждение проекта сталинской Конституции выразилось не только в общем единодушном его одобрении, но и в тех сотнях и тысячах предложений и дополнений, которые принимались на собраниях, на съездах и вносились отдельными гражданами через прессу, в письмах и т. п.

В своих предложениях и дополнениях к проекту Конституции рабочие, колхозники, красноармейцы, люди науки и искусства проявили величайшую заботу о дальнейшем укреплении и развитии социалистического государства.

Буржуазия и ее идеологи — наемные писаки — сотни лет клеветнически твердили, что «государственным умом, способным охватить общегосударственные вопросы», обладают только люди «обеспеченные», т. е. эксплуататоры.

Достаточно просмотреть хотя бы часть внесенных предложений и дополнений к проекту новой Конституции — и станет ясно, что социализм пробудил к решению общегосударственных вопросов такую толщу народа, развернул такую инициативу масс, о которой в капиталистических странах и мечтать нельзя.

Предложения и дополнения охватывают самые различные стороны и вопросы советского государственного строительства: здесь и предложения, касающиеся определения характера социалистического государства рабочих и крестьян; здесь и конкретные планы изменений в территориальной его организации или изменения в составе совнаркомов, исполкомов и судебных органов; детальному обсуждению подверглись и конкретные вопросы семейного, жилищного и других институтов права; наряду с дискуссией по вопросам суверенитета союзных республик имеется большое количество предложений о выделении того или иного национального округа или района; наконец, особое внимание в процессе всенародного обсуждения проекта сталинской Конституции было уделено вопросам об основных правах и обязанностях граждан СССР.

Тщательное собрание и обработка предложений и дополнений к проекту Конституции являются настоящей задачей всех советских органов, ибо в этих предложениях заключен богатейший материал для текущего советского законодательства и управления.

Характерная черта всенародного обсуждения проекта Конституции —

это его творческая активность. В ходе обсуждения труженики социалистического общества принимали на себя обязательства — придти к VIII чрезвычайному съезду советов Союза ССР с выполнением и перевыполнением производственных планов, т. е. еще выше поднять производительность социалистического труда, в конечном счете решающего победу нового общества.

В какой еще стране возможны подобные обязательства трудящихся, обсуждающих проект Конституции?

Только в стране социализма демократия является формой вовлечения масс в управление государством и в организацию социалистического производства. Только в СССР организация производства не отделена от организации государственного управления социалистической страны.

Величайшую творческую активность проявили советские избиратели при обсуждении отчетных докладов своих депутатов в связи с подготовкой к пленумам и съездам советов. Тот подход к оценке качества работы депутата, о котором говорил товарищ Сталин в беседе с г-ном Рой Говардом, широко применялся уже сейчас.

«Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры», — указывал товарищ Сталин.

Немало «депутатов», оказавшихся не на высоте требований сталинской Конституции, было отозвано и заменено действительно передовыми, лучшими людьми. Отзыв депутатов, не оправдавших доверия избирателей, явился хорошей подготовкой к введению в действие сталинской Конституции.

Новая избирательная система будет сильнейшим орудием в руках избирателей против чиновников, обюрократившихся элементов, нарушающих принцип советского избирательного права: непосредственную связь депутатов с избирателями, подотчетность депутатов своим избирателям.

Если буржуазное избирательное право, как и весь уклад буржуазного парламентаризма, всячески отгораживает парламентария от избирателей, то советские конституции, предоставляя избирателям право отзыва своего депутата в любое время, требуют именно теснейшей связи депутата со своими избирателями.

Сталинская Конституция еще более повышает ответственность депутатов советов перед трудящимися массами, еще более повышает ответственность всего государственного аппарата перед советским народом за дело укрепления социалистического государства рабочих и крестьян.

Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали значение государственного аппарата для социалистического строительства.

В 1925 году товарищ Сталин говорил:

«Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному. Но для того, чтобы переход этот осуществить, необходимо подготовить переделку государственного аппарата в таком направлении и таким путем, при помощи которых может быть на деле обеспечено превращение общества с диктатурой в общество безгосударственное, в общество коммунистическое».

Сталинская Конституция является могучим орудием дальнейшей переделки и укрепления всего советского государственного аппарата, укрепления революционной, социалистической законности, необходимых для развития победившего социалистического строя.

Страна советов пришла к чрезвычайному VIII Всесоюзному съезду советов с величайшими победами. Итоги этих побед подведены к XIX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и к годовщине всесоюзного совещания стахановцев. Наш единый советский народ пришел к съезду сплоченным, как никогда, вокруг своей большевистской партии, вокруг вождя народов товарища Сталина, творца новой советской Конституции.

Сталинская Конституция — великая хартия освобожденного труда — знаменует собой окончательную победу государства нового типа, которое с самого своего возникновения было организацией не меньшинства, а абсолютного большинства населения, тем самым являясь новым, высшим типом демократии.

Принятие чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом советов сталинской Конституции будет тем актом, в котором государство, где ликвидированы эксплуататорские классы, «выступит действительным представителем всего общества», как говорил еще в 1877 — 1878 годах Энгельс, имея в виду общесоциальную перспективу скачка «человечества из царства необходимости в царство свободы».

Это царство свободы, завоеванное трудящимися СССР под руководством партии Ленина — Сталина, получило свое яркое выражение в чеканных статьях сталинской Конституции. Общество, экономической основой которого является социалистическая система хозяйства, социалистическая собственность на орудия и средства производства, общество, в котором ликвидированы эксплуататорские классы, где нет безработицы, нет эксплуатации, нет угнетения национальностей, — это общество социалистическое, в котором успешно стирается еще остающаяся некоторая, но не коренная разница между отдельными его прослойками.

Принятие сталинской Конституции будет актом, завершающим один период развития советского государства и открывающим новый период этого развития.

Под знаменем первых советских конституций трудящиеся СССР, руководимые партией Ленина — Сталина, добились окончательной и бесповоротной победы социализма в нашей стране. Под знаменем сталинской Конституции развернется борьба за дальнейшее укрепление и развитие социалистического строя, борьба за нашу конечную цель — коммунизм.

* * *

Два события, происшедшие во время всенародного обсуждения проекта сталинской Конституции, приковали к себе всеобщее внимание: развитие начатой фашистскими мятежниками гражданской войны в Испании и судебный процесс над агентами фашизма — троцкистско-зиновьевскими реставраторами капитализма в СССР. Оба эти факта подчеркивают, что мы должны быть всегда бдительны и готовы дать отпор возможным наскакам контрреволюции.

Трудящиеся СССР, обсуждая проект сталинской Конституции, самой демократической Конституции в мире, выражают горячую симпатию героическому испанскому народу, борющемуся за демократические свободы, за свое законное республиканское правительство, против «своих» и иноземных фашистов. Мысли и чувства всего советского народа выразил товарищ Сталин в телеграмме центральному комитету компартии Испании на имя тов. Хозе Диаса, указав, что «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Интересы всего передового и прогрессивного человечества защищает СССР, активно выступая за мир во всем мире. СССР — общепризнанный

страж мира. Фашистские «дипломаты» пытаются изолировать отдельные страны Европы от СССР — верного и надежного их союзника в борьбе за мир. Эта изоляция выгодна только фашистским агрессорам, подготавливающим новую мировую войну, при попустительстве некоторых буржуазно-демократических правительств.

Советская политика мира, отстаиваемая в течение девятнадцати лет, все более и более усиливает симпатии к СССР всего передового и прогрессивного человечества. Эта политика мира опирается на неизмеримо возросшую хозяйственную и военную мощь социалистической державы, она опирается на беззаветный патриотизм советских граждан, готовых в любую минуту, по зову партии и правительства, выступить против любого нарушителя нашего мирного труда, против любого блока агрессоров. В этой связи следует особенно подчеркнуть, что статьи сталинской Конституции, которые говорят о защите отечества как о священном долге и почетной обязанности граждан СССР, вызвали энтузиазм у всех слоев населения нашей социалистической родины. Единый в своих целях, советский народ готов выступить на защиту своей прекрасной родины, созданной гением Ленина и Сталина.

Наша страна достигла величайших побед. Наша партия, как никогда, монолитна и объединена вокруг товарища Сталина. Но большевикам не свойственна самоуспокоенность. Партия всегда призывает и призывает повышать бдительность по отношению к врагам народа. Процесс троцкистско-зиновьевской банды — реставраторов капитализма — со всей силой показал, до каких пределов низости и падения докатились эти наемники Гестапо, став убийцами, вредителями, шпионами и диверсантами, прямой агентурой фашизма.

Советский народ и трудящиеся всего мира единодушно одобрили приговор суда над троцкистско-зиновьевскими бандитами, поставившими своей целью восстановление капиталистических порядков в стране победившего социализма.

Начавшийся 19 ноября в Новосибирске процесс над троцкистско-фашистской бандой вредителей, организовавших в контрреволюционных целях взрывы и отравления рабочих в шахтах, еще раз вскрывает всю подлость троцкистских наемников фашизма.

Советский суд при полной поддержке всего трудового народа беспощадно покарает троцкистских гадов, подлых убийц рабочих.

* * *

Если для зарубежных братьев сталинская Конституция является программой их борьбы за свой Октябрь, то для тружеников социалистического государства это кодекс таких завоеваний, которых уже никто и никогда не отнимет. Порукой этому является единодушное одобрение проекта Конституции и тот новый подъем политической и производственной активности масс, который имел место в процессе всенародного обсуждения проекта сталинской Конституции.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов на основе ясно выраженного всенародного одобрения проекта сталинской Конституции обсудит и утвердит Основной закон СССР.

На основе и в точном соответствии с Конституцией СССР будут приняты новые конституции союзных и автономных республик.

Вся советская система, весь порядок советского государственного устройства, получит новую, высшую форму выражения, получит новый стимул к дальнейшему развитию государственного строительства, законодательства и управления.

Новая советская Конституция, записав завоеванную в СССР окончательную и бесповоротную победу социализма, послужит мощным орудием, рычагом мобилизации всего советского народа на борьбу за новые успехи, за победу коммунизма.

ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

И. Акулов

Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов запишет славную страницу в историю человечества. Этот съезд утвердит новую Конституцию Союза ССР, Конституцию победоносного социалистического государства,

Разработанная под руководством товарища Сталина, новая Конституция является документом, закрепляющим исторические завоевания рабочих и крестьян нашей страны; она вдохновляет народы СССР на дальнейшие победы и вместе с тем является знаменем для трудящихся масс всего мира в их тяжелой борьбе с капитализмом, за победу социалистического общества.

Новая Конституция социалистического государства является одним из могучих факторов борьбы рабочих всех стран против фашистского обмана и фашистской реакции. Эту силу сталинской Конституции прекрасно чувствуют фашистские правительства Германии и Италии, запретившие под страхом суровых наказаний какое бы то ни было упоминание о новой Конституции СССР.

Влияния сталинской Конституции на рабочие массы боятся и капиталисты так называемых «демократических» стран. Они считают сталинскую Конституцию способной «породить много самых опасных иллюзий у ряда людей...» и склонить их «испробовать самые опасные эксперименты».

Буржуазия не может скрыть, что сталинская Конституция является фактором, вливающим новые силы в освободительное движение рабочих всех капиталистических стран.

* * *

Конституция советского государства с самого возникновения этого государства и в годы жестокой борьбы с врагами народа—помещиками, капиталистами, кулаками, в годы подавления сопротивления эксплуататорских классов была самой демократической Конституцией в мире. Ибо эта Конституция защищала интересы большинства народа—рабочих и трудящихся крестьян, в то время как даже наиболее демократические конституции буржуазных стран являлись и являются средством обмана рабочих и крестьянских масс, стремятся увековечить строй капиталистической эксплуатации.

В программе нашей партии, принятой VIII съездом РКП(б), буржуазные конституции характеризуются следующим образом:

«Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле—в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства,—диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов».

Рабочие и крестьяне нашей страны за время существования Конституции Союза ССР, принятой в 1924 году, уничтожили существовавшие в на-

шей стране эксплуататорские классы и разрешили задачу построения социалистического общества.

Новая сталинская Конституция запечатлевает новую структуру нашей страны, страны победившего социализма, страны, где нет эксплуатации человека человеком, где нет национального неравенства и где различие между рабочими, крестьянами, интеллигенцией становится все меньше. Это Конституция страны, где, как говорит товарищ Сталин, старая классовая исключительность отдельных социальных групп исчезает. Грани между нашими советскими трудящимися классами стираются, а расстояние между рабочим классом, крестьянством и трудовой интеллигенцией все более и более сокращается.

В то время как буржуазные государства в отказе от парламентарной формы управления видят средство устранения капиталистических противоречий, спасение капитализма от гибели, наше социалистическое отечество провозглашает всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании при выборах в центральные и местные органы советской власти. В то время как государства так называемых «старых демократий» фашизируются, Союз Советских Социалистических Республик дает всему миру пример наиболее полного развертывания демократии.

Новая сталинская Конституция является самой демократической в мире Конституцией еще и потому, что в обсуждении ее проекта участвовал весь советский народ.

Одобрив по докладу товарища Сталина, председателя Конституционной Комиссии, проект Конституции Союза ССР, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР 11 июня 1936 года передал этот проект на всенародное обсуждение. В течение более 5 месяцев все народы Советского Союза: русские, украинцы, белоруссы, туркмены, таджики, узбеки, грузины, казахи, киргизы, армяне, тюрки и другие — обсуждают проект сталинской Конституции. От западных границ Белоруссии до Тихого океана и от суровых берегов северных морей до залитых солнцем долин Грузии и Узбекистана нет такого уголка, нет села и колхоза, нет фабрики и завода, где бы проект сталинской Конституции не обсуждался трудящимися.

В истории человечества не было примера, чтобы основной закон, определяющий общественное и государственное устройство страны, так широко и свободно, так демократично обсуждался народом. Буржуазия не может позволить себе такого проявления демократизма, ибо она боится участия народных масс в обсуждении законов и предпочитает выработать и принимать эти законы вдали от народа.

Одна из наиболее демократических западноевропейских конституций — конституция Чехословакии — в § 46, пункт 4, говоря о народном голосовании различных законов, прямо указывает, что «народное голосование не допускается по поводу правительственных законопроектов, имеющих целью изменение или дополнение конституционной хартии и ее частей».

Еще до решения ЦИК Союза ССР о передаче проекта новой Конституции на обсуждение всего народа трудящиеся массы нашей страны проявили огромный интерес к проекту Конституции. Беседа товарища Сталина с г-ном Рой Говардом, в которой был затронут вопрос о выработке проекта новой Конституции, привлекла пристальное внимание и широко обсуждалась рабочими, колхозниками и служащими нашей страны.

Тысячи и десятки тысяч рабочих и колхозников взялись за изучение вопросов государственного и общественного устройства как советских республик, так и буржуазных государств.

Передача проекта новой Конституции на всенародное обсуждение вызвала огромный энтузиазм и воодушевление не только среди трудящихся нашей страны, но и в массах трудящихся всего мира.

На сотнях тысяч собраний рабочих, колхозников, красноармейцев, служащих, ученых, инженеров,—у десятков миллионов трудящихся нашей страны проект новой Конституции получил единодушное горячее одобрение. Самые различные слои трудящихся города и деревни с восторгом приветствовали проект Конституции как величайший документ эпохи, видя в нем доказательство силы и могущества нашей социалистической родины, ее успехов в борьбе за создание бесклассового, социалистического общества. Конституция одобрена всеми народами великого Советского Союза.

В процессе обсуждения проекта Конституции наиболее полно выразилось чувство глубокой признательности, любовь и преданность народных масс советских республик к творцу этой Конституции — товарищу Сталину, великому организатору наших социалистических побед. Народы Советского Союза с первых же дней обсуждения единодушно назвали новую Конституцию — сталинской Конституцией.

Сейчас еще невозможно подвести полный итог всенародного обсуждения проекта Конституции. Обсуждение еще продолжается на районных, областных, краевых и республиканских с'ездах советов. Ежедневно поступают все новые и новые предложения и дополнения, являющиеся иллюстрацией глубокого, любовного отношения к проекту Конституции трудящихся масс нашей страны, стремящихся вложить свою долю в общее дело выработки нового Основного закона.

Сведения о ходе всенародного обсуждения проекта сталинской Конституции, собранные нами, не могут претендовать на полноту, однако, они охватывают больше 400 тысяч рабочих и колхозных собраний с числом участников свыше 33 миллионов, и потому имеется полная возможность дать картину того, как проходило на этих собраниях обсуждение проекта Конституции трудящимися массами нашей родины.

Орготделом Президиума ЦИК СССР на 10 ноября 1936 года были рассмотрены и обработаны предложения и дополнения к проекту Конституции, поступившие более чем от 43 тысяч различных организаций (общие собрания, заседания, пленумы) и от отдельных лиц.

В журнальной статье нет возможности подробно разобрать все поступившие предложения. Громадное большинство этих предложений тождественно: например, среди учтенных предложений 877 относятся к статье 1; но в действительности это — не 877 различных предложений, а пять — шесть предложений; они сводятся в основном к тому, чтобы статью 1, гласящую: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян», заменить статьей: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство трудящихся».

Многие предложения, не имея прямого отношения к проекту Конституции Союза ССР, представляют ценный материал, который должен быть использован в последующей работе при составлении различных кодексов и специальных законодательных актов.

Подавляющее большинство предложений относится к основным главам проекта Конституции: к главе I — «Общественное устройство», главе X — «Основные права и обязанности граждан», главе XI — «Избирательная система». Иными словами, подавляющее большинство предложений относится к главам, в которых отражены изменения в области экономики и классовой структуры нашего общества, происшедшие за последние 10—12 лет.

* * *

Перейдем к рассмотрению предложений и дополнений к отдельным главам проекта.

Основная масса предложений и дополнений, поступивших к главе 1 — «Общественное устройство», относится к статьям 1 и 8 проекта Конститу-

ции. Предложения к статье 1 сводятся, как мы уже указали, к замене формулировки «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» формулировкой «Союз Советских Социалистических Республик является социалистическим государством трудящихся города и деревни» или «...государством рабочих, колхозников, интеллигентов». Граждане, внесшие эти предложения, забывают, что государство пролетарской диктатуры возникло и сложилось как государство, основой которого является союз рабочих и крестьян, что вся наша борьба с буржуазией и помещиками, с интервентами-капиталистами, с многочисленными внутренними врагами вплоть до контрреволюционеров троцкистов-зиновьевцев проходила под флагом всемерного укрепления союза двух основных классов: рабочих и трудящегося крестьянства. Формулировка проекта сталинской Конституции, гласящая: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян», указывает, что построение бесклассового, социалистического общества еще полностью не завершено.

Многочисленные предложения поступили к статье 8, устанавливающей, что «земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно». Большинство предложений сводится к тому, чтобы записать в статье передачу в вечное пользование колхозам лесов и водоемов, находящихся на их территории; указать на обязательность полного использования колхозами земли и обработки ее по агротехническим правилам; сказать о запрещении отчуждать земли колхозников, о запрещении купли-продажи и аренды земли; определить количество земли, передаваемой колхозам в вечное пользование, по нормам на едока, и т. п.

Есть отдельные предложения распространить статью 8 проекта Конституции и на единоличников. Такие предложения лишней раз свидетельствуют о том, что у нас далеко еще не ликвидированы пережитки капитализма в сознании людей, что имеются еще граждане, которые убеждены, что у нас может быть личная собственность на землю.

Большее число предложений, поступивших к главе II «Государственное устройство», относится к статье 22, в которой, как известно, перечисляются края, области, автономные республики и автономные области, входящие в состав РСФСР. Большинство граждан, внесших дополнения к этой статье, предлагает образовать новые края и области (Астраханскую, Ульяновскую, Донскую, Мурманскую, Вологодскую, Рязанскую и т. п.) или новые автономные республики.

Немало предложений относится к созданию новых областей и в других союзных республиках.

Довольно многочисленны предложения к статье 17, сохраняющей за каждой союзной республикой право свободного выхода из Союза ССР. Предложения эти сводятся к тому, чтобы или ограничить это право, или вовсе исключить статью 17 из проекта Конституции (например, предложение т. Коридзе, Литопонный завод, Грузия).

Уже самый факт внесения подобных предложений свидетельствует об обязательности этой статьи в Конституции. Есть, повидимому, еще ряд советских граждан, которые не усвоили ту истину, что Союз Советских Социалистических Республик рос и развивался на основе добровольного вхождения в него равноправных советских республик, что наша задача— и впредь крепить дружбу народов Советского Союза, как залог наших дальнейших экономических и культурных успехов, обеспечивающих окончательную победу в борьбе с капиталистическим миром.

В главе III проекта Конституции «Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик» больше всего предло-

жений поступило к статьям 34 и 36. Эти предложения сводятся главным образом к установлению иной нормы при выборах депутатов в Совет Союза (статья 34): есть предложения выбирать одного депутата от 100 000 населения (например, предложение т. Кожевникова, дорожного мастера Тюменской дистанции), от 500 000 (предложение т. Милентия Джакомба, Грузия) и даже от миллиона (предложение т. Абдурахманова, председателя колхоза имени К. Маркса) и т. д.

Нет нужды доказывать, что если первое предложение вело бы к созданию слишком громоздкого и совершенно неработоспособного парламента, состоящего только по одной палате Верховного Совета СССР из 1 700 депутатов, то принятие предложения т. Абдурахманова привело бы к образованию такого Совета Союза, который ни в коей мере не обеспечил бы связи со всеми краями, областями и республиками (170 депутатов на весь Союз ССР).

В подавляющем большинстве предложения к статье 36 намечают иные сроки полномочий депутатов Верховного Совета СССР: на 2 года (например предложение т. Подорина, колхозника Борковского сельсовета, Новгородского района), на 6 лет и даже на 10 лет (предложение т. Теляевой из Узбекистана). Совершенно очевидно, что если двухлетний срок полномочий Верховного Совета СССР повел бы к слишком частому обновлению состава высшего органа государственной власти СССР и потребовал бы очень больших средств и времени на частые перевыборы, то 10-летний срок привел бы к отрыву депутатов от избравших их масс населения.

Необходимо особо остановиться на предложении т. Волкова, студента Педагогического техникума: предложение его не создавать Совета Национальностей явно неправильно. Наличие Совета Национальностей гарантирует соблюдение интересов отдельных национальностей, дает всем малым народам право и возможность защищать свои специальные нужды и национальные интересы. По этому вопросу еще на XII съезде партии товарищ Сталин говорил:

«Нельзя, товарищи, при наших условиях, когда Союз объединяет в общем не менее 140 миллионов людей, из которых миллионов 65 нерусских, — нельзя в этом государстве управлять, не имея перед собой здесь, в Москве, в высшем органе, посланников этих национальностей, которые отражали бы не только общие для всего пролетариата интересы, но и особые, специальные, специфические национальные интересы»¹.

Это указание товарища Сталина нашло свое выражение в создании Совета Национальностей, представительство в котором согласно статье 35 проекта Конституции определено «по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области».

Многочисленны предложения и к статьям 77 и 78 проекта Конституции (глава V «Органы Государственного Управления Союза Советских Социалистических Республик»). Эти предложения главным образом говорят о необходимости организовать ряд новых союзных и союзно-республиканских наркоматов: энергетики, автотранспорта, строительной промышленности, ветеринарного дела, животноводства, подготовки кадров для всего народного хозяйства, рыбной промышленности, почтовой связи, электросвязи, вод, недр, труда, народнохозяйственного учета и др. Немало предложений направлено к созданию союзного или союзно-республиканского наркомата просвещения.

¹ Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 123—124. Партиздат. 1935.

Большинство товарищей, вносящих предложения о создании различных новых наркоматов, исходит главным образом из узких ведомственных нужд: работники рыбной промышленности предлагают создать наркомат рыбной промышленности, ветеринары считают необходимым иметь наркомат ветеринарного дела. При этом товарищи совершенно не учитывают, что руководство народным хозяйством при дроблении его на десятки отдельных наркоматов представляло бы невероятную трудность. Товарищи не учитывают также, что невозможно в сельском хозяйстве резко отделить животноводство от полеводства, ибо и то и другое — отрасли единого социалистического сельского хозяйства. Нельзя выделить из наркомата тяжелой промышленности энергетику, потому что в нашем социалистическом хозяйстве энергетика является основой основ всей промышленности.

Предложения о создании союзного или союзно-республиканского наркомата просвещения свидетельствуют о повышении требований к системе народного образования со стороны культурно выросших трудящихся масс Советского Союза и о возросшей потребности в повышении своих знаний.

Поступили также предложения о том, чтобы статью 71 (о трехдневном сроке ответа Совнаркома и наркомов на запросы депутатов Верховного Совета) распространить и на местные органы государственной власти, т. е. обязать местные органы государственной власти также в трехдневный срок давать ответы на запросы депутатов местных советов (предложение т. К. Сурова, стахановца завода имени Фрунзе в гор. Пензе, и группы бойцов N-ской части).

Как курьез можно привести предложения некоторых товарищей о назначении в качестве наркомов тех депутатов Верховного Совета Союза ССР, которые получают при голосовании наибольшее количество голосов. При подборе руководителей наркоматов Верховный Совет СССР должен руководствоваться прежде всего соображениями политического и делового порядка. Не каждый депутат, получивший наибольшее количество голосов и являющийся, возможно, хорошим депутатом, может быть хорошим наркомом. Слов нет, предложение это очень демократично, но в то же время оно является совершенно непрактичным.

В главе VIII «Местные органы государственной власти» больше всего предложений вызвала статья 95, согласно которой местные органы власти избираются сроком на два года. Ряд предложений направлен к увеличению этого срока до трех—четырёх и даже до пяти лет. Есть, однако, и противоположные предложения: «С целью широкого вовлечения трудящихся масс в работу государства выборы депутатов производить сроком на один год» (т. Халемин, Клевакинский сельсовет, — газета «Алапаевский рабочий»).

При выборах в местные органы власти Конституция должна установить такой срок полномочий депутатов, который, с одной стороны, позволил бы им вполне освоиться с работой, изучить экономику района, области, края, жизнь колхозов и предприятий, входящих в данный район, а, с другой стороны, срок полномочий должен облегчить замену тех депутатов, которые не будут в состоянии справиться с работой. Двухгодичный срок, предлагаемый проектом Конституции, наиболее удовлетворяет как первому, так и второму условию.

Многочисленны (свыше 3 200) предложения и поправки к главе IX Конституции «Суд и прокуратура».

Больше половины этих предложений относится к статье 109, предусматривающей выборы народных судей гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

Есть предложения избирать на тот же срок (3 года) и народных заседателей (т. Зиновьев, народный судья, г. Владимир), избирать народных судей

не на три года, а на один год (т. Гусев, рабочий фабрики имени Демьяна Бедного, г. Кинешма), на два года (орденоносец, начальник Суджанской милиции,—газета «Курская правда»), на четыре года (секция революционной законности Астраханского горсовета) и на пять лет (колхозники деревни Добрыньки, Вахутского сельсовета,—газета «Приволжская правда» от 21 сентября 1936 года). Есть предложения сказать в этой статье и о выборах производственно-товарищеских судов. Предлагается также отметить, что народными судьями должны быть избираемы только лица, имеющие юридическое образование. Немало поступило предложений о том, чтобы указать в статье 109 на обязанность народных судей периодически отчитываться в своей работе перед избирателями и т. п.

Многочисленность этих предложений свидетельствует о большом внимании граждан Советского Союза к деятельности наших народных судов, о большом значении, которое имеет в нашей жизни это звено судебного аппарата.

Нужно заметить, что предложения к главе IX («Суд и прокуратура») часто страдают излишней детализацией. Есть предложения включить в Конституцию указания о сроках отчетности судей, о порядке избрания секретарей судов и т. д. С созданием союзного наркомата юстиции целый ряд предложений, внесенных к этой главе Конституции, может быть использован в качестве материала при разработке законоположений, упорядочивающих работу наших судебных учреждений.

Много предложений поступило к статьям, устанавливающим срок полномочий Верховного суда СССР, краевых, областных и республиканских судов и срок полномочий прокуратуры. Эти предложения также клонятся либо к сокращению, либо к удлинению сроков полномочий.

Как уже было указано, главная масса предложений к проекту Конституции относится к главе X — «Основные права и обязанности граждан». Из разработанных Орготделом ЦИК СССР 43 000 предложений 23 000, т. е. больше половины, приходится на эту главу.

Нет статьи в X главе проекта, к которой бы не поступили предложения от сотен и даже тысяч коллективов и отдельных лиц. Подавляющее большинство предложений падает на статьи 118, 119, 120, 121, 122, 127, 131, 132 и 133.

Предложения к статье 118 сводятся к тому, чтобы записать в этой статье, что «труд есть дело чести, славы, доблести и геройства» (т. Гозный, инженер завода № 135), что «труд осуществляется в социалистических формах» (т. Евтюшенко, доцент Харьковского Государственного университета), что «каждый гражданин обязан уважать и беречь труд сограждан» (Евгения Илюнина, бригадир, член совета при Наркомводе), что «недоброкачественная продукция оплате не подлежит и что каждый трудящийся обязан постоянно повышать свою квалификацию» (т. Кузин, мастер вагонного участка, Нижне-Удинск) и т. п.

Из текста самих поправок ясно, что они по сути дела не вносят ничего нового и являются менее удачным и более многословным повторением того, что сжато и четко сказано в статье 118 проекта Конституции.

Большинство предложений, поступивших к статье 119 (о праве граждан СССР на отдых), можно свести к следующим основным категориям: установление отпусков для колхозников (многочисленные предложения, поступившие от членов колхозов); установление дополнительных отпусков и повышение оплаты труда за многолетнюю работу; установление отпуска рабочим и служащим не ниже месяца; о судебной ответственности за нарушение закона о труде и отдыхе; о дальнейшем сокращении рабочего дня по мере роста общественного богатства и по мере роста производительности труда.

Характерно, что на предложение об установлении отпусков для колхозников отвечают сами же колхозники. Например в выступлении т. Федора

Михайловского в колхозе «Спартак», Красноярского края, прямо говорится, что «для подавляющего большинства колхозников отпуск не нужен, так как большинство работает летом, зимой они отдыхают, когда нет работы...» и что отпуск нужен только таким колхозникам, которые заняты на работе круглый год, как например, доярки, конюхи и т. п. Причем тот же т. Михайловский предлагает эти отпуска предоставлять за счет особого колхозного фонда. По нашему мнению, т. Михайловский совершенно правильно ответил, что вопрос об отпусках колхозникам должен разрешаться на основе Устава сельскохозяйственной артели.

Подавляющее большинство предложений к статье 120, гласящей, что «граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности» и что «это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих», — сводится к тому, чтобы указать в этой статье, что это материальное обеспечение осуществляется либо в форме государственного социального страхования рабочих и служащих, либо в форме государственного обеспечения инвалидов, утративших трудоспособность при защите социалистической родины, либо в форме общественного обеспечения колхозников, кооперированных кустарей и кооперированных инвалидов.

Многочисленны также предложения включить в статью 120 указания об ответственности за содержание своих нетрудоспособных родителей, о порядке назначения пенсий, о размере пенсий и пособий по социальному страхованию и т. п.

Такого рода предложения, стремящиеся к детализации в Конституции самого порядка материального обеспечения, должны найти место в специальных законодательных актах, которые впоследствии несомненно будут изданы.

Статья 121 (о праве на образование) также вызвала многочисленные отклики со стороны трудящихся. Предложения и поправки к этой статье сводятся в основном к установлению права на высшее образование независимо от возраста, указывают, что образование является обязанностью каждого гражданина СССР; говорят об обязательном обучении детей под ответственностью родителей, об обязательном изучении иностранных языков и т. п.

Нет особой необходимости останавливаться на этих предложениях.

Из предложений, поступивших к статье 122, следует выделить те, которые указывают, что всякое нарушение прав женщины, предоставленных Конституцией, карается по закону; что необходимо приравнять колхозниц в отношении отпуска по беременности и других льгот к работницам и женщинам-служащим; что нужно установить ряд дополнительных льгот для многодетных женщин.

В предложениях приравнять колхозниц в отношении отпусков по беременности к работницам и служащим не учитывается, что труд колхозницы регламентируется уставом сельскохозяйственной артели и что этот устав должен регламентировать и отпуск колхозницы.

Что касается предложения установить целый ряд льгот для многодетных женщин, то законом от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным» и т. д. предусмотрена выдача крупных пособий многодетным женщинам, имеющим малолетних детей.

Необходимо отметить, что имели место явно непродуманные или даже реакционные предложения, как например предложение исключить из Конституции статью 122 под тем предлогом, что все написанное в ней само собой разумеется (Розенштейн — Донбасс, Гуляк — Туркменская ССР и др.).

Многочисленны предложения к статье 131 — об обязанности граждан

беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя. В основном предложения сводятся к усилению этой статьи: считать врагами народа не только лиц, покушающихся на социалистическую собственность, но и всех пособников, укрывателей, спекулянтов, работников, нарушающих финансовую дисциплину (т. Трубкин, колхозник из колхоза «Память Ильича», Апраксинского сельсовета, Костромского района; тов. Обливанцев — из г. Калуги; тов. Карпов — помощник начальника мастерских стеклозавода в Улан-Уде и др.).

Эти предложения свидетельствуют об укреплении в сознании граждан Союза ССР должного отношения к общественной социалистической собственности, как священной и неприкосновенной.

Наряду с этими предложениями есть и предложения сказать в статье 131 об ответственности за покушение и на личную собственность трудящихся.

Большое количество предложений вызвала статья 125, говорящая о политических свободах граждан. Предложения эти в основном продиктованы тревогой, как бы классовый враг не использовал политических свобод в своих интересах. Эти предложения сводятся к тому, чтобы усилить кары за использование прав, даваемых этой статьей, во вред советскому государству.

Статья 132, гласящая: «Всеобщая воинская повинность является законом. Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР», также вызвала очень много предложений, сводящихся к тому, чтобы назвать всеобщую воинскую повинность «почетным правом», заменить слово «повинность» словами «долг, обязанность». Есть предложения указать в Конституции, что все граждане Советского Союза должны получать общее ознакомление с военным делом. Ряд граждан требует ограничения доступа в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию для бывших попов, кулаков и лишенных избирательных прав по суду. Есть предложения дополнить статью 132 указанием, что высшим долгом призванного в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию гражданина является строжайшее соблюдение железной воинской дисциплины (т. Коже — г. Могилев; т. Кандауров — г. Калинин и др.).

Все эти предложения, а также самый факт поступления большого числа предложений к статье 132 свидетельствуют о том, что рабочие и крестьяне нашей страны прекрасно понимают все значение могучей Красной Армии для нашего социалистического отечества, находящегося в капиталистическом окружении, что рабочие и трудящиеся массы нашей страны окружают Красную Армию горячей любовью.

В заключение обзора предложений к этой главе необходимо остановиться на статье 123 проекта Конституции. Угнетенные в прошлом национальности хорошо помнят царские военно-феодалные законы, направленные на грабеж и закабаление, приводившие к вымиранию целых народов. Обсуждая проект Основного закона, они невольно вспоминают о своем проклятом прошлом, сравнивая его с огромным политическим и культурным ростом и улучшением своего материального положения в данное время.

Пастух Семеновского совхоза, Азербайджанского ССР, Озо Осман Авди Оглы говорит:

«Эта статья еще больше меня воодушевляет, ободряет и утраивает мои силы для дальнейшей работы. Курды в дни царизма и дашнакского владычества преследовались, притеснялись и были на положении рабов. Из-под этого тяжелого ярма нас освободила Советская власть. Теперь мы рука об руку с трудящимися многонационального Союза ССР строим социализм. В результате своего трудолюбия я имею свою квартиру, приобрел домашнюю утварь, корову, баранов, а на-днях приобрету патефон и швейную машину».

«В прошлом наша жизнь была сплошным угнетением,—говорит колхозник эвенкийской национальности из Жигановского района, Якутской АССР.— У нас не было пищи — мы голодали, у нас не было одежды — мы мерзли. Нас обирали и обманывали пришлые купцы и местные кулаки. Я помню, как покупал у купцов и у кулаков щепотку табаку за 10 белок. Сейчас нас никто не обманывает и не обирает. Мы живем хорошо, у нас есть пища и одежда. Теперь мы не испытываем ни голода, ни холода. Поэтому я с радостью и с гордостью всецело одобряю проект новой Конституции».

Можно привести сотни и тысячи подобных выступлений, и все они, приветствуя проект новой Конституции, простыми, искренними словами говорят о горячем желании всех народов СССР внести свою долю в великое общее дело построения социализма.

Девять десятых всех предложений, поступивших к главе XI «Избирательная система», относятся к двум статьям: 135, устанавливающей, что «все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав», и к статье 142, говорящей об отчетности депутатов перед своими избирателями.

подавляющее большинство предложений к статье 135 настаивает на необходимости лишать избирательных прав попов, бывших кулаков и всех не занимающихся общественно-полезным трудом. Предложения эти не учитывают, что задача построения бесклассового, социалистического общества нами в основном выполнена, что эксплуататорские классы в СССР ликвидированы и что всякие основания к ограничениям в избирательных правах отпали. Полезно вспомнить то, что писал Ленин в «Проекте программы РКП(б)» в 1919 году:

«...В самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений»¹.

Предложения к статье 142 сводятся к тому, чтобы указать сроки и порядок отчетности депутатов перед избирателями, порядок отзыва депутатов, обязанность депутатов активно участвовать в работе секций советов и т. д. Предусматривая детали взаимоотношений между депутатами и избирателями, эти предложения должны найти себе место в положении о местных органах власти, которое, несомненно, будет разработано вскоре после утверждения новых конституций союзных республик.

* * *

Конкретными предложениями и поправками к отдельным статьям не исчерпывается участие трудящихся масс всех национальностей в обсуждении проекта сталинской Конституции. В многочисленных выступлениях рабочие и колхозники указывают на необходимость всемерно укреплять диктатуру рабочего класса в СССР, не ослаблять пролетарской бдительности и быть беспощадными к врагам народа. Заботой о руководителях нашего социалистического государства и, в первую очередь, заботой о товарище Сталине проникнуты многочисленные предложения, поступившие и поступающие в процессе обсуждения проекта Конституции. Великому Сталину обязана наша родина своими успехами, и рабочие и колхозники хотят снова и снова

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 94.

подчеркнуть это, внося множество предложений назвать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик именем товарища Сталина.

Рабочие, колхозники, служащие, стахановцы, инженеры, техники, красноармейцы, учителя, артисты, ученые и поэты — все как один с воодушевлением принимают и одобряют новый Основной закон Союза ССР.

«Моя жизнь, жизнь моей семьи — это сталинская Конституция в действии. Сталинская Конституция — это жизнь миллионов таких же рабочих семей, как моя», — говорит ткачиха-стахановка т. Гонобоблева (Иваново).

Депутаты Киевского краснознаменного завода пишут в своем обращении ко всем депутатам советов Союза («Известия», 23 сентября 1936 года):

«Со всех концов нашей социалистической родины съедутся делегаты трудящихся для утверждения великой сталинской Конституции... Это будет день новой непревзойденной победы нашей цветущей родины, нового торжества дела Ленина — Сталина. Это будет день, который откроет новую эпоху в истории всего трудящегося человечества».

Колхозник села Ариндж, Котайкского района, Аршак Симонян, столетний старик, заявляет:

«Ровно 100 лет живу я на свете, и только в последние пятнадцать лет я узнал, что такое человеческое счастье и настоящая радость. Я со вниманием статью за статьей прослушал проект Конституции, и мое старческое столетнее сердце забилось как у юноши. Я сказал себе: «Ты счастлив, что твои уши слышат и твои глаза видят такие великие дела».

«Проект закона по нашей жизни скроен и в этом его сила и правда», — говорит бригадир одного из предприятий г. Тейково, т. Конитов.

«В каждой статье говорится о нашем могуществе, в каждой строке чувствуется забота о людях нашего великого вождя и учителя товарища Сталина», — так отзывается о проекте Конституции орденосеиц Вязниковского района, т. Котов.

«Это зажигательный документ, в котором с великой простотой и огромной силой записан итог самоотверженной и героической борьбы рабочих и крестьян нашей страны, дающий право на свободный и радостный труд» — таков отзыв т. Чиркова А. Ф. (колхоз «Новая жизнь», Айриковского сельсовета).

«Пятьдесят лет работаю я на нефтяных промыслах, — говорит буровой мастер Шахвердиев (Азербайджан), — нищета и голод, вечный страх перед безработицей были моей участью и участью миллионов трудящихся царской России. Только Советская власть, только родная партия Ленина — Сталина дали трудящимся право на труд, на отдых, на образование... В проекте новой сталинской Конституции как в зеркале отражена счастливая радостная жизнь нашей родины, ее победное шествие вперед».

К этим характеристикам нечего прибавить.

* * *

1936 год вошел в историю социалистического строительства, как стахановский год. 1936 год войдет в историю человечества как год принятия великой хартии народов Союза Советских Социалистических Республик — сталинской Конституции Союза ССР.

Всенародное обсуждение проекта сталинской Конституции, вызвавшее гигантский прилив творческих сил и творческой инициативы трудящихся масс, способствовало их дальнейшему производственному и культурному под'ему.

Стахановцы всех отраслей народного хозяйства ставят ряд новых производственных рекордов, выполняя нередко нормы на 200—300—400 и 500 процентов. Сталевары борются за 60 тысяч тонн суточной выплавки стали, добившись в ряде случаев с'ема с каждого квадратного метра площади пода печи 9, 10 и даже 12 (Макар Мазай) тонн стали. Железнодорожники одерживают ряд побед, и железнодорожный транспорт становится одной из передовых отраслей народного хозяйства. Рабочие ряда заводов дают обязательство выполнить годовой производственный план к 25 ноября, к открытию VIII чрезвычайного с'езда Советов Союза ССР. Стахановцы колхозных полей не отстают от стахановцев промышленности. Есть колхозницы, собирающие тысячу и свыше тысячи центнеров свеклы с гектара; есть колхозники и колхозницы, снимающие урожай по 200—250 пудов пшеницы и по 500—600 пудов кукурузы с гектара.

Можно смело сказать, что нет ни одного, самого отдаленного уголка в Советском Союзе, где обсуждение проекта сталинской Конституции не вызвало бы мощного хозяйственного и политического под'ема. Всенародное обсуждение проекта Конституции значительно активизировало и улучшило работу большинства советов. Изучая проект сталинской Конституции, рабочие и колхозники делают выводы в отношении работы своих депутатов, местных советов и исполкомов. Повышаются требования к качеству работы депутата; избиратели требуют от депутата отчета о его работе. Широко развертывается критика недостатков в работе местных советов. Явка на отчетные собрания депутатов составляет от 70 до 100% избирателей. Проводится проверка наказов, в этой работе участвуют тысячи и десятки тысяч депутатов. Значительно оживилась работа секций советов и депутатских групп. Нередки случаи, когда при проверке работы депутатов избиратели отзывали депутатов как несправившихся с работой.

Наряду с обсуждением проекта Конституции на общих собраниях, на пленумах советов и в депутатских группах идет тщательное изучение проекта новой Конституции; повсеместно организуются семинары, кружки, проводятся конференции.

В докладе на торжественном заседании, посвященном XIX годовщине Великой Пролетарской революции, тов. М. И. Калинин сказал:

«Миллионы людей города и деревни не только обсуждают, но детально изучают этот замечательный документ нашей эпохи. Рабочие, колхозники, советская интеллигенция вносят тысячи различных предложений и дополнений к проекту Конституции. Всенародное обсуждение этого проекта, я уверен, обогатило, расширило и углубило политические мысли народов советской страны. Меньше чем через месяц этот проект будет обсуждаться VIII Чрезвычайным С'ездом Советов. Надо ли говорить, с каким воодушевлением принимает наш народ свой новый основной закон, инициатором и творцом которого является товарищ Сталин».

Чувством восторга, гордостью за свою социалистическую родину, безграничной преданностью советской власти и готовностью защищать социалистическое отечество, чувством величайшей любви к коммунистической партии — руководителю всей освободительной борьбы рабочих и крестьян, безграничной любовью и преданностью к гениальнейшему человеку нашего времени, великому продолжателю дела Маркса—Энгельса—Ленина — к товарищу Сталину — полны сердца миллионов и миллионов граждан нашей социалистической родины и наших друзей, пролетариев капиталистических стран и угнетенных масс всего мира.

Советское право — детище Великой Октябрьской социалистической революции. Оно пришло на смену буржуазно-помещичьему правопорядку, который был разрушен вместе с поддерживавшей его старой государственной машиной. Советская власть в первых же своих декретах осуществила те деспотические вторжения «в право собственности и в буржуазные общественные отношения», о которых говорится в «Манифесте коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

Уже своими первыми актами Великая пролетарская революция отменила частную собственность на землю, национализировала банки, транспорт, внешнюю торговлю.

Рабочий контроль над предприятиями явился первой ступенью к национализации фабрик, заводов, рудников, шахт и промыслов. В ряде случаев отказ капиталистов подчиниться декрету Совета народных комиссаров о рабочем контроле над производством послужил непосредственным поводом для конфискации данного предприятия и объявления его собственностью пролетарского государства. Таковы акты о национализации предприятий Богословского и Симского горных округов и других предприятий.

Декретом Совета народных комиссаров от 28 июня 1918 года была национализирована вся крупная и большая часть средней промышленности. Пролетарская власть аннулировала внутренние и внешние займы, конфисковала ценности, хранящиеся в сейфах, экспроприировала дома капиталистов и произвела массовое переселение рабочих с окраин и из подвалов в буржуазные квартиры.

Впервые в истории с такой решительностью и последовательностью был проведен полный разрыв с буржуазной системой собственности, впервые эта система была подорвана в самом основании.

Важнейший вопрос советского права — как и всякого права, — вопрос о собственности, получил решение в первой советской Конституции: в ней был закреплен переход в руки пролетарского государства основных средств производства и указано направление дальнейшего развития — к полной победе социализма, к построению бесклассового, социалистического общества в нашей стране.

Ленин на IX съезде партии говорил:

«В чем выражается сейчас господство класса? Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность. Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической, сводился к одной собственности. Наша конституция потому имеет право и завоевала себе право

на историческое существование, что не на бумаге только написано, что собственность отменяется»¹.

Эта основная черта советского права как права социалистического, как права, отменяющего частную собственность помещиков и капиталистов, возбудила бешеную злобу капиталистического окружения нашей страны. В своей ноте от 26 февраля 1918 года послы нейтральных стран и стран Антанты высокомерно заявили от имени своих правительств, что советские декреты о национализации они будут рассматривать как «несуществующие». Однако крах интервенции против Страны советов, победоносное окончание гражданской войны заставили капиталистические страны отказаться от этого высокомерного тона. Капиталистические правительства вынуждены были, скрепя сердце, идти на признание советской власти и ее декретов, в том числе и декретов о национализации. Более того, на международной экономической конференции в 1927 году буржуазные правительства вынуждены были официально признать равноправность двух противоположных систем собственности.

«После 1917 года частная собственность уже не является всеобщей, всеми признанной базой международного правового общения», — melancholically писал буржуазный специалист по международному праву Иосиф Кунц.

Содержание советского права полностью отвечало тем задачам, которые ставила себе диктатура пролетариата. Советское право оформляло и закрепляло собственность пролетарского государства на основные средства производства. С другой стороны, оно должно было считаться с наличием многомиллионного слоя крестьян, ведущих единоличное хозяйство, с наличием мелких товаропроизводителей, которым предстояло под руководством пролетариата пойти по пути социалистической переделки на базе коллективизации. Перевод единоличных крестьянских хозяйств на рельсы колхозов был подготовлен и облегчен декретом о земле, уничтожившим частную собственность на землю.

Товарищ Сталин говорил:

«...Именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов»².

Новая экономическая политика, установившая хозяйственную смычку между рабочим классом и трудящимися массами крестьянства, допустила существование частнокапиталистических элементов при наличии командных высот в руках пролетарского государства. Советский гражданский кодекс 1922 года, закрепляя командные экономические высоты за пролетарским государством, определил и те рамки, в которых советское право допускало капиталистические элементы с перспективой их вытеснения, а затем и ликвидации.

Буржуазные юристы-сменовеховцы всячески стремились извратить сущность советского права, отождествляя его с буржуазным правом, протаскивая теорией, имеющие целью на практике раздвинуть рамки нэпа в интересах капиталистических элементов. Борьба с буржуазно-юридическим мировоззрением развертывалась и вокруг первых советских кодексов, и в дальнейшем по вопросам толкования и применения советского права.

В записке Д. И. Курскому Ленин предостерегал, чтобы советские юристы не оказались в плену у буржуазной юриспруденции, не попали в ловушку «частных прав».

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 104. 3-е изд.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 305. 10-е изд.

«Мы ничего «частного» не признаем,— писал Ленин в феврале 1922 года,— для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не *corpus juris germani*¹ к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией»².

Критическое отношение к институтам и категориям буржуазного права, о котором говорит здесь Ленин, не имеет, разумеется, ничего общего с «левацким» огульным отрицанием возможности использования советским государством некоторых институтов, сложившихся в буржуазном праве. Только «леваки» могут думать, что такие, например, институты обязательственного права, как договор купли-продажи или подряда, в силу их буржуазного происхождения никак не могут быть использованы в интересах социализма и против капитализма и не могут явиться составной частью советского социалистического права.

* * *

Троцкисты-зиновьевцы в течение многих лет вели борьбу против социализма и катились со ступеньки на ступеньку в бездну контрреволюции, выродившись в преступную банду фашистских наймитов, шпионов, вредителей, диверсантов, убийц. Своим отрицанием возможности построения социализма в одной стране, своими клеветническими криками о том, что нэп есть сплошное отступление перед капитализмом, что наш строй — это строй государственного капитализма, они уже в те времена, в 1925—1926 годах, выступали как реставраторы капитализма.

Ту же роль играли правые оппортунисты, требовавшие «правовых гарантий» для кулачества, проповедуя «затухание» классовой борьбы, «мирное вращение кулака в социализм». Они боролись против применения советского права (в частности статьи 107-й Уголовного кодекса, карающей за спекуляцию продуктами сельского хозяйства) как средства сломить сопротивление и саботаж кулачества во время хлебозаготовительных кампаний. Советское право, советскую законность они истолковывали как безусловную «гарантию неприкосновенности» кулацкой собственности, как «самоограничение» пролетарского государства перед лицом обнаглевшего кулака, пытавшегося хлебной забастовкой сорвать социалистическую реконструкцию.

Ожесточенная классовая борьба разворачивалась вокруг общесоюзных основ земельного права; вредители-специалисты при поддержке правых оппортунистов открыто выступали на защиту кулацких хозяйств, боролись против предоставления преимуществ колхозам. Примерно в это же время советские законы о национализации земли подверглись атаке со стороны капиталистических элементов деревни. Кулаки с помощью нелегальных сделок купли-продажи земли, «обмена усадьбами», субаренды стремились к получению нетрудовых доходов и закабалению маломощного крестьянства. Попытки кулачества сорвать национализацию земли являлись одной из форм сопротивления классово враждебных элементов социалистической перестройке сельского хозяйства.

Среди работников в области права имели место антима르크систские воззрения «экономического» материализма, мешавшие правильной оценке роли

¹ Римское право.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 419.

советского права как одного из рычагов социалистической перестройки общественных отношений. Надо было преодолеть ту точку зрения, согласно которой советское право есть только пассивное отображение экономики. Эта установка приводила, например, в работах проф. Рейснера к утверждению, что советское право включает в себя право различных классов (Трудовой кодекс — пролетарское право, Земельный кодекс — крестьянское право, Гражданский кодекс — право буржуазии). В работах П. И. Стучка защищалась идея «двухсекторности» советского права, то есть разделение его на две части, из которых одна обслуживает социалистический, а другая — частно-хозяйственный сектор. Таким образом, советское право отрывалось от диктатуры пролетариата и от политики пролетарского государства, которая на разных этапах разными методами осуществляла одну и ту же цель — построение социализма.

В действительности советское право полностью отражало единство политики пролетарского государства, целью которого являлось построение социализма в нашей стране. Этим единством была проникнута практика применения советского права, практика осуществления революционной законности. Говорить о «двухсекторности» или «о классовой мозаичности» советского права — значит признавать, что на каком-то этапе политика диктатуры пролетариата не была направлена к основной цели — построению бесклассового, социалистического общества.

Не меньше вреда принесла ошибочная, формалистическая трактовка советского права как буржуазного на том основании, что «всякое право есть применение равного масштаба к неравному», что Маркс, говоря о распределении по труду на первой стадии коммунистического общества, видел в этом сохранение узкого горизонта буржуазного права.

«Мы имеем здесь дело,— писал Маркс,— не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит из капиталистического общества и которое поэтому... сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹.

В действительности принцип и практика распределения здесь уже не противоречат друг другу: «Равенство состоит в том, что измерение производится равным мерилом — трудом», хотя «это равное право есть неравное право для неравного труда». Эти «недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества»².

Извращенно толкуя эти положения «Критики Готской программы» Маркса, ряд товарищей и в первую очередь автор этих строк делали неверные, антимарксистские выводы о том, что право вообще есть категория, выражающая отношения товаровладельцев, что ни о каком социалистическом праве нельзя говорить, что право — это наследие буржуазного, торгашеского мира, которое пролетариат вынужден влечь за собою, но от которого он елико возможно скорее должен избавиться³.

Нелепость таких рассуждений буквально бьет в глаза. Ведь чтобы осуществить принцип распределения по труду, надо установить социалистическую собственность на средства производства, надо создать соответствующую систему права для охраны и укрепления этой новой собственности. Эта новая система права является социалистической системой.

¹ К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 440—441.

² Там же.

³ Эти антимарксистские положения содержит моя книга «Общая теория права и марксизм», написанная в 1924 году. Должен указать, что я не только отказался от этих ошибочных положений, но с 1930 года неоднократно подвергал их развернутой критике.—Е. П.

Установление общественной социалистической собственности на средства производства — вот что имеет решающее значение для характеристики советского права. Из этого надо исходить. В этом основа советского права как права социалистического, диаметрально противоположного праву буржуазного общества. Советское право — это новое, невиданное в истории, социалистическое право, закрепляющее и освящающее победу общественной социалистической собственности на средства производства, начало которой положено экспроприацией помещиков и капиталистов.

Только на основе общественной социалистической собственности может применяться принцип распределения по труду. И хотя этот принцип имеет некоторое сходство с обменом товаров, почему и может быть назван «буржуазным», он является в сущности своей принципом нового, социалистического общества, где уничтожена эксплуатация человека человеком и труд стал всеобщей обязанностью.

«Труд в СССР, — говорит статья 12-я проекта сталинской Конституции, — является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

Применение этого принципа обеспечивает рост производительных сил и переход в высшую фазу коммунистического общества.

Это социалистическое право, в основе которого лежит общественная социалистическая собственность, будет играть важнейшую роль вплоть до высшей стадии коммунизма. Скоропалительные выводы об отмирании всякого права как права «буржуазного» немедленно вслед за обобществлением средств производства находятся в ближайшем родстве с анархическими и оппортунистическими мечтаниями о немедленном отмирании государства.

Ленин в целом ряде своих работ (особенно в своей работе «Государство и революция») и товарищ Сталин в ряде своих выступлений показали необходимость всемерного укрепления советского государства и разоблачили оппортунистические установки на отмирание советского государства.

«Мы не утописты, — писал Ленин. — Мы не «мечтатели» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся»¹.

В 1930 году, после I съезда марксистов-государственников, рассуждения о том, что право как буржуазная категория не может вместить социалистического содержания, были по заслугам раскритикованы, в особенности в блестящем выступлении тов. Л. М. Кагановича. Но положительная сторона задачи — глубокая, всесторонняя разработка советского социалистического права — до сих пор еще не выполнена, а между тем эта задача является чрезвычайно настоятельной.

Переход в развернутое социалистическое наступление по всему фронту, сплошная коллективизация и ликвидация на ее базе кулачества как класса внесли новый момент в развитие советского права. Законы об аренде земли, о найме труда в деревне, указания о недопустимости раскулачивания — отно-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 403.

сившиеся к тому периоду, когда проводилась лишь политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов — потеряли силу и были «отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации» (Сталин).

На XVI съезде ВКП(б), летом 1930 года, товарищ Сталин, подводя итоги бурному росту социалистической промышленности в городе, совхозов, колхозов и МТС в деревне, указал:

«Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко»¹.

В этот период начинают терять силу и перестают применяться отдельные положения и целые разделы советских кодексов: Гражданского, Земельного, Трудового, — изданных в первые годы нэпа. Целевые установки и классовое содержание советского права как права пролетарской диктатуры оставались неизменными, но резко изменились конкретная экономическая обстановка и соотношение классовых сил. В деревне на первый план выдвинулся устав сельскохозяйственной артели, положения, определяющие отношение кооперированного крестьянского хозяйства к пролетарскому государству, договоры МТС с колхозами и т. д. Для социалистической промышленности выдвинулась задача организации труда на основе исторических «шести условий» товарища Сталина, встала проблема хозяйственного расчета, проблема развертывания широкой советской государственной и кооперативно-колхозной торговли.

В первой пятилетке мы построили фундамент социалистической экономики. Успешное выполнение второго пятилетнего плана уже привело к тому, что народное хозяйство нашей страны стало полностью социалистическим.

«Та общественная организация, которую мы создали, — указал товарищ Сталин в беседе с г-ном Рой Говардом, — может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своей социалистической организацией общества».

Ликвидация эксплуататорских классов, окончательная и бесповоротная победа социализма в городе и деревне означают, что советское право имеет в настоящий момент своим содержанием однотипную систему социалистических производственных отношений.

Это новый этап в развитии советского, социалистического права. Если раньше оно было правом периода, когда решался вопрос «кто кого» и шла борьба двух экономических укладов в нашей стране, то теперь оно стало правом победившего социализма, — правом бесклассового, социалистического общества.

«Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность» (Сталин).

Вступление в этот новый этап было отмечено такими вехами, как принятие закона от 7 августа 1932 года, в котором указано, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, что она священна и неприкосновенна и что люди, покушающиеся на нее, являются врагами народа.

В своем выступлении на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года товарищ Сталин указал на коренную разницу, которая

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 432.

существует между революционной законностью первого периода нэпа и революционной законностью периода социализма:

«Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности»¹.

На известном этапе советское право гарантировало частному хозяину его частную собственность, ставя ее в жесткие рамки советского закона, но оно никогда не освящало ее, как это делает право буржуазных государств. Священной и неприкосновенной основой нашего строя мы провозглашаем общественную социалистическую собственность, закрепляя этим новые, социалистические формы хозяйства.

* * *

На низшей фазе коммунистического общества необходима охрана общественной социалистической собственности, необходим государственный контроль над мерой труда и потребления, необходимо социалистическое право.

Приводя слова Маркса, Ленин писал:

«...Не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу»².

Социалистическое право неизбежно должно сохранять еще элементы неравенства, которые вытекают из оплаты по труду. Вот почему Ленин, развивая мысли Маркса о первой и второй фазе коммунизма, говорил, что на первой или низшей фазе коммунизма остается «буржуазное право» «в качестве регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»³.

Только проводя оплату по количеству и качеству труда, можно развить социалистическое производство, воспитать новое отношение к труду и подготовить переход к полному коммунизму. Отрицать это могут только мелкобуржуазные защитники уравниловки, оппортунисты, мечтающие о скорейшем отмирании всякого права как права буржуазного.

Этим людям надо напомнить, что распределение по труду есть социалистический принцип, что «буржуазное право» на первой стадии коммунизма — это и есть право социалистического общества, где уничтожена эксплуатация человека человеком.

Им надо напомнить слова тов. Молотова, сказанные на XVII партконференции:

«Основным отличием пролетарского государства от буржуазного государства является однако то, что «право» в условиях пролетарской

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 509.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 435.

³ Там же.

диктатуры охраняет интересы трудящегося большинства и направлено на подавление враждебных пролетариату классовых элементов».

Оплачивая труд по его качеству и количеству, социалистическое общество сохраняет известный элемент неравенства, который исчезнет в высшей фазе коммунизма, где распределение будет совершаться по потребностям. Но это неравенство не имеет ничего общего с классовым неравенством, при котором эксплуататоры присваивают себе неоплаченный труд эксплуатируемых членов общества. Оплата по труду необходима как стимул к повышению производительности труда, к повышению квалификации. Социалистическое общество уже сейчас выдвигает тысячи передовиков, стахановцев, для которых труд поистине стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Но наряду с этим необходимо твердое проведение социалистического принципа оплаты по труду — «кто больше и лучше работает — тот больше получает».

Принцип распределения по труду — это принцип подлинно социалистический, ибо он возможен только в обществе, в котором «никто не может дать ничего, кроме своего труда», и, с другой стороны, «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления»¹.

Социалистическое право означает общенародный государственный контроль над трудом и распределением в обществе, где отсутствует эксплуатация, где нет кризисов и безработицы, где всем гражданам обеспечено реальное право на труд — «право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством» (статья 118-я проекта Конституции СССР) — и это право на труд соединено с правом на отдых, на социальное обеспечение; в обществе, где каждому трудящемуся открыты пути к образованию, к повышению своей квалификации. Это — право социалистического общества, где установлено равенство всех трудящихся в отношении к средствам производства, где обмен совершается в форме развернутой советской торговли, торговли без капиталистов, без спекулянтов.

Развитие и укрепление общественной социалистической собственности происходит у нас в двух формах: в форме государственной, то есть всенародной собственности, и в форме кооперативно-колхозной собственности.

«Социалистическая собственность в СССР, — говорится в статье 5-й проекта сталинской Конституции, — имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние) либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)».

Этот факт имеет громадное экономическое и политическое значение. Точно такое же значение он имеет и для построения системы советского социалистического права.

Государственная собственность представляет собой высшую форму общественной социалистической собственности. Она охватывает все важнейшие орудия и средства производства.

«Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также

¹ К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 440.

основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием» (статья 6-я проекта Конституции).

Именно эта форма собственности является во всех отношениях ведущей; в ее состав входят все наиболее мощные и технически совершенные средства производства; она представляет собой наиболее высокую степень обобществления средств производства; она в первую очередь характеризует всю систему советского социалистического права в целом.

Одним из существеннейших признаков государственной собственности является единство ее фонда. Относительная самостоятельность, которой наделяются хозяйственные органы и отдельные предприятия для удобства управления и участия в обороте, не может быть противопоставлена неограниченному праву распоряжения этим единым фондом, которое принадлежит государству.

Колхозы — это добровольные объединения крестьянских хозяйств; колхозники сами являются хозяевами организованных ими колхозов, через выбранное ими правление ведут дела колхоза на основе устава сельскохозяйственной артели, согласно принципам колхозной демократии; государственная земля закреплена за колхозами в вечное пользование; средствами колхоза распоряжается сам колхоз, распределение доходов между колхозниками производится по труду.

Проект сталинской Конституции, давая в статье 7-й точную характеристику кооперативно-колхозной собственности, особо упоминает о том, что «каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели».

Правовое положение колхозных хозяйств характеризуется тем, что они входят в общую систему социалистического хозяйства, выполняют общегосударственный хозяйственный план и несут определенные обязанности по отношению к государству; государство приходит на помощь колхозам, предоставляя им, на основе договоров с машинно-тракторными станциями, тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины. Колхозы получают руководящие указания от государственных органов.

Из этого вытекает, что всякая попытка оторвать и противопоставить колхоз пролетарскому государству или, с другой стороны, игнорировать различия кооперативно-колхозной формы собственности и государственной, то есть всенародной формы собственности, является извращением линии партии. Со всей очевидностью выступает вред антипартийных теорий насчет «совхозизации» колхозов, перевода колхозников на заработную плату, превращения кооперативно-колхозной собственности в государственную.

Советское социалистическое право оформляет и закрепляет взаимоотношения колхозов и государства, а также взаимоотношения колхозов и их членов. Сталинский устав колхозной жизни, принятый на II съезде колхозников-ударников и ставший государственным законом, является прочным фундаментом социалистического земельно-колхозного права.

Считаясь с наличием в нашей стране остатков мелкого единоличного хозяйства, проект сталинской Конституции в статье 9-й определяет правовое положение этого хозяйства: оно допускается законом наряду с социалистической системой хозяйства, которая является господствующей. Этим лишней раз подчеркивается, что процесс кооперирования и объединения в колхозы происходит на началах добровольности. С другой стороны, четко и

ясно выражены те условия, при которых допускается существование единоличных хозяйств: это должны быть мелкие хозяйства, основанные на личном труде и исключаящие эксплуатацию чужого труда. Объявляя противоречащей закону эксплуатацию человека человеком, наше социалистическое право дает возможность оставшимся немногочисленным единоличникам-крестьянам и некооперированным кустарям добровольно вступить на путь коллективного хозяйства.

Социалистическое право оформляет и закрепляет взаимоотношения государственных предприятий как со стороны административной, так и со стороны хозрасчетной. Юридическая база хозяйственного расчета определена правами юридического лица, которыми наделены хозяйственные организации. Одним из условий успешного выполнения народнохозяйственных планов является своевременное заключение договоров и строгое соблюдение договорной дисциплины. Контроль рублем нельзя осуществлять без строгой юридической ответственности каждой хозяйственной единицы за выполнение ее обязательств. Советское, социалистическое право обеспечивает выполнение народно-хозяйственного плана и конкретных заданий, является средством борьбы с перерасходами, с нарушением интересов и прав других организаций. Ответственность материальная, в виде возмещения убытков, пени, неустойки, пополняется уголовной ответственностью за преступное пренебрежение интересами социалистического хозяйства. Постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1933 года об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции — пример этой функции советского социалистического права.

Стахановское движение, высшая форма социалистического соревнования, требует обеспечения в советских законах условий для развития этого движения, в частности для дальнейшего подъема технической учебы. Бюрократы и саботажники стахановского движения должны нести ответственность не только перед коллективом данного предприятия, но и перед советским судом.

Советское социалистическое право охраняет и укрепляет формы социалистического быта и социалистических семейных отношений. Первыми же декретами советской власти были уничтожены политическое неравноправие женщины, крепостнические формы брака, уничтожено позорное деление детей на «законных» и «незаконных», обеспечены интересы матери и ребенка. Статья 122-я проекта сталинской Конституции не только записывает завоеванное в нашей стране равноправие женщин, но указывает, что в социалистическом государстве это равноправие обеспечивается «предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

Охрана равноправия и достоинства трудящейся женщины есть одна из существеннейших черт социалистического правопорядка. Воспитание подлинно социалистического отношения к семье, к детям, борьба с унижительными пережитками капитализма в отношениях между полами являются задачей не только общественных организаций, но и советского суда.

Советское уголовное право стоит на страже интересов диктатуры рабочего класса, интересов социалистического государства рабочих и крестьян. В статье 130-й проекта Конституции СССР говорится:

«Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

В советском государстве ведется широкая работа по воспитанию добровольной, сознательной дисциплины — этой основы социалистического общежития. Но в тех случаях, когда недостаточно чисто воспитательных мер, вступают в действие советский уголовный закон и уголовная репрессия, в особенности заостренная против тех, кто посягает на общественную социалистическую собственность — эту священную и неприкосновенную основу советского строя.

Статья 131-я проекта сталинской Конституции провозглашает: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Священной обязанностью граждан СССР является защита отечества.

Статья 133-я проекта Конституции СССР гласит:

«Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».

Задачей советского уголовного права является беспощадное подавление врагов социализма: шпионов, диверсантов, террористов, вредителей, — стремящихся к реставрации капитализма, и задача воспитания и перевоспитания неустойчивых элементов из среды трудящихся.

В социалистическом государстве уголовное наказание, соединенное с трудовым воздействием, дает блестящие результаты и в отношении известной части классово враждебных элементов. Это показал опыт строительства Беломорского канала имени Сталина, опыт Дмитровского лагеря, известной всему миру Болшевской коммуны и других исправительно-трудовых учреждений.

В то время как фашистские «теоретики» права проповедуют возвращение к варварскому, средневековому, тюремному режиму, обосновывают самые жестокие, изуверские законодательные меры фашизма, вроде стерилизации и кастрации, судебной-исправительная система социалистического государства исключает какое бы то ни было мучительство, унижение человеческого достоинства и является одним из средств не только наказания, но и перековки людей, отягощенных наследием старого мира.

Развитие и укрепление социалистической собственности предполагает также укрепление личной собственности трудящихся на предметы личного потребления, на трудовые доходы и сбережения; эта личная трудовая собственность растет и будет расти по мере роста зажиточности.

Советские законы защищают и охраняют подсобное, личное хозяйство колхозника, которым он владеет на основе сталинского устава сельскохозяйственной артели, защищают права колхозника как члена артели. Они защищают права каждого трудящегося в городе и в деревне на его личную собственность.

Забота о человеке, о поднятии материального и культурного благосостояния всех трудящихся включает правовую защиту личности и имущества каждого гражданина социалистического государства, защиту и укрепление социалистической семьи в интересах воспитания здорового и полноценного молодого поколения.

Характерно, что происходившая недавно в Берлине конференция фашистских юристов приняла решение исключить из гражданского права понятие «человек», ибо оно-де является слишком широким и под него можно подвести иностранца, «неарийца», еврея и т. д. Фашистская буржуазия во имя бредовых идей расового шовинизма выбрасывает за борт остатки гражд-

данского равноправия. Чего стоят позорнейшие и гнуснейшие так называемые нюрнбергские законы 1935 года, согласно которым смешанные браки и внебрачные половые связи между «арийцами» и евреями в Германии караются как уголовное преступление!

Трудно представить себе более подлое и возмутительное надругательство над человеческим достоинством.

В социалистическом государстве рабочих и крестьян этому изуверству противостоит надежная охрана человеческого достоинства гражданина, охрана личных и имущественных прав каждого трудящегося без различия нации и расы.

Социалистическое общество впервые обеспечивает подлинную свободу человеческой личности. Товарищ Сталин в беседе с г-ном Рой Говардом указал:

«Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода».

Диктатура пролетариата, уничтожив гнет помещиков и капиталистов, обеспечила трудящимся материальную возможность пользоваться политическими правами и свободами.

Клеветники и враги социализма пытались утверждать, что социалистическое общество будет бездушным механизмом, в котором нет места для живой личности человека. Эта клевета опровергнута действительностью, расцветом социалистического гуманизма в нашей стране. Советское право является одним из могучих средств насаждения социалистического гуманизма, заботы о личности, ограждения человеческого достоинства трудящихся, их интересов, которые не противоречат интересам общества, а гармонично сочетаются с ними.

* * *

Наличие социалистических производственных отношений в городе и деревне требует соответствующего цельного, законченного, кодифицированного выражения в советском законе. Сталинская Конституция полностью выразила все основные положения нашего общественного строя. Конституция является базой для разработки всех отраслей советского социалистического права. Эта задача тем более настоятельна, что кодексы, изданные в первые годы нэпа, устарели и применяются лишь в отдельных частях. Последующее законодательство внесло коренные изменения в эти кодексы. Наряду с отдельными новыми законами, которые подчас не объединены и не систематизированы, действует множество постановлений, разъяснений правительства, наркоматов, Верховного суда СССР и высших судов республик.

При таком положении рядовому гражданину подчас очень трудно уяснить свое право. Этот недостаток должен быть устранен. Советские законы могут и должны быть простыми, легко обозримыми и доступными каждому трудящемуся.

Как ни велика роль новых, складывающихся в жизненной практике социалистических обычаев и традиций, формирование новых отношений не может обойтись без централизующей и ведущей силы советского закона. Советский закон воплощает в себе руководство большевистской партии и подлинную волю миллионов строителей бесклассового, социалистического общества, которых партия ведет от победы к победе.

Сами обычаи и традиции социалистического общества складываются под влиянием советских законов и на их основе. Оформление новых отношений в законе необходимо еще и потому, что велика сила сопротивления старых навыков и традиций. Это сопротивление может проявляться и как рецидив мелкособственнических настроений у той или иной части трудящихся и как антигосударственная тенденция в тех или иных звеньях государственного аппарата.

Если в эксплуататорском обществе строгие рамки закона всегда являются стеснениями, рогатками для трудящихся, то в наших условиях строгое соблюдение советского закона служит укреплению социалистического правопорядка, охраняющего общественную собственность, государственную безопасность, личные и имущественные права каждого трудящегося.

Советское социалистическое право и советский закон являются одним из средств дальнейшего укрепления социалистических форм хозяйства и быта, дальнейшего движения вперед, к высшей фазе коммунизма.

О ПРЕДМЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИИ

Б. Таль

Вряд ли есть надобность доказывать теперь кому-либо исключительное значение политической экономии в деле изучения общественных наук и воспитания марксистско-ленинского мировоззрения.

Политическая экономия имеет выдающееся значение не только для развития теоретической нашей работы, но и для всей практики социалистического строительства. «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом...», — гласит статья 11-я проекта сталинской Конституции советского государства. Теоретической же основой социалистического народно-хозяйственного плана является марксистско-ленинская политическая экономия.

И не даром эта наука, которая — по понятным причинам — в царской России усердно изгонялась и фальсифицировалась, занимает такое серьезное место во всей системе нашей научной работы, подготовки кадров и партийной пропаганде. Тем более важное значение приобретает правильная постановка изучения и преподавания политической экономии. В этой области, однако, имеются серьезные недостатки и извращения.

Преподавание политической экономии поставлено у нас неправильно. Неправильными являются и самая структура курса политической экономии, и построение программ и учебников, и характер преподавания. Необходима серьезная перестройка. Не даром этот вопрос был предметом обсуждения ЦК ВКП(б), который вынес по этому поводу специальное решение.

В чем коренной дефект постановки преподавания политической экономии? Он кроется прежде всего в неправильном понимании или, быть может, при правильном понимании в неправильном отображении в программах и учебниках предмета политической экономии, ее объема и содержания. В программах и учебниках по политической экономии дается главным образом анализ капиталистического способа производства, рассматривается империализм, как высшая стадия капитализма — и все. Иногда в «благотворительном порядке», в виде не относящихся к программе и курсу вопросов даются и кое-какие сухие сведения о докапиталистических формациях. В конце же курса или по отдельным его разделам проводятся параллели, сопоставления и противопоставления социалистической системы хозяйства с капиталистической. Но эти вопросы в курсе политической экономии занимают незначительное место.

Правильно ли такое построение программ и учебников политической экономии?

Разумеется, нет. Это ясно всякому, кто серьезно подумает над указаниями по этому вопросу основоположников марксизма-ленинизма.

Как известно, Энгельс писал, что «политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»¹, а не

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 104. Партиздат. 1936

только в капиталистическом обществе. Это указание Энгельса имел в виду Владимир Ильич Ленин в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». В этой работе Н. И. Бухариным была дана совершенно неправильная трактовка предмета политической экономии. У Бухарина в его «Экономике переходного периода» написано: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве...»

В этой тираде допущен ряд специфически бухаринских ошибок. В. И. Ленин написал против этого места: «Две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное» хозяйство»¹. Еще важнее для понимания вопроса о предмете политической экономии следующее замечание Владимира Ильича. У Бухарина написано: «Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии». Сказано прямо и категорически. В. И. Ленин не менее категорически написал против этого места: «неверно». Яснее сказать нельзя. И дальше В. И. Ленин поясняет: «Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $1v + m$ к $1c$? и накопление?» (это известные соотношения марксовской схемы воспроизводства).

Из этих замечаний совершенно ясно, что трактовать политическую экономию как науку о капиталистической системе хозяйства и только — значит трактовать ее неправильно, не так, как понимали и требовали Маркс, Энгельс, Ленин.

У В. И. Ленина есть и более непосредственные указания на то, каким должен быть учебник, а тем самым и курс политической экономии. Он писал, что политическая экономия есть наука «о развивающихся исторически укладах общественного производства»². Следовательно, ограничивать ее анализом капиталистического производства неправильно. Анализ капиталистического производства — только часть политической экономии, очень важная и большая часть, но не вся политическая экономия. К тому же капиталистическая система не может рассматриваться как нечто застывшее и неподвижное. Капиталистическая система должна изучаться в ее возникновении, развитии и гибели.

Неправильная постановка вопроса о предмете политической экономии, отразившаяся в программах и учебниках, усугубляется другой грубейшей ошибкой, свойственной постановке преподавания политической экономии, а именно — разрывом с основными требованиями марксистско-ленинского метода, разрывом с историей.

Некоторые экономисты, рассуждая о том, как нужно преподавать политическую экономию, договоривались до того, что объявляли историю, как это ни странно, вредной. Вот одно курьезное, довольно давнишнее, но характерное заявление на сей счет: «Если исторические факты являются частью теории (как 24-я глава «Капитала»), если ими аргументируют и доказывают теоретическое положение, то они не только допустимы, но необходимы. Если же теория в них не нуждается (?!) или не нуждается, по крайней мере, на данной стадии ее развития, — то они могут принести, и обычно приносят, только вред: получается уклон в историю, в описание, теория же разрывается, лишается своей внутренней цельности»³.

Откуда такая нелюбовь и даже вражда к истории, к преступному «уклону в историю»? В цитированной статье история признается терпимой только в 24-й главе I тома «Капитала» (тут уж ничего не поделаешь!),

¹ Ленинский сборник XI, стр. 349.

² В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 371.

³ Сборник «Вопросы преподавания экономических дисциплин». Статья Д. Розенберга, стр. 25. Главполитпросвет. 1927.

а в остальном история объявляется вредной, якобы нарушающей цельность экономической теории. Экономистам, боящимся замарать чистые ризы теоретической политической экономии «конкретикой» исторического развития, полезно напомнить хотя бы следующие слова Маркса и Энгельса, относящиеся еще к тому периоду, когда они выковывали в огне критической борьбы острое, всепоглощающее оружие диалектического материализма. Способ рассмотрения, соответствующий действительной жизни, писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», «исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Предпосылками его являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и неподвижности, а в своем действительном, наблюдаемом на опыте процессе развития в определенных условиях. Когда изображается этот действительный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, как у идеалистов»¹.

Беспощадно промя идеализм и метафизику во всех их проявлениях, Маркс и Энгельс формулируют основы своего, единственно научного метода, смело разрешающего кажущееся идеалистам непримиримым противоречие между конкретным и абстрактным, между логическим и историческим:

«С того, перед чем умозрение останавливается, т. е. с действительной жизни, как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание. Изображение действительности лишает самостоятельную философию среды, в которой она может существовать. В крайнем случае ее может заменить совокупность наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, ничего не стоят. Они могут послужить лишь тому, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, они отнюдь не дают рецепта или схемы, к которым можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — миновавшей ли эпохи или современности, — когда принимаются за его действительное изображение»².

Маркс и Энгельс едко издевались над буржуазной наукой, неспособной связать реальное историческое развитие и его научное познание, конкретное и абстрактное, логическое и историческое. «Неуклюжая кляча обыкновенного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия», — язвительно писал Энгельс о сокрушительной для буржуазной науки «К критике политической экономии» Маркса³.

Фридрих Энгельс показывает, что логический метод исследования в марксистском понимании есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие представляет собой не что иное, как отражение, в абстрактной и теоретически последовательной форме, исторического процесса — исправленное отражение, но исправ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 17.

² Там же, стр. 17 — 18.

³ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 10. Партиздат. 1932.

ленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

Все это совсем непохоже на присущую некоторым нашим преподавателям и авторам программ и учебников политической экономии «боязнь» истории, стремление оторвать изучение экономики от реального процесса исторического развития общественных формаций.

В приведенной выше выдержке из старого сборника материалов о преподавании политической экономии своеобразный «антиисторический» уклон экономистов выражен особенно резко. К сожалению, подобные тенденции нечужды и более поздней практике преподавания политической экономии.

Разве в сравнительно новых программах и учебниках чувствуется, что политическая экономия — наука общественно-историческая, как понимали ее Маркс и Ленин, наука о «развивающихся исторически укладах общественного производства»? В существующих программах, правда, не в такой грубой форме, как в цитированном сборнике, но в достаточно сильной мере отображена та же, насквозь неправильная установка. Между тем Маркс и Ленин отнюдь не считали, что история «мешает» экономической теории, «нарушает ее цельность». Владимир Ильич, между прочим, на весьма конкретном примере о функциях денег показал, какое место должна занимать история в курсе политэкономии. Как известно, у Маркса вопрос о функциях денег, об их развитии поставлен исторически, но в «опытных руках» некоторых наших преподавателей и авторов учебников этот вопрос превращается в чистейшую схоластику.

В. И. Ленин, указывая, как вопрос о функциях денег должен освещаться в учебнике, пишет: «...Теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества»¹.

Вот наглядный пример того соотношения теории и истории в преподавании политической экономии, которому В. И. Ленин придавал очень большое значение.

«Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития, — писал Владимир Ильич, — наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически-определенных, укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни»².

Вот как нужно строить учебник политической экономии и как нужно ее преподавать. Нельзя превращать преподавание политической экономии в пустое мудрствование, в схоластическую игру понятиями, в совокупность тощих абстракций, нужно ее преподавать так, как этого требуют Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Нужно преподавать ее в живом развитии, на осно-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 372.

² Там же.

ве исторического материала. Нужно показать действительное развитие общественных формаций, их экономические законы, их смену в ожесточенной борьбе.

Вопросы социалистического хозяйства, вопросы коммунизма не включаются в курс политической экономии как его самостоятельная составная часть. До сих пор в учебниках и программах политэкономии этим важнейшим вопросам отводилась или маленькая отдельная главка или небольшие параграфы различных глав для противопоставления и сопоставления с капиталистической системой хозяйства. Как это ни странно, социалистическое хозяйство не получило права гражданства в курсе политической экономии, хотя, как известно, в СССР построен социализм! Анализа социалистической системы хозяйства, которая в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в огне и буре ожесточенной классовой борьбы пришла на смену капитализму, которая представляет собою новую общественную формацию, высшее достижение человеческого общества в его развитии, — всего этого не было в программах и учебниках политической экономии. Куда годится курс политической экономии, рассказывающий о капитализме, но не показывающий, не анализирующий тот строй, который в революционной борьбе должен прийти и пришел в нашей стране на смену капитализму?

В существующих курсах вопросы социалистического хозяйства не включались в политическую экономию как ее завершающая часть, а выделялись в особую, недостаточно ясную «дисциплину»: «экономическая политика», которая некоторыми авторами не признавалась за теоретическую науку, а рассматривалась как прикладная область, в которой дается разбор практики советского государства.

Все это совершенно неправильно. Социалистическая система хозяйства, утвердившаяся в СССР в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком, экономические основы этой системы, ее закономерности, ее развитие должны занимать серьезнейшее самостоятельное место в курсе политической экономии.

В преподавании политической экономии должны быть полностью учтены известные замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР.

Те же недостатки, которые свойственны и историческому фронту и другим участкам нашей теоретической и преподавательской работы, — пренебрежение к истории, непонимание, недооценка и, ко всему этому, незнание истории — характерны и для курса политической экономии. История — чрезвычайно требовательная наука, весьма трудоемкая, требующая исключительной добросовестности. А без истории нет никакой науки вообще.

Всем известна лекция В. И. Ленина в Свердловском университете по вопросу о государстве. Там есть одно место, которое каждый занимающийся общественными науками, преподающий эти науки, т. е. выполняющий особо ответственную задачу в области воспитания и формирования наших кадров, должен постоянно перечитывать, сопоставляя свою практику с конкретными ленинскими указаниями.

«Самое надежное, — говорил Ленин, — в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление прохо-

дило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Эти ленинские слова являются ключом к правильному пониманию и разрешению всех вопросов политической экономии. Если игнорировать это решающее требование, мы никогда не добьемся правильной трактовки экономических категорий, явлений, процессов, закономерностей. Чтобы правильно подойти к вопросу, не запутаться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное — подойти к вопросу исторически. Только такой, единственно научный подход к политической экономии явится самым серьезным противоядием против того сухого теоретизирования, склонности к безжизненным абстракциям, талмудическому выхолащиванию, которое свойственно существующим учебникам и программам политической экономии.

Наши учебники нельзя упрекнуть в том, что они игнорируют критику различных антимарксистских взглядов. Наоборот, они приводят большое количество цитат и сообщают без разбора о таком изобилии различных борющихся взглядов, что часто теряется основное содержание, основная цель учебника. Например в учебнике Островитянова приводится целый ряд таких ошибочных взглядов и высказываний, которые давным-давно забыты. Там, например, разбираются давнишние ошибки тов. Позднякова. Что это за ошибки, что за особая «теория» Позднякова, для чего и кому их нужно знать? Все это совершенно излишне для понимания и изучения политической экономии. Учебники политической экономии загромождены разбором всяческих, не имеющих сейчас значения препирательств различных групп бызших слушателей Института красной профессуры.

В программах и учебниках политической экономии необходимо давать острую, серьезную критику различных буржуазных, буржуазно-фашистских, оппортунистических теорий. Без этого нельзя как следует понять и изучить боевую марксистско-ленинскую политическую экономию. Маркс не даром назвал свой «Капитал» «Критикой политической экономии».

Но эту важнейшую задачу нельзя подменять разбором многочисленных частных ошибок или высказываний, имеющих значение в личных биографиях их авторов, но не представляющих никакого интереса для науки.

Авторы, включая все эти рассуждения в учебники и программы, загружают преподавание таким мусором, что учащимся чрезвычайно трудно пробраться через него и овладеть основными положениями предмета. Все эти ненужные детали не помогают, а мешают изучать марксистско-ленинскую политическую экономию, не помогают, а мешают настоящей критике важнейших буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий, критике, без которой изучение политической экономии не мыслимо.

Всеми этими недостатками грешат не только преподаватели политической экономии. Их далеко не чужды и работники философского фронта, которые, надо думать, учтут печальный опыт экономистов и историков и сделают для себя необходимые выводы.

Центральный комитет партии предложил отменить существующую программу преподавания политической экономии, поскольку программа, как и учебники, вопреки прямым указаниям Ленина и Сталина, сводит эту общественно-историческую науку к формальному определению экономических терминов и понятий и тем самым уводит ее, по меткому замечанию товарища Сталина, «в область талмудизированных абстракций».

Такова оценка существовавших до сего времени программ и учебников политической экономии, оценка суровая, но справедливая.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 364.

Нужна глубокая и серьезная перестройка программ, учебников и всей постановки преподавания политической экономии.

Замечательным образцом того, как надо подходить к изучению и освещению важнейших теоретических вопросов политической экономии, являются работы В. И. Ленина по империализму. Выпуском XXVIII и XXIX Ленинских сборников Институт Маркса — Энгельса — Ленина закончил огромную работу по публикации подготовительных материалов Владимира Ильича к его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эти подготовительные материалы представляют совершенно исключительную ценность, раскрывая как бы лабораторию ленинской работы. Книга Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» содержит всего около ста страничек. Эта работа представляет собой «популярный очерк», как назвал ее Ленин. Он настаивал на этом названии. Он соглашался изменить свою фамилию, изменить заглавие книжки, если будут цензурные препятствия к опубликованию этой работы, но настаивал на том, чтобы осталось обозначение «популярный очерк».

Для этого «популярного очерка» в сто страничек Владимир Ильич проработал гигантский материал. Он использовал в своих подготовительных тетрадях по «Империализму» свыше 600 книг на различных языках, около 100 различных журналов, огромное количество газет, справочников. И все же в своем предисловии к этому «популярному очерку» Владимир Ильич писал: «в тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской»¹.

Вот как работал Владимир Ильич над материалом! Надо добавить, что работа над этой книжкой заняла у В. И. Ленина всего 5½ месяцев (январь — июнь 1916 года), и за эти 5½ месяцев он одновременно выполнял огромнейшую практическую работу по руководству партией и написал ряд статей по боевым вопросам партийной политики. Надо принять во внимание, что Владимир Ильич не пользовался помощью никаких институтов, не имел никакого подсобного аппарата для выполнения своей работы. Колоссальнейшее впечатление производит самый характер ленинских подготовительных тетрадей: вот, например, простая ученическая тетрадь или даже сшитые листы бумаги, тщательно разлинованные карандашом, и в эти тетради рукой В. И. Ленина, мелким, бисерным почерком вписаны важнейшие факты мировой истории начиная с 60 — 70-х годов прошлого столетия и до мировой империалистической войны.

В. И. Ленин сам составил синхронистические таблицы, которые опубликованы в XXIX Ленинском сборнике. Он кропотливо анализирует, сопоставляет факты международной политики, вопросы международных отношений, стараясь на конкретных, исторических примерах разобрать и показать, как складывалась обстановка в империалистических странах, как разворачивалась их борьба за передел мира, вылившаяся в мировую империалистическую войну 1914 — 1918 годов.

Сейчас мы знаем наизусть пять признаков империализма, сформулированных В. И. Лениным, которые столь ясно, столь четко и исчерпывающим образом характеризуют высшую стадию развития капитализма. Но, чтобы прийти к этим выводам, таким ясным, простым, В. И. Ленин проработал колоссальное количество самых различных материалов, статистических сборников; книг, описывающих развитие капитализма, развитие отдельных картелей и трестов, проработал множество исторических и географических справочников, журнальных статей и т. д.

Ряд страниц в тетрадях В. И. Ленина целиком заполнен расчетами, характеризующими движение цен во время борьбы двух картелей на рын-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 71.

ке, например движение цен на керосин в Германии. Владимир Ильич сам, своей рукой, подсчитал, как складывались эти цены, подсчитал проценты их роста. И из всего этого огромного материала выросла книжка в сто страничек — программная работа, являющаяся прямым продолжением работ Маркса, глубоко анализирующая высшую стадию развития капитализма. Эта работа Ленина так могущественна потому, что она опирается на колоссальный конкретный исторический материал.

В предисловии к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Владимир Ильич прямо указывает, что в этой работе он останавливается в особенности на экономической стороне вопроса. Но эта экономическая работа опирается на колоссальный конкретный исторический материал. Там есть, например, материал о развитии железных дорог в Китае, есть карты, вычерченные рукой Ленина. А как тщательно Владимир Ильич изучал все факты мировой истории, все факты колониальной политики, мельчайшие и крупнейшие факты, сопоставляя их по разным источникам, снова возвращаясь к ним, разбирая, разбивая их на периоды для того, чтобы максимально точно установить исторические факты! И только потом В. И. Ленин делает вывод. Вот что значит марксистско-ленинский метод исследования!

К сожалению, наша практика изучения и преподавания политической экономии далека от этих методов работы.

В решении Центрального комитета партии утверждена и новая схема курса политической экономии. Вот эта схема: введение — марксистско-ленинское учение об экономическом развитии человеческого общества и предмет политической экономии; от первобытного общества до капитализма (краткая характеристика общественных формаций в их развитии). Это все органическая часть курса политической экономии, а не «благотворительный» придаток именно потому, что политическая экономия есть наука о развивающихся исторически укладах общественного производства.

Дальше идут разделы: возникновение капитализма; промышленный капитализм; империализм и, наконец, большой заключительный раздел — социализм, также являющийся органической составной частью курса политической экономии. Иной схемы и быть не может, если не отступать от правильного, марксистско-ленинского понимания предмета политической экономии как науки.

Попытки исключить вопросы социализма из политической экономии и отнести эти вопросы к особому, неопределенному предмету преподавания — экономической политике советской власти — совершенно неправильны.

Характерной чертой наших учебников и программ по политической экономии является не только то, что они игнорировали историю и конкретное историческое развитие, но и то, что они игнорировали крупнейшие работы основоположников марксизма-ленинизма, подменяя их суррогатным изложением. Например такой блестящий образец конкретного анализа экономического развития России, процесса образования внутреннего рынка для крупной промышленности, анализа со всеми глубокими теоретическими выводами, каким является работа Ленина «Развитие капитализма в России», не находил отражения в наших программах, в учебниках, в практике преподавания политической экономии.

В этой работе В. И. Ленин блестяще показал, как надо давать теоретический анализ развития капиталистического хозяйства. Для этой замечательной работы В. И. Ленин проработал огромное количество статистических таблиц об отдельных уездах, материалы земской статистики, которые кажутся презренной пылью иному современному экономисту, витающему в заоблачных высях «талмудизированных абстракций».

Эта важнейшая работа Ленина до сих пор обходится в курсах политической экономии.

В постановлении Центрального комитета партии сказано, что в основу программы и учебника должны быть положены «Капитал» Маркса, «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» Ленина и «Вопросы ленинизма» Сталина. К этому надо добавить и важнейший документ социализма — сталинскую Конституцию. Вот что должно быть основой учебников, программ и всего преподавания политической экономии.

Очень важно указание ЦК ВКП(б) о том, что нам нужны не голые, безжизненные схемы, оторванные от конкретного исторического развития и классовой борьбы. ЦК ВКП(б) указал, что при составлении учебника политической экономии нужно брать пример с Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которые свои теоретические работы насыщали яркими историческими фактами, вызывающими у читателя ненависть к капиталистическому строю эксплуатации и наемного рабства и воспитывающими активных борцов за коммунизм.

«Капитал» Маркса — могущественная теоретическая работа, которую не могли поколебать сотни и тысячи буржуазных экономистов на протяжении десятков лет. Каждая строка «Капитала» насыщена ненавистью к капитализму и любовью к коммунизму, преданностью великому делу рабочего класса. И все наше преподавание политической экономии, наши учебники должны воспитывать ненависть к капиталистическому строю, к капиталистическому угнетению и эксплуатации, должны воспитывать преданных борцов за коммунизм, вооруженных великой теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Вряд ли нужно приводить много примеров, чтобы показать, что до сих пор наши программы и учебники политической экономии были далеки от тех задач, которые ставит ЦК ВКП(б), и страдали схематизмом, абстрактностью, оторванностью от классовой борьбы, склонностью сводить весь курс политической экономии к дефинициям, от увлечения которыми настойчиво предостерегал Владимир Ильич Ленин.

Важнейшее значение имеет требование ЦК ВКП(б) о том, чтобы в программе и учебнике по политической экономии, в соответствующих разделах, была дана острая критика буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий. ЦК указал, что нам нужно именно это, а не препирательства не имеющих значения групп бывших слушателей Института красной профессуры, загромождающие программы, учебники ненужным хламом. Эти препирательства между разными группами и мнениями, которые не имеют сейчас значения, заслоняли критику наших врагов, буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий.

Мы недавно слышали дикие завывания германских фашистов, поджигателей войны, на нюрнбергском съезде. Сюда, против этих враждебных сил, должно быть направлено острее нашей критики.

На этих основах должны быть перестроены все преподавание политической экономии, все программы и учебники. Это потребует большой работы со стороны кадров преподавателей и научных работников — экономистов, которым нужно основательно доучиваться и переучиваться.

Только тогда будут выполнены задачи, поставленные Центральным комитетом партии, только тогда изучение и преподавание политической экономии будет отвечать требованиям марксизма-ленинизма, показывая и доказывая, почему с такой железной закономерностью капитализм должен погибнуть в огне революционной борьбы пролетариата, почему в упорной классовой борьбе должен возникнуть и победить коммунизм и почему борьба за коммунизм является высшим призванием и высшим счастьем каждого передового, сознательного гражданина.

СТАХАНОВСКИЙ ГОД ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Г. Лауэр

Черная металлургия, блестяще начавшая стахановский год, заканчивает его с победой. После некоторого спада продукции в июне и особенно в третьем квартале,—в октябре заводы опять набирают темпы, перекрывая прежние рекорды производительности, и ведут упорную борьбу за 60 тысяч тонн стали и 45 тысяч тонн проката в сутки.

Не подлежит сомнению, что правительственный план выплавки металла будет, по примеру прошлого года, значительно перевыполнен по всему металлургическому циклу. Выплавка стали в целом (включая и Наркомат тяжелой промышленности и местную промышленность) достигнет за год около 16,5 миллиона тонн, т. е. будет только немного ниже задания второй пятилетки на 1937 год (17 миллионов тонн). В будущем году это задание пятилетнего плана будет, безусловно, намного превышено. Ведь уже в октябре заводы Наркомтяжпрома достигли среднесуточного уровня выплавки стали в 48,8 тысячи тонн, что соответствует годовой выплавке в 17,5—18 миллионов тонн. Металлурги борются за овладение новыми, стахановскими мощностями. Но это задача нелегкая, ибо отраслевые конференции металлургов определяли новые технические мощности агрегатов и заводов на основе действительно передовых коэффициентов¹.

Для мартеновских печей конференциями принят средний с'ем стали в 7—8 тонн в горячие сутки с квадратного метра пода; в 1934 году средний с'ем стали составил 3,31 тонны, а в 1935 году — 3,97 тонны.

Эти смелые проектировки основаны на тщательном учете действительных возможностей. Стахановцы и их руководители доказывают делом, что решения отраслевых конференций могут быть и будут реализованы. Например, сталевары мартеновского цеха завода имени Коминтерна уже близко подошли к освоению новой, установленной для их цеха мощности: в третьем квартале они добились с'ема 7,23 тонны в сутки при новой технической норме в 8,4 тонны. Программа в 60 тысяч тонн стали в сутки разверстана между заводами, и большинство из них в отдельные сутки или пятидневки уже добилось выполнения своего задания. Надо закрепить эти успехи отдельных дней, сделать стахановскую выплавку обычной, нормальной, научиться ежедневно работать на высском уровне. В этом суть борьбы за овладение новыми мощностями.

Металлурги кончают год с победой, но они не должны зазнаваться. После крупных успехов в январе, феврале и особенно в апреле они допустили значительное ухудшение работы. Оказалось, что часть апрельских успехов была куплена дорогой ценой: печи своевременно не ремонтировались и вскоре начали одна за другой выходить в ремонт; некоторые заводы прокатывали не тот металл, который был заказан, а те сорта, при выпуске которых прокатные станы дают большую производительность; кое-где неумеренно расходовали лом, предопределяя этим ухудшение состава шихты

¹ См. статью А. Гуревич «Первые итоги стахановского движения в черной металлургии». «Большевик» № 8 за 1936 год.

в последующие месяцы, и т. д. Эти ошибки теперь исправлены, но их не следует забывать.

Несмотря на перевыполнение плана по прокату в целом, металлургия не выполняет своих обязательств по ряду важных для народного хозяйства видов металла. Прежде всего не выполняется план выпуска железнодорожных рельсов для НКПС. За 9 месяцев выполнено только 66⁰/₁₀₀ годового плана по выпуску рельсов; но из этого количества только 72⁰/₁₀₀ составили рельсы первого сорта, т. е. пригодные для укладки на главных путях, а по годовому плану 84⁰/₁₀₀ всех рельсов должно быть первого сорта и только 16⁰/₁₀₀ — второго.

В августе нарком тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе обязал рельсопрокатные заводы в остающуюся часть года покрыть свой долг по рельсам; но и теперь заводы работают не вполне удовлетворительно. Лучшее других выполняется приказ наркома Кузнецким заводом, где введены серьезные изменения технологического процесса, что позволило резко снизить брак и повысить выпуск рельсов первого сорта.

Не выполнен план по железным трубам и, в частности, по сварным трубам мелкого, а также самого крупного диаметра для водопроводов. Здесь сказались плохое снабжение трубных заводов плоской заготовкой (штрипсами).

Плохая работа одного металлургического завода отражается на работе других заводов. Передельные заводы, не имеющие домен, как «Серп и молот» в Москве или завод имени Андреева в Таганроге, получают чугун от доменных заводов. Заводы с мощными блюмингами снабжают заготовкой прокатные цехи тех заводов, которым не хватает стали. Трубопрокатные заводы получают от других заводов круглую или плоскую заготовку. Без строжайшей дисциплины в выполнении межзаводских обязательств весь план черной металлургии был бы поставлен под удар.

План выпуска сварных труб мелкого диаметра, крайне нужных в жилищном строительстве для внутренней водопроводной сети, выполнен за 9 месяцев только на 50⁰/₁₀₀. Главный виновник этого срыва — Макеевский металлургический завод имени Кирова, который не сумел освоить новый непрерывный полосовой (штрипсовой) стан, поставляющий полосу для сварных труб.

Пример Макеевского завода поучителен. Этот завод в течение двух лет шел впереди других. Его коллектив имеет ряд крупных заслуг: успешную борьбу за лучший коэффициент использования доменных печей, инициативу борьбы за рентабельность, инициативу в применении премиальных систем оплаты инженерно-технических работников и т. д. Этот передовой завод в 1936 году ухудшил работу на некоторых участках. Например, удельный расход руды на тонну чугуна, резко снизившийся в прошлом году, вырос в 1936 году почти на 15⁰/₁₀₀; вырос и удельный расход кокса. Это вызвало повышение себестоимости чугуна. Макеевский завод отстает в освоении новых прокатных станков. Новый полосовой стан, пущенный на Макеевском заводе в начале года — один из двух технически совершенных заграничных станков, — был смонтирован к началу 1936 года. Почти одновременно был введен в эксплуатацию на Магнитогорском заводе второй такой же стан. Но в то время как магнитогорцы весьма успешно осваивали новый стан и из месяца в месяц повышали выпуск продукции (в июле было выпущено больше 10 тысяч тонн), макеевцы в течение полугода топтались на месте. Стан, имеющий проектную мощность в 250 тысяч тонн и плановое задание на 1936 год в 100 тысяч тонн, выпустил за полгода всего 4 тысячи тонн продукции.

Работа металлургии имеет первостепенное значение для всего народного хозяйства: каждый успех металлургии дает мощный толчок вперед машиностроению, транспорту, продукции широкого потребления и т. д.

Каждая неудача металлургов болезненно отражается на всем хозяйственном организме страны: например невыполнение металлургией программы по катаной проволоке немедленно ударило по выпуску гвоздей; невыполнение задания по выпуску крупных водопроводных труб задержало строительство водопровода в одном из столичных городов СССР.

Перечисленные нами отдельные недочеты ни в какой мере не умаляют огромных, поистине исторических побед нашей черной металлургии. СССР имеет теперь такую металлическую базу, которая обеспечивает разрешение всех проблем технической реконструкции народного хозяйства и оброну страны.

Если в 1931 году четвертая часть потребления проката покрывалась у нас импортом, то в 1936 году импорт сведен к ничтожному количеству, несмотря на то, что общее потребление проката возросло в два с половиной раза.

Еще два года назад выплавка стали у нас отставала от выплавки чугуна. Товарищ Сталин в беседе с металлургами отметил эту диспропорцию и указал пути ее преодоления. Год назад впервые удалось поднять выплавку стали выше выплавки чугуна. В 1936 году этот успех закреплен. За 10 месяцев произведено 11,96 миллиона тонн чугуна и 13,29 миллиона тонн стали, т. е. производство стали на 10% превысило выплавку чугуна. Диспропорция ликвидирована.

Начиная с 1934 года СССР экспортировал чугун. Этот экспорт был косвенным отражением той диспропорции, на которую указывал товарищ Сталин. Страна нуждалась в стали и прокате и даже была вынуждена частично импортировать прокат; в то же время накапливались излишки чугуна, которых нельзя было продуктивно использовать. К началу 1935 года запасы чугуна в стране превышали 2 миллиона тонн; экспорт чугуна в этих условиях был вполне рационален. Но по мере того как выплавка стали начала обгонять выплавку чугуна, запасы чугуна сокращались. В настоящее время между выплавкой чугуна и стали установилось такое соотношение, что в 1937 году необходимо строить новые доменные печи, чтобы не допустить нехватки чугуна для быстро растущего сталеплавильного производства. Производство стали растет прежде всего в результате все лучшего овладения техникой. Экспорт чугуна сменяется и будет все больше сменяться экспортом готового проката, особенно в страны Востока, а также экспортом машин.

Развитие стахановского движения обеспечило огромные успехи заводов, производящих качественную сталь. Задание пятилетки по выпуску качественного проката будет выполнено в четыре года. Особенно растет выплавка электростали: уже в 1936 году СССР выходит на первое место в мире по производству стали в электропечах, обгоняя даже Соединенные штаты Америки. Это говорит об огромном развитии, которое получили в СССР ответственные машиностроение, инструментальная промышленность — главные потребители высококачественной стали.

Но больше бы вредно обольщаться достигнутыми успехами и предполагать, что нам уже нечему учиться у заграничной металлургии.

Несомненно одно: по многим, очень существенным показателям работы металлургии СССР стал технически передовой страной. Возьмем хотя бы такой общий показатель, как концентрация производства. Заводы с годовой выплавкой чугуна свыше 600 тысяч тонн дали в 1932 году только 10,3% всей продукции, а в 1936 году — уже 70%. Средняя выплавка чугуна на один завод (без древесноугольных) достигнет в 1936 году 570 тысяч тонн вместо 246 тысяч тонн в 1932 году, в то время как в Соединенных штатах Америки в 1929 году средняя выплавка на один завод составляла только 367 тысяч тонн, а в Германии — 298 тысяч тонн.

Более четверти доменных печей СССР (не считая древесноугольных) —

это печи-гиганты объемом свыше 900 кубических метров. В Соединенных штатах Америки в 1929 году удельный вес таких печей не достигал 10%. В Германии имеются только 2 печи объемом свыше 900 кубических метров.

Новые сталеплавильные и прокатные цехи, построенные на Магнитогорском, Кузнецком и Макеевском заводах, на заводе имени Дзержинского и других, по своему техническому оснащению не уступают самым передовым заводам в мире.

В результате стахановского движения достигнуты решающие успехи и в области освоения этого великолепного оборудования.

Средний коэффициент использования доменных печей за 9 месяцев 1936 года составил 1,09 вместо 1,20 в прошлом году (улучшение на 10%). Во втором квартале этот показатель был еще лучше: 1,05. Это значит, что по использованию доменных печей мы обогнали Соединенные штаты Америки и очень близко подошли к средним показателям Германии. Лучшие наши заводы: Макеевский, Сталинский, имени Дзержинского — работают с коэффициентом ниже единицы.

За 9 месяцев в среднем по СССР с'ем стали в горячие сутки составил около 4,5 тонны с квадратного метра пода мартеновских печей, т. е. примерно достигнут уровень металлургии Соединенных штатов Америки. Но лучшие цехи: новый цех завода имени Дзержинского, новый цех Макеевского завода, завод имени Коминтерна, цех «А» Мариупольского завода и др. — добились рекордных показателей, подчас превосходящих лучшие заграничные достижения.

Блюминги на наших заводах работают с такой нагрузкой, какая неизвестна в заграничной практике. Магнитогорский блюминг прокатывал, например, в отдельные месяцы до 110 тысяч тонн стали вместо 80 тысяч тонн по первоначальному проекту.

Еще год назад мы не могли бы назвать таких цифр и показателей. За один год наша металлургия шагнула буквально на десятилетие вперед. Это результат великого стахановского движения. Старые нормы, прежние масштабы сломлены. Открыта новая страница в борьбе за подлинно социалистическую производительность труда.

* * *

Теперь, когда стахановское движение выявило новые технические мощности черной металлургии, на более высокую ступень поднялось социалистическое соревнование металлургов. Заводы, цехи, бригады соревнуются теперь не только на лучшие показатели, а ставят перед собой задачу освоения новых технических мощностей. Победителем в соревновании будет тот, кто первым освоит новую техническую мощность.

Тов. Орджоникидзе на заседании Совета при наркомте тяжелой промышленности поставил перед металлургами задачу — давать 60 тысяч тонн стали в сутки. Решить эту задачу — значит выдвинуть металлургию СССР на первое место в Европе по выплавке стали, опередив Германию.

Лучшие люди черной металлургии подхватили лозунг тов. Орджоникидзе. В сентябре представители шести крупнейших заводов Юга заключили договор социалистического соревнования, взяв на себя обязательство достигнуть в четвертом квартале ежесуточной выплавки 60 тысяч тонн стали и производства 45 тысяч тонн проката. Инициатором соревнования обратились к металлургам Магнитогорска, Кузнецка, «Азовстали» и других заводов с призывом включиться в соревнование.

Металлурги всего Союза откликнулись на призыв. Заводы «Спецстали» взяли на себя дополнительное обязательство — прекратить выпуск вторых сортов качественной стали и повысить выход годной стали из шихты; ферросплавы Запорожского завода обязались еще в 1936 году достигнуть

полной технической мощности завода ферросплавов. Большие обязательства взяли на себя трубки.

Борьба за выполнение обязательств разгорается, захватывает десятки тысяч рабочих, приводит к новым производственным рекордам.

В октябре среднесуточный с'ем стали с квадратного метра пода поднялся с 4,07 тонны (сентябрь) до 4,42 тонны в календарные сутки, что соответствует 5 тоннам в горячие сутки¹. Впереди всех идут сталевары, работающие на новых печах завода имени Дзержинского (6,91 тонны); но остальные мартены этого завода работают еще неважно. Значительно улучшили работу в сравнении с сентябрем сталевары «Азовстали» (6,41 тонны). Выдвигаются мартеновские цехи Мариупольского завода имени Ильича (6,09 тонны). Прекрасно продолжает работать завод имени Коминтерна (6,46 тонны). Работники этого небольшого завода имеют такие технические достижения, что завод стал местом паломничества инженеров и хозяйственников крупнейших заводов Союза. Едут на завод, чтобы учиться у коминтерновцев сокращать завалку, организовать работу на канаве, вести плавку так, чтобы получать 7 тонн стали с квадратного метра пода печи. Чем объясняются огромные достижения завода имени Коминтерна? В первую очередь прекрасной организацией труда и научным подходом к решению задач производства; завод связался с Днепропетровским институтом металлов, ввел ряд конструктивных изменений в печах и изменил режим плавки. Для интенсификации процесса плавки завод ввел принудительное дутье. Но в то время как на многих заводах работа с принудительным дутьем привела к частому поджогу сводов, завод имени Коминтерна сумел охранить печи от поджога сводов несмотря на интенсивность процессов плавки. Средняя продолжительность плавки сокращена с 7 часов 30 минут в 1935 г. до 5 часов 30 минут за 8 месяцев 1936 года.

Завод имени Петровского до сих пор не применял технических улучшений, рекомендуемых Днепропетровским институтом металлов, которые в значительной степени обусловили победы завода имени Коминтерна. В результате завод имени Петровского поднял выплавку стали по сравнению с 1935 годом всего на 17%, а завод имени Коминтерна — на 45%. С'ем стали (по горячему времени) за 8 месяцев 1936 года составил на заводе имени Петровского 4,56 тонны, на заводе имени Коминтерна — 7,12 тонны, продолжительность кампании печей на первом заводе — 294 плавки, на втором — 355 плавков.

Научные институты, заводские лаборатории должны подводить фундамент теории под самоотверженную, прекрасную работу рабочих-стахановцев. Ведь сами стахановцы — экспериментаторы, искатели. Они используют всякое дельное указание, которое получают от людей науки, потому что стахановцы — это люди, которые учатся и беспрестанно повышают свою квалификацию. Таков сталевар Мариупольского завода Макар Мазай, который вызвал всех сталеваров Союза на соревнование, обязавшись добиться с'ема 12 тонн с квадратного метра, и обязательство свое перевыполнил, дав за период с 25 октября по 14 ноября средний с'ем в 12,18 тонны с квадратного метра пода.

Огромное значение имеет организованный обмен опытом. Поэтому надо горячо приветствовать почин Главного управления металлургической промышленности, созвавшего в Харькове летом 1936 года совещание по мартеновскому производству. Стенографический отчет этого строго делового со-

¹ В дальнейшем цифры с'ема приводятся в счете на календарное время.

Исчисление с'ема в календарные сутки получается делением выплавки стали за месяц на количество квадратных метров пода печи и на число дней месяца. Для получения цифры с'ема в горячие сутки делают выплавку не на все число дней месяца, а только на то число дней, в которое печь фактически выплавляла сталь.

вешания — настоящий подарок металлургическим заводам. На совещании встретились начальники мартеновских цехов и их помощники, главные инженеры заводов, заведующие лабораториями, научные работники, проектировщики, руководители металлургии. Был проанализирован опыт почти всех заводов; приняты решения о внедрении мероприятий, которые уже оправдались на опыте отдельных заводов. Были определены темы научно-исследовательских работ, необходимых для выяснения спорных вопросов. Были выработаны указания проектировщикам новых цехов. Маститые профессора, присутствовавшие на совещании, признали, что оно для них явилось подлинной академией.

Разве не ясно, что обобщение опыта десятков заводов, сотен инженеров, работающих в разнообразных условиях, имеет громадное значение и для теории и для практики металлургии?

Социалистическое соревнование развертывается на новой, более высокой основе. Стахановское движение заставляет инженеров подымать уровень своего руководства. Стахановское движение дало новый толчок научной работе в металлургии, потребовало более тесного сближения научных институтов с производством.

Борьба за 60 тысяч тонн стали в сутки развертывается все шире. В нее втягиваются тысячи рабочих. Их усилия приведут нашу металлургию к новым славным победам.

* * *

Отраслевые конференции черной металлургии вместе с пересмотром технических мощностей заводов, согласно постановлению декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1935 года, пересмотрели и нормы выработки. Старые нормы были опрокинуты стахановским движением и становились тормозом дальнейшего роста производительности труда. Средние нормы выработки в доменных цехах Юга были повышены на 13,8%, в мартеновских цехах — на 23,7%, в прокатных цехах — на 26,3%. Примерно так же были повышены нормы на новых заводах Востока. Новые нормы были введены на Юге с 1 марта, на заводах центра — с 15 марта, на Востоке — с 1 апреля 1936 года. Прошло всего полгода с этого момента, и, быть может, рано еще подводить итоги освоения новых норм. Однако данные за первые несколько месяцев работы по новым нормам позволяют уже сделать некоторые выводы.

В конце 1935 года по объединениям «Сталь» и «Спецсталь» только 10% рабочих, выполняющих работы сдельно, не выполняли старых норм; 42,5% рабочих выполняли нормы на 100—125%; 30% рабочих выполняли нормы на 126—150%; 14,2% рабочих — на 151—200%; 3% рабочих выполняли старые нормы свыше чем на 200%.

В марте, непосредственно после введения новых норм, число не выполняющих нормы по объединению «Сталь» возросло до 22%, но уже в следующем месяце снизилось до 20,7%; подавляющее большинство рабочих успешно осваивало новые нормы. 15% рабочих выполняли нормы больше чем на 150%, в том числе 2,4% перевыполняли норму больше чем вдвое. Следующие месяцы принесли некоторое ухудшение: выработка рабочего тесно связана с производительностью обслуживаемого им агрегата — доменная, прокатного стана. Ухудшение работы металлургии в целом, имевшее место летом, увеличение простоев, ухудшение коэффициентов отразились на выработке, а тем самым и на заработке рабочих. Но как только металлургия начала работать лучше, сократился и процент рабочих, не выполняющих нормы.

Мы видим, что даже в те месяцы, когда значительное количество рабочих не выполняло норм, лучшие рабочие-стахановцы добивались огромного перевыполнения этих норм и, что самое важное, количество стахановцев неуклонно росло. Это показывает, что новые нормы могут быть выполне-

ны всеми рабочими. Дело за руководителями, которые еще не сумели сделать опыт лучших бригад, лучших рабочих достоянием всей массы рабочих.

Объединение „Сталь“

Месяцы	Процент рабочих, не выполняющих нормы	Процент выполняющих норму больше чем на 150%
Апрель	20,7	15,0
Июнь	27,2	13,9
Сентябрь	17,9	20,6

Большое число рабочих, не выполняющих норм, при наличии 20% рабочих, перевыполняющих нормы более чем на 50%, говорит об огромных резервах, которые необходимо мобилизовать.

Численность рабочих на наших заводах в два, три, а иногда в шесть раз больше чем на заводах Соединенных штатов Америки при одинаковом оборудовании. В Америке годовая выплавка чугуна на 1 рабочего доменных цехов в 1929 году составляла в среднем 1735 тонн, а у нас в 1936 году — около 700 тонн. При этом по степени механизации домен и по их средней величине мы немногим уступаем Америке.

В то время как в Соединенных штатах Америки на 1 доменную печь приходится 102 рабочих, а на полностью механизированную печь даже меньше, у нас на полностью механизированных печах работает во всех сменах от 250 до 270 рабочих.

Более детальный анализ показывает, что число людей, непосредственно обслуживающих агрегаты, у нас не так уж сильно отличается от американских норм, хотя и здесь есть излишек. Но огромное число людей занято у нас на подсобных работах в основных цехах и особенно во вспомогательных цехах, где производительность труда крайне низка и труд плохо организован. На основе материалов, собранных советскими металлургами, посетившими американские заводы, мы приходим к выводу, что наши отлично работающие домы и мартеновские цехи окружены заводским хозяйством, организованным крайне несовершенно, а подчас и прямо безобразно. Это огромное заводское хозяйство, призванное обслуживать основные производственные агрегаты, пожирает прекрасные результаты высокопроизводительного, стахановского труда.

В области организации труда у металлургов — непочатый край работы.

Главные пути дальнейшего повышения производительности труда — это прежде всего внедрение механизации не только на основных, но и на всех вспомогательных работах; широкое и планомерное совмещение профессий, нередко осуществляемое по почину рабочих-стахановцев; повышение качества ремонта оборудования, что в несколько раз сокращает простой из-за аварий и «неполадок» и уменьшает штат ремонтных и вспомогательных рабочих.

За четыре года второй пятилетки производительность труда в черной металлургии выросла на 123%, в то время как за всю первую пятилетку производительность труда выросла только на 35%. Это значит, что задание второго пятилетнего плана об удвоении производительности труда уже перевыполнено. Но это не значит, что можно «почить на лаврах». Металлургия достигла этих побед благодаря успешному освоению великолепного оборудования, которое она получила за годы первой и второй пятилеток. Если теперь работники черной металлургии возьмутся всерьез за организацию труда, они смогут быстро ликвидировать наше отставание от Америки и на этом участке и добиться того, что советская металлургия будет иметь не только самые высокие коэффициенты использования оборудования (до этого уже недалеко), но и самую высокую производительность труда.

На заседании Совета при наркомате тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе указал:

«Металлургам теперь нужно не только программу выполнять, но одновременно дать новые образцы высокой производительности труда и качества металла и эти образцы быстро внедрять на всех заводах».

Эти слова должны стать программой действия для всех работников черной металлургии.

Требование повысить качество металла выдвинуто не случайно. Оно вызвано не каким-либо ухудшением качества поставляемого металла, а родилось в результате роста культуры машиностроения, роста требований к материалу.

Несколько лет назад рождающаяся автотракторная промышленность была застрельщиком в борьбе за качество металла. Автомобиль по образцу Форда, трактор «интернационал» должны были производиться из материалов, строго соответствующих точным техническим условиям американских фирм. Перед нашей металлургией была поставлена задача — организовать производство металла, соответствующего этим условиям. Эта задача была решена. Ряд заводов специализировался на производстве металла для автотракторостроения и для шарикоподшипников, а также для выпуска инструментальной стали. Эти заводы были организованы в особое объединение «Спецсталь». Руководство «Спецстали» проделало огромную работу по насаждению культуры производства качественного металла. Качественные стали отличаются от обыкновенных не только и даже не столько химическим составом: основное в них — это однородность состава, строгое соответствие заданному химическому анализу, отсутствие загрязнений, определенная физическая структура (например заданная величина зерна) и определенные механические качества, безупречная поверхность (отсутствие мелких трещин и т. д.), точное соответствие размеров. Изготовление качественных сталей требует прежде всего культуры на заводе, акуратности, тщательности, чистоты, научного контроля над всеми операциями, работы не «на глазок», а на основе точных измерений, требует строгого соблюдения технологического режима.

Только часть качественных сталей отличается содержанием так называемых легирующих элементов, например хрома, никеля, молибдена, вольфрама и др., придающих металлу повышенные механические или необычные физические, а также химические свойства (например нержавеющие стали, стали с особыми магнитными свойствами и т. д.).

По мере развития машиностроения и повышения его квалификации растет число потребителей качественного металла и усложняются требования к этому металлу. Появилась потребность в кислотоупорных сталях, в сталях с низкой «ползучестью», т. е. выдерживающих длительную нагрузку при высокой температуре, и т. д.

Но одновременно повышаются требования к качеству «рядового» металла; все заводы начинают производить металл, отвечающий более строгим техническим условиям.

Объединение «Спецсталь» разрастается: в него включаются все новые заводы, — причем основные заводы «Спецстали», как «Электросталь», завод инструментальных сталей «Запорожстали», «Серп и молот», специализируются на самых трудных и ответственных марках стали.

Внедрение производства стали повышенного качества на заводах, которые раньше давали только «торговый» металл, дается нелегко: надо ломать старые навыки, насаждать новый стиль работы. Между потребителями и про-

изводителями, между машиностроительными и металлургическими заводами то и дело возникают недоразумения и споры. В этих спорах надо всецело поддерживать машиностроителей. Об этом четко заявил тов. Орджоникидзе в своей речи на заседании Совета при наркомате тяжелой промышленности:

«Критика машиностроителей, их требования должны радовать всех нас. То, что сегодня машиностроители поставили перед металлургами новые требования, — это говорит о новом уровне нашего машиностроения. Машиностроители вновь должны разработать свои повышенные требования к металлу и предъявить их металлургам, а они обязаны без всяких разговоров их выполнить. В этих вопросах голос потребителя, в данном случае голос машиностроителей, должен быть решающим».

С новыми требованиями выступают и строители и работники заводов, производящих предметы широкого потребления.

В заграничной, особенно в американской, практике за последние годы широко применяются так называемые низколегированные стали, т. е. стали с очень небольшими присадками облагораживающих элементов (хрома, кремния, марганца, меди). Стоимость этих сталей мало отличается от стоимости обыкновенных углеродистых сталей, так как присадки легирующих элементов не превышают 1—2%, и это недорогие элементы. Для сравнения с высоколегированными сталями напомним, что самая распространенная марка нержавеющей стали содержит 8% дорогого никеля и 18% хрома. Низколегированные стали значительно превосходят обыкновенную сталь по своим качествам. Небольшая присадка меди в несколько раз повышает стойкость металла против коррозии. Присадка хрома и марганца повышает сопротивление разрыву и, что особенно важно, резко повышает предел текучести.

Низколегированные стали нашли широкое применение в производстве железнодорожных вагонов, в судостроении, в железных конструкциях и мостах. Большая крепость стали позволяет уменьшить толщину листов, сечение балок и профилей, т. е. уменьшить вес конструкций. Это имеет огромное значение в транспортном машиностроении, где уменьшение веса тары позволяет увеличить полезный груз. Применение новых сталей в Соединенных штатах Америки позволило снизить вес 4-осного крытого вагона с 20,85 тонны до 15,5 тонны, т. е. на 26%, при одновременном повышении подъемной силы с 56 до 61 тонны. Отношение полезного веса вагона к весу брутто повысилось с 72,8% до 79,8%, т. е. круглым счетом на 10%. Это означает, что применение новых сталей в вагоностроении позволяет на 10% снизить стоимость железнодорожных перевозок.

Не меньшую экономию дает применение новых сталей в строительстве. Расход металла снижается на 25%. Конструкции получаются более легкими, изящными. Можно строить пролеты мостов большей длины чем при применении обычной стали.

Такие же выгоды получаются при конструкции кранов. За счет облегчения самого крана растет его подъемная сила.

В 1936 году машиностроение и строительство потребовали от металлургии поставки низколегированных сталей. Это требование было удовлетворено в очень небольшой мере. Но все же несколько заводов освоило прокатку марганцовистой стали для морского судостроения и начало осваивать новую марку стали, выработанную по заказу строительства Дворца советов. Из этой стали (хромо-марганцовисто-медистой), отличающейся превосходными механическими качествами и стойкостью против коррозии, будут построены новые мосты на Москве-реке. В 1937 году надо перейти к массовому выпуску сталей этого типа для мостов, конструкций и в особенности

для вагоностроения. Трудно переоценить народнохозяйственное значение выпуска такого улучшенного металла.

Другой вид требований машиностроения относится не к химическому составу металла, а к его геометрической форме и размерам. Металлургия производит металл в недостаточно разнообразном ассортименте профилей и размеров.

Правда, за последние годы освоена прокатка ряда трудных и сложных профилей для тракторостроения (башмак гусеничной ленты, шпора тракторного колеса и др.), для сельскохозяйственных машин и для строительства (шпунт для гидротехнических работ). Но рождаются все новые потребности. Для строительства нужны балки с широкой полкой, судостроение требует ряда сложных профилей, применение которых сократит сварные работы и уменьшит вес судна, в вагоностроении предполагается заменить сложную сварную конструкцию хребтовой балки вагона катаной балкой и т. д.

Металлургия обязана расширить свой сортамент, включить в программу прокатки все те профили и размеры, применение которых целесообразно в машиностроении.

Потребители предъявляют еще одну серьезную претензию к металлургам: они требуют, чтобы прокатанный металл точно соответствовал заказу и стандарту. Если конструктор предусмотрел применение круглого железа диаметром в 50 миллиметров, погонный метр которого должен весить 15,4 килограмма; а металлургический завод поставляет вместо этого железо диаметром 52 миллиметра, с весом погонного метра в 16,7 килограмма, то машиностроительный завод не только вынужден заплатить на 8,6% больше за излишний металл, но конструкция утяжеляется, иногда в недопустимой степени.

Чтобы заставить металлургические заводы катать металл точно по заказу и не превышать заданный вес, нарком тяжелой промышленности обязал потребителей оплачивать металл не по фактическому весу, а по теоретическому весу заказанного металла. Это заставляет металлургов не допускать перерасхода металла при прокате, ибо лишний металл не будет оплачен. Разумеется, недопустимо отклонение и в обратную сторону. Это пример применения рычага хозяйственного расчета для проведения важных технических мероприятий.

Повышенные требования к качеству труб предъявлены нефтяниками. На специальном совещании металлургов и нефтяников в Баку были установлены те улучшения, которые в ближайшее время должны быть введены в технологическом процессе производства нефтяных труб.

Приведенные примеры ясно показывают характер новых задач, стоящих перед металлургией. Не о количестве только, не о голом тоннаже идет теперь речь. В центре внимания стоит качество, удовлетворение потребителя. И если кое-где в нашей промышленности еще сохранились люди, считающие, что потребитель обязан «брать, что дают», то партия и правительство быстро заставят их понять, что такой работе у нас больше нет места.

Недавнее решение Совета труда и обороны о том, что план предприятия будет считаться выполненным только при условии точного соблюдения планового ассортимента выпуска, определяет новый стиль работы, который должна усвоить вся промышленность. Черная металлургия, одержавшая уже не одну победу, сумеет поднять свою работу на более высокий уровень и развернуть большевистскую борьбу за более богатый ассортимент, за более высокое качество металла.

* * *

Металлургия должна давать не только хороший, но и дешевый металл. За четыре года себестоимость продукции черной металлургии снижена на

28% при задании на всю пятилетку в 33%. Задание пятилетки будет невыполнено. Для сопоставимости с этим заданием мы исключили влияние на себестоимость изменения цен на сырье и топливо как факторы, не зависящие от работы металлургии.

Значительное снижение издержек производства в 1936 году позволит к концу года пересмотреть цены на черные металлы и снизить эти цены на несколько процентов без ущерба для рентабельности металлургии, которая в текущем году даст около 400 миллионов рублей прибыли государству.

Резервы для снижения себестоимости металла далеко еще не исчерпаны. Один из крупнейших резервов — использование отходов металлургии; среди этих отходов важнейшую роль играют энергетические отходы и в первую очередь горючие и горячие газы металлургических печей. Количество этих газов, в особенности доменного и коксового, на металлургических заводах огромно. Только по заводам и коксовым установкам Донбасса в 1934 году было произведено 18 миллиардов кубических метров доменного газа и 2,5 миллиарда кубических метров коксового газа; их теплотворная способность составляла 3,8 миллиона тонн условного топлива. В 1936 году эти цифры нужно увеличить на 30—40%.

Значительная часть этих газов используется нерационально. Часть доменного газа выпускается прямо в воздух в неочищенном виде, т. е. вместе с газом выбрасываются тысячи тонн угольной и металлической пыли, отравляющей атмосферу Донбасса. В 1935 году 23,7% всего доменного газа, полученного на заводах южной металлургии, были потеряны. Ценный коксовый газ, который может быть использован и как химическое сырье для получения водорода (в производстве синтетического аммиака), и как высококалорийное топливо в мартеновских печах, и как бытовой газ, в значительной части сжигается под котлами, где можно сжигать штыб, низкосортный уголь, или используется для отопления самих коксовых батарей, где можно применять менее калорийный доменный газ¹.

В Германии и в Англии коксовый газ широко используется для снабжения промышленности и городов. Газ передают по трубам на огромные расстояния. Например в Ганновер газ подается по трубам из Рурского бассейна, за 200 с лишним километров. В 1935 году в Германии было передано по дальним трубопроводам 2,5 миллиарда кубических метров коксового газа.

А мы еще плохо используем этот ценный газ. Доходит до того, что в Донецкую область, где на металлургических заводах имеются огромные излишки дарового топлива, завозится мазут.

В Днепропетровске завод имени Ленина, находящийся рядом с коксовыми батареями завода имени Петровского, сжигает мазут в мартенах и в нагревательных печах. На «Азовстали» коксовым газом отапливают коксовые батареи, жгут его под котлами, выпускают часть доменного газа в воздух, а рядом, на заводе имени Ильича, расходуется 280 тысяч тонн мазута в год для металлургических печей и для отопления котлов электростанции.

Конечно, передовые заводы перевели уже свои коксовые батареи на доменный газ, освобождая коксовый газ для мартенов. Это относится к Магнитогорскому, Макеевскому, Кузнецкому заводам. В последнее время приступили к работе по переводу своих коксовых батарей на доменный газ заводы имени Петровского и Дзержинского. Но большое число коксовых печей продолжает отапливаться коксовым газом и даже жечь его под котлами (Алчевск, Кадиевка, «Азовсталь», Горловка и т. д.):

Рациональное использование газов Донбасса позволит не только полностью изгнать мазут из топливного баланса металлургии, но сократить

¹ При сжигании кубического метра доменного газа получается 930 калорий, при сжигании кубического метра коксового газа — 4 тысячи калорий.

расход угля и сильно расширить производство синтетического аммиака на водороде коксовых газов. Для этого нужно использовать излишки коксового газа на одних предприятиях, передавая их по трубам туда, где есть потребность в высококалорийном топливе (низкокалорийное топливо передавать на большие расстояния невыгодно). Надо построить единую сеть газопроводов, создать централизованное газовое хозяйство Донбасса (а в дальнейшем и Приднепровья), по примеру единой системы электроснабжения Донбасса, с ее линиями передачи высокого напряжения, по примеру газовой сети Рурского бассейна.

Схематический проект такой сети для Донбасса был разработан еще 3 года назад. Больше года прошло с тех пор, как по инициативе Донецкого обкома и облисполкома была проделана работа по выявлению газовых балансов отдельных заводов Донбасса и имеющихся излишков газа.

Однако, несмотря на всю народнохозяйственную эффективность газификации, до последнего времени дело двигалось очень медленно.

Но в самое последнее время дело получает другой оборот. Систематический пережог мазута в промышленности обратил на себя внимание правительства. Мазут нам нужен как сырье для крекинга, как сырье, из которого можно получить ценнейшие светлые продукты. Очень скоро может настать момент, когда мазут вообще не будет отпускаться как топливо.

Уже в этом году НКПС, по указанию правительства, перевел большое число паровозов с жидкого топлива на твердое. Но заводы тяжелой промышленности не выполнили директивы об экономии мазута. И вот для того, чтобы сделать директиву более действенной и подкрепить ее экономическим стимулом, с 1 ноября цена на мазут, применяемый в качестве топлива, была резко повышена. Перед металлургами и машиностроителями, борющимися за рентабельность, встала во весь рост задача срочной замены мазута другими видами топлива. И тогда вспомнили о газе. Спешно разрабатываются проекты газопроводов, например с Алчевской и Кадиевской коксовых установок на Ворошиловградский паровозный завод.

Но эта работа не должна свестись к ряду случайных, не координированных мероприятий отдельных заводов. Иначе неизбежны ошибки.

Мероприятия по рационализации топливного хозяйства металлургии должны проводиться в рамках единого продуманного плана, в котором интересы металлургии были бы увязаны с интересами всего хозяйства данной области: с химией, машиностроением, с нуждами коммунального хозяйства. Элементы для такого плана имеются, но плана еще нет. Главное управление металлургической промышленности, наконец, должно взять дело газификации в свои руки и помочь заводам грамотно разрешить новые крупные задачи, которые встали перед ними в связи с изменением цен на мазут. Это изменение цен — только внешний толчок, который сдвинул с мертвой точки большое дело; а дело это далеко не сводится к замене мазута: оно состоит в рационализации всей энергетики металлургических заводов, в использовании всех тепловых отходов, в высвобождении добавочных количеств химического сырья, в мобилизации огромных резервов снижения себестоимости металла.

Социалистическому хозяйству чуждо расточительство, столь характерное для капитализма. Мы обязаны экономить уголь, газ, электроэнергию, металл, ибо это значит экономить человеческий труд. Советская металлургия, переходя в высший класс по качеству работы, должна показать пример социалистической рационализации своего энергетического хозяйства, пример подлинной борьбы за снижение себестоимости продукции.

О ПРЕЗРЕННЫХ РЕСТАВРАТОРАХ КАПИТАЛИЗМА, ВРЕДИТЕЛЯХ И АГЕНТАХ ФАШИСТСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Н. Березин

Развернувшаяся во время процесса главарей троцкистско-виновьевской банды омерзительная картина подготовки ими убийств руководителей партии и правительства, шпионская, диверсионная и вредительская их деятельность в целях понижения боеспособности страны социализма, непосредственная и теснейшая связь этой банды с наиболее агрессивными в отношении к СССР империалистическими группами, их связь с фашистской буржуазией с исключительной яркостью выявили, до какой низости докатились презренные последыши враждебных социализму сил в нашей стране.

События последнего времени наглядно показали прозорливость указания товарища Сталина, еще несколько лет назад предупреждавшего о том, что ликвидация капиталистических классов в СССР еще не означает прекращения классовой борьбы, что известные части разбитых наголову классов перейдут к новым, наиболее острым и гнусным формам и методам борьбы против социализма; что капиталистическое окружение старается оживлять и поддерживать остатки враждебных социализму сил в нашей стране.

В героической борьбе, гигантским напряжением сил рабочий класс Советского союза добился окончательной и бесповоротной победы социализма в нашей стране. Невиданным темпом развивается социалистическое хозяйство, бьет ключом новая, молодая, радостная жизнь.

В великом процессе социалистического преобразования впервые в истории человечества на одной шестой части земного шара создано социалистическое общество. Эксплуататорские классы в СССР ликвидированы. Основные классовые различия, классовые противоположности уничтожены. Сохранилась еще некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества.

Большевистская партия на основе гениальной стратегии Ленина — Сталина обеспечила не только привлечение на сторону пролетариата широких трудящихся масс мелких товаропроизводителей, но и переделку их общественно-экономического уклада и уничтожение основных различий между рабочим классом и крестьянством. Капиталистический уклад в нашей стране ликвидирован окончательно и бесповоротно, ликвидированы также все условия для роста и развития капиталистических элементов. Тем самым уничтожена возможность иного, не социалистического пути развития нашего хозяйства, уничтожена и основа для колебаний тех или иных групп трудящихся, колебаний, как известно, отражавшихся на рабочем классе и на его партии и породивших в рядах ВКП(б) антипартийные оппортунистические уклоны. В нашей стране, говорил товарищ Сталин в беседе с г-ном Рой Говардом, уничтожена почва для создания борющихся между собой партий: «Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса».

Счастливая жизнь трудящихся СССР завоевана в упорной борьбе. Было время, когда и в нашей стране существовала значительная безработица, ибо народное хозяйство, разоренное империалистической и гражданской войнами, не сразу встало на ноги.

Было время, когда наша страна испытывала недостаток в продовольствии, так как мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство не могло идти в ногу с ростом нашей индустрии, с ростом всего народного хозяйства. Памятны первые годы реконструкции народного хозяйства, когда нужно было прилагать героические усилия для разрешения зерновой проблемы на социалистической основе в соответствии с интересами быстро растущего народного хозяйства при наличии бешеного сопротивления классовых врагов и их агентуры — оппортунистов.

Все это не могло не способствовать колебаниям некоторых слоев непролетарских трудящихся масс. Эти колебания отражали борьбу капитализма против социализма в нашей стране. Их подогревал не желавший сдаться умирающий класс эксплуататоров, пытавшийся повести за собой непролетарские слои трудящихся, противопоставить их рабочему классу. Победой социалистических форм хозяйства эта возможность у врага вырвана. Вместе с тем не только окреп союз рабочего класса с крестьянством, но в процессе социалистической стройки стерты основные различия между ними.

Наше общество представляет собой единый многонациональный народ, объединенный общими целями, общими интересами. Великим процессом социалистического преобразования страны уничтожена возможность организации сколько-нибудь значительных сил для борьбы против социализма. Однако несмотря на очевидную безнадежность этой борьбы численно совершенно незначительные остатки враждебных социализму сил не только не прекратили своего сопротивления, но и перешли к наиболее острым его формам — к террору, вредительству, диверсиям, шпионажу в пользу иностранной буржуазии. Эта острота борьбы объясняется не только озлобленностью врагов социализма против нового строя, но и тем фактом, что Советский союз находится во враждебном капиталистическом окружении, что некоторые, наиболее агрессивные империалистические группы бешено готовят войну против СССР. Учитывая эту подготовку вооруженного нападения на страну социализма, презренные остатки классового врага лелеют надежду: авось СССР потерпит поражение в вооруженной борьбе, и тогда колесо истории повернется назад.

Естественно, что те, кто готовят нападение на СССР или сочувствуют этому, стремятся дезорганизовать наш тыл, ослабить экономическую мощь страны социализма, используя для этой цели все враждебные социализму силы внутри страны. Устанавливаются тесная связь фашистской буржуазии с остатками контрреволюционных элементов, находящихся внутри СССР, и прямая поддержка последних. Поддержка этой борьбы против социализма является для фашистской буржуазии одним из звеньев подготовки вооруженного нападения на СССР. Хотя лидеры воинствующего империализма вряд ли верят сейчас в силу внутренней контрреволюции, но, готовясь к борьбе против Страны советов не на жизнь, а на смерть, они используют все, что по их расчетам хоть сколько-нибудь может ослабить нашу страну.

Естественно чувство ненависти и презрения к подлым агентам фашизма, которое охватило самые глубокие толщи наших народных масс, когда во всей своей гнусности была разоблачена подрывная деятельность троцкистско-зиновьевской банды реставраторов капитализма.

* * *

Отнюдь не случайно троцкистско-зиновьевский блок оказался авангардом контрреволюционной буржуазии. Лидеры этого контрреволюцион-

ного блока не сложили оружия: уход в антисоветское подполье привел их к теснейшей смычке со всеми враждебными социализму силами и к превращению в конечном счете в прямых агентов фашизма, шпионов, вредителей, диверсантов, убийц. Это является неизбежным завершением, последним этапом их борьбы против победоносного социализма, ибо рухнули надежды троцкистов на то, что партия не справится с хозяйственными трудностями, что ленинско-сталинский план социалистического преобразования нашей страны не осуществится.

Троцкизм всегда являлся проводником чуждых, буржуазных влияний на рабочий класс. Известно, что лидеры троцкистско-зиновьевского блока в критические моменты борьбы рабочего класса за свое освобождение, в переломные моменты борьбы за социализм, как правило, оказывались по ту сторону баррикады, в одном лагере с врагами рабочего класса. Отрицание социалистического характера нашей революции, отрицание возможности построения социализма в нашей стране определяло их враждебную социалистическому строительству позицию.

В момент, когда партия осуществляла переход от восстановления хозяйства страны к его социалистической реконструкции, в этот переломный момент развернул свою борьбу против партии троцкистско-зиновьевский блок, сначала пытавшийся идейно и организационно разоружить партию и рабочий класс, заразить их неверием в победу социализма в СССР, а затем прямо перешедший к антисоветским формам борьбы, превратившийся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

На позорном примере русских меньшевиков, заявлявших, что Россия-де «не созрела» для социалистической революции, и на этом основании принимавших активное участие в борьбе против советской власти на стороне царских генералов, помещиков и капиталистов, трудящиеся уже имели возможность убедиться в том, какие бывают порой «марксисты», какие чуждые пролетариату и социализму люди прикрываются именем социалистов.

История первых лет советской власти богата примерами, свидетельствующими о том, что партии меньшевиков и эсеров, называвшие себя социалистическими, долгое время, вплоть до полного своего банкротства, были авангардом контрреволюционных сил, боровшихся против рабочего класса. Меншевиство-петлюровская рада призвала войска Вильгельма II на Украину. Под вывеской правительства Чайковского действовали интервенты на севере. Правительством «Комитетом учредительного собрания» было подготовлено правительство адмирала Колчака. Меншевиство-жорданское правительство не за страх, а за совесть выполняло роль авангарда контрреволюции на Кавказе. Уже по окончании гражданской войны ЦК меньшевиков выступил с платформой-программой реставрации капитализма в СССР. Эту программу реставрации капитализма в нашей стране проводили меньшевики путем вредительства, вместе с «Промпартией», как это было установлено на процессе меньшевиков в 1931 году. Эти позорные факты не могут быть вычеркнуты из истории. И все это делалось во имя того, что Россия-де «не созрела» для социалистической революции. Не ясно ли, что этой формулой лишь прикрывалась враждебная социализму сущность этих якобы социалистов?

А чем, как не подправленным изданием меньшевиство-жорданской формулы о «незрелости России», является утверждение Троцкого и Зиновьева о невозможности построения социализма в нашей стране? Не даром товарищ Сталин еще в 1926 году предупреждал Зиновьева и Каменева, что они скатываются к меньшевику Суханову. XV конференция ВКП(б) предупредила оппозиционный блок, что он становится на социал-демократический путь. Но это было в начале позорной истории троцкистско-зиновьевского блока.

Отрицание возможности построения социализма в нашей стране отражало враждебную социализму сущность троцкистско-зиновьевского блока; из отрицания возможности победы социализма вытекала и вся платформа этого блока.

Эта антипартийная, контрреволюционная платформа была направлена к срыву социалистического строительства и, в конечном счете, к реставрации капитализма. Под прикрытием лживых, внешне «левых» фраз о «сверхиндустриализации» троцкистско-зиновьевский блок выдвигал такие предложения (усиленный нажим на крестьянство, троцкистская теория «первоначального социалистического накопления» за счет разорения и ограбления крестьянства), которые были способны лишь привести к разрыву союза рабочего класса и крестьянства, подорвать смычку города с деревней и тем самым сорвать всякую возможность действительной индустриализации. Троцкисты выступали как фактические защитники и покровители частного капитала, ибо они предлагали изъять государственные средства из области обращения, что привело бы к усилению частного капитала. Троцкисты требовали «равнения на международное разделение труда», т. е. отказа от превращения СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины. А без этого в условиях капиталистического окружения развитие социалистической промышленности было немыслимо и наша страна неизбежно превратилась бы в придаток капиталистической системы.

Таким образом блок, в котором объединились и «сверхиндустриалист» Троцкий и выступавший против индустриализации Сокольников, уже тогда боролся за осуществление программы, ведущей к подчинению нашего хозяйства империалистическим монополиям, а это привело бы к ликвидации диктатуры пролетариата, к реставрации капитализма в нашей стране. Не удивительно, что блок оказался, вместе с вредителями, в авангарде сил, борющихся против индустриализации, а когда индустриализация победила, стал ратовать за передачу в концессию капиталистам наших цветущих социалистических предприятий. Троцкистско-зиновьевский блок демагогически выступал против поднятия производительности труда. «Производительность труда не должна обгонять роста заработной платы», — утверждали троцкисты. А ведь производительность труда — самое главное, самое важное для победы нового общественного строя!

В своей борьбе против поднятия производительности труда Троцкий и К^о не «открывали Америки». Они целиком шли по пути «Промпартии», также боровшейся против социализма, за реставрацию капитализма в нашей стране. Ибо не подлежит сомнению, что нельзя победить капитализм, добиться высокой социалистической производительности труда без того, чтобы покончить с былой «расейской» отсталостью.

Занимая позицию, ведущую к увековечению технической отсталости страны, к подчинению нашего хозяйства империализму, троцкисты-зиновьевцы стремились вырыть пропасть между основными классами нашей страны — рабочим классом и крестьянством, разрушить их союз, составляющий основу нашего государства. Таким образом уже в то время позиции троцкистско-зиновьевского блока вели к реставрации капитализма. Уже в то время враги советской власти внутри страны (достаточно напомнить процессы вредительских партий) и за границей делали ставку на «оппозицию» внутри ВКП(б).

Крики троцкистско-зиновьевского блока о якобы угрожающем нашей революции «термидоре» лишь прикрывали антисоветскую сущность борьбы троцкистов-зиновьевцев за реставрацию капитализма. Их капитулянтская сущность особенно наглядно выявилась на практике, когда в деревне быстрым темпом начался процесс социалистического преобразования, когда

выкорчевывались корни капитализма, навсегда уничтожалась возможность капиталистической реставрации, — троцкисты оказались в авангарде противников колхозного строя, противников социалистического преобразования деревни.

По мере того как развивалось социалистическое наступление, по мере того как росли и развивались социалистические формы хозяйства в нашей стране, усиливалось, принимало наиболее острые формы и сопротивление и борьба всех враждебных сил против социализма. Изолированные, не имеющие сторонников ни в партии, ни в трудящихся массах, троцкисты-зиновьевцы скатывались все глубже в бездну контрреволюции. Организация демонстраций против партии и советского правительства, попытки расшатать диктатуру пролетариата, прямые доносы на Советский союз воинствующим группам империалистов — таков позорный путь, по которому пошел троцкистско-зиновьевский блок.

Центральный комитет партии и лично товарищ Сталин, вся партия в целом в свое время сделали все возможное, чтобы удержать троцкистов-зиновьевцев от контрреволюционного пути, в надежде, что успешный ход социалистического строительства заставит их одуматься, отказаться от борьбы против социализма. Однако «горбатого могила исправит...»

Еще ко времени XV съезда ВКП(б), когда стало ясно, что вокруг платформы оппозиции не удастся сколотить сил для борьбы против победоносного социализма, трусливые и подлые по своей природе Зиновьев и Каменев вступили на путь двурушничества, найдя тем самым новые методы борьбы против социализма.

Ставка на трудности, возникавшие на пути социалистического строительства, надежды на то, что коммунистическая партия не справится с этими трудностями, были биты. Отсутствие массовой базы, провал надежд на будущее определили переход гнусной троцкистско-зиновьевской банды к тактике убийств из-за угла, с целью осуществить свою платформу реставрации капитализма в СССР.

Всю свою ненависть к новому общественному строю эти преступники олицетворили в ненависти к товарищу Сталину и его славным соратникам.

Великий сподвижник Ленина, товарищ Сталин, продолжает дело Маркса — Энгельса — Ленина; под его гениальным руководством социализм победил в нашей стране окончательно и бесповоротно. Товарищ Сталин ведет наш народ к коммунизму. Глубока и могуча любовь народов Советского союза к своему вождю, отцу, учителю и другу. Последовательному осуществлению учения Маркса — Энгельса — Ленина, сталинской непримиримой борьбе за чистоту этого великого учения, за дальнейшее развитие марксизма-ленинизма, непреклонной воле вождя обязаны мы победой.

Имя Сталина, как имя Ленина, зажигает надеждой и уверенностью в близком освобождении сердца сотен миллионов угнетенных во всем мире. Поэтому-то так ненавистен Сталин врагам социализма, поэтому он так дорог трудящимся всех стран.

* * *

На процессе контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра развернулась картина гнусного заговора против партии Ленина—Сталина, против советской власти, против социализма. Хотя вожаки трижды презренных бандитов пытались изобразить дело так, что их толкала только жажда власти (ныне расстрелянный Каменев уверял, что ими руководило лишь «голое, безыдейное посягательство на власть»), хотя они пытались тенью Лассалья, некогда заигрывавшего с Бисмарком, прикрыть и оправдать свое теснейшее сотрудничество с Гестапо, — процесс со всей очевидностью показал, что подлая контрреволюционная троцкистско-зиновьевская банда боро-

лась против социализма, за капиталистическую реставрацию. Доказано существование крепко спянного блока, имевшего единую политическую линию, имевшего платформу, омерзительную платформу реставрации капитализма в нашей стране.

Гнусные двурушники — Зиновьев, Каменев и иже с ними — неоднократно на разные голоса поносили свою былую платформу, не щадя эпитетов для оценки своей прошлой позиции, клялись в верности партии. В то время, когда двурушники занимались притворным оплевыванием своей старой платформы, Троцкий, ведущая фигура преступной шайки, клеветца на социалистическое общество, продолжал за границей открыто развивать платформу, направленную против социалистического строительства, против социалистической промышленности и против социалистического сельского хозяйства, платформу реставрации капитализма в СССР.

Эту позицию Троцкого ярко охарактеризовал товарищ Сталин еще на XVII съезде партии:

«Возьмите прошлогодние номера троцкистского «Бюллетеня». Чего требуют и о чем пишут там господа троцкисты, в чем выражается их «левая» программа? Они требуют: роспуска совхозов, как нерентабельных, роспуска большей части колхозов, как дутых, отказа от политики ликвидации кулачества, возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Вот вам программа презренных трусов и капитулянтов, контрреволюционная программа восстановления капитализма в СССР!»¹.

Круг завершен. От былого требования «равнения на международное разделение труда», выставленного в то время, когда социалистическая промышленность еще только становилась на ноги, троцкисты-зиновьевцы перешли к требованию передачи социалистических предприятий в концессию иностранным капиталистам, ликвидации совхозов и колхозов — основы социалистического хозяйства в деревне. Блестящее осуществление сталинского плана индустриализации страны разрушило их надежды на то, что в соревновании с капиталистическим миром наша страна окажется побежденной и превратится в придаток мирового капиталистического хозяйства.

Понятно, почему ряд «солидных» буржуазных консервативных газет взял подлых троцкистско-зиновьевских преступников-террористов, шпионов и вредителей под свою защиту, почему так бешено защищает их «доблестная» пресса Геббельса: ведь с поличным пойманы их агенты, борющиеся за превращение нашей страны в колонию империализма!

Естественно, что и верные лакеи капитализма — лидеры II интернационала — с пеной у рта пытаются обелить изменников делу социализма. Не впервые вожаки II интернационала берут под защиту злейших врагов рабочего класса: достаточно вспомнить, как лидеры II интернационала приезжали в СССР защищать террористов-эсеров, боровшихся заодно с белогвардейскими генералами против революции, поднявших руку на Ленина, организовавших убийства ряда деятелей нашей партии. Известно, как лидеры II интернационала защищали в 1931 году меньшевиков и вредителей.

Без свержения советской власти невозможна сдача в концессию иностранным капиталистам наших великолепных социалистических фабрик и заводов, выполняющих в основном вторую пятилетку в четыре года. Ведь нынешние хозяева советской земли, в упорной борьбе под руководством партии Ленина — Сталина завоевавшие себе счастливую жизнь, никогда не согласятся надеть старое капиталистическое ярмо!

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 588. 10-е изд.

От требований повышенного обложения крестьянства, после того как колхозы победили и была уничтожена вековая кулацкая кабала в деревне, троцкисты-зиновьевцы перешли к требованию роспуска колхозов. Стоит только сопоставить это с требованием концессий для иностранных капиталистов, и станет ясно, что нынешняя платформа блока — это платформа ликвидации завоеваний социализма в нашей стране. Что означал бы роспуск колхозов и ликвидация совхозов, как не попытку воскресить капитализм в нашем сельском хозяйстве, обрекая на гнет и обнищание подавляющее большинство трудящихся деревни? Можно ли было рассчитывать, что колхозники добровольно пойдут на роспуск колхозов, обеспечивших такой расцвет сельского хозяйства, о каком в былое время крестьянство не могло и мечтать?

Осуществить эту программу ликвидации колхозов могла попытаться лишь власть, до конца враждебная трудящимся. За такую власть и боролись троцкистско-зиновьевские бандиты. Эта власть должна была ликвидировать завоевания социализма в нашей стране.

Двурушничество Каменева, Зиновьева, Пятакова и иже с ними имело целью скрыть от трудящихся истинное лицо блока, его подлинную программу, программу реставрации капитализма в нашей стране. Эту программу открыто проповедывал за границей Троцкий, но от нее лицемерно отреклись его сподвижники в СССР. Таково было «разделение труда» внутри контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Однако выявление своего истинного политического лица за советскими рубежами было также необходимо презренным двурушникам, ибо они делали ставку на помощь некоторых империалистических государств.

* * *

Злодейское убийство любимца партии, пламенного трибуна революции С. М. Кирова, совершенное троцкистско-зиновьевской бандой подлых убийц, показало, что эти контрреволюционеры перешли к методам белогвардейского террора против партии.

На процессе троцкистско-зиновьевского объединенного террористического центра в августе 1936 года было установлено с исчерпывающей ясностью, что этот центр создан на основе тактики белогвардейского, фашистского террора по отношению к руководителям партии и советского государства и на основе самого подлого двурушничества, посредством которого маскировались троцкистско-зиновьевские убийцы. Показаниями ряда обвиняемых было установлено, что Троцкий поставил условием нового блока переход к тактике белогвардейского террора. Эти установки Троцкого были охотно приняты зиновьевцами.

Данные последнего периода говорят о том, что троцкисты и зиновьевцы, действуя по заданиям фашистской буржуазии, исходя из своей программы реставрации капитализма в нашей стране, занимались также активным вредительством, шпионажем, диверсионными актами.

Ряд фактов показывает, что троцкисты выступают сейчас как самые зверские убийцы рабочих. Занимаясь сознательным вредительством, подготовляя взрывы в шахтах и т. д., троцкисты хладнокровно, цинично готовили гибель десяткам и сотням рабочих. Лютая, звериная злоба по отношению к социализму, к рабочему классу толкнула подлых троцкистских выродков на новые чудовищные преступления.

19 ноября в Новосибирске начался процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на Кемеровском руднике. Как видно из обвинительного заключения, оглашенного на суде, эта группа образовалась из троцкистов, объединившихся в 1935 году с враждебно настроенными к советской власти инженерами и техниками (в том числе с уже судившимися

ранее вредителями); троцкисты также тесно связались с находившимися на этом руднике германскими инженерами-фашистами.

Наиболее активную роль в этой контрреволюционной группе играли, с одной стороны, троцкисты: Носков, Шубин, Куров—и, с другой стороны, бывший главный инженер Кемеровского рудника, осужденный в 1928 году по делу о шахтинском вредительстве, Пешехонов. Контрреволюционная троцкистская вредительская группа организовала и осуществила ряд взрывов и поджогов на шахтах Кемеровского рудника. Наиболее крупным вредительским диверсионным актом был взрыв 23 сентября 1936 года, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Осуществлением этих чудовищных, гнусных преступлений троцкистская вредительская группа пыталась настроить рабочих против советской власти.

Кемеровская троцкистская вредительская группа действовала так не по своей инициативе, а по общим установкам троцкистской контрреволюционной организации. Эти установки обвиняемые Носков и Шубин получали от Дробниса — одного из руководителей троцкистского подполья в Западносибирском крае. Дробнис давал задания вербовать в организацию контрреволюционно настроенных специалистов из числа ранее судившихся за вредительство:

«Дробнис мне сказал, чтобы я прощупал главного инженера Пешехонова, он — шахтинец, сидел в тюрьме... по всем данным, — сказал Дробнис, — Пешехонов — человек озлобленный и на любое дело пойдет... Этих людей обязательно использовать для активной подрывной работы» (показания Носкова).

Допрошенный по этому поводу, Дробнис подтвердил эти показания, признав, что такого рода связь с вредительскими и антисоветскими элементами является тактикой контрреволюционного троцкизма.

Дробнис подтвердил, что на вопрос обвиняемого Носкова: «...можно ли привлекать контрреволюционно-настроенных инженеров к нашей работе?» он ответил: «Миндальничать в этих вопросах нельзя, когда стоит вопрос: мы или они. Мы, троцкисты, должны исходить из известного определения: «в борьбе все средства хороши и цель всегда оправдывает средства». Это санкционировано троцкистским центром. Троцкий сам сейчас пользуется услугами фашистской Германии».

Таким образом, троцкисты, эти подлейшие слуги фашистской буржуазии, поставили задачу — одновременно с политическим террором всячески подрывать хозяйственные успехи партии, всячески вредить на хозяйственном фронте. Об этой тактике троцкистов, исходящей от «самого» Троцкого, Дробнис в своих показаниях говорит следующее:

«...Я разъяснил ему (Носкову), что основная задача организации, которую ставят троцкисты, исходя из директивы Троцкого, — это всячески подрывать хозяйственные успехи партии в стране... Я указал Носкову, что наша тактическая линия в настоящее время сводится к организации политического террора и экономического вредительства».

Тот же Дробнис давал прямые указания троцкистам связаться с старым шахтинским вредителем Пешехоновым и вместе с ним готовить взрывы и отравления газом, чудовищные убийства рабочих. Об этом Дробнис говорит в своих показаниях:

«Желая активизировать нашу разрушительную работу на руднике, я предложил Носкову установить связь с Пешехоновым и его группой, постараться подчинить ее своему влиянию и вместе с нею усилить разрушительную работу... Я предложил Носкову эту работу (диверсионную) разворачивать смелее с тем, чтобы достичь нужных нам результатов... Носков с этим согласился».

В процессе расследования преступной деятельности троцкистской контрреволюционной группы на Кемеровском руднике было установлено, что ряд случаев массового отравления рабочих рудничными газами, имевших место в 1935 году и в 1936 году, явился делом рук этой преступной группы. Занимая ряд хозяйственных и технических должностей, участники этой вредительской группы сознательно доводили до преступного состояния шахтную вентиляцию и технику безопасности на Кемеровском руднике в целом. Участники троцкистской вредительской группы умышленно и обдуманно в контрреволюционных целях организовали отравление рабочих рудничными газами.

Обвиняемый Носков показал, что он, по заданиям Дробниса, требовал от членов троцкистской группы «в целях провокационного озлобления рабочих, организовать взрывы и отравление рабочих на шахтах».

С каким исключительным цинизмом, с каким жутким озверением действовали члены кемеровской троцкистской вредительской группы, организуя отравления и гибель рабочих, видно из показаний обвиняемого Носкова, сообщившего на следствии, что «... в одном из разговоров по поводу того, что взрыв на шахте может произойти в любую минуту, Шубин заявил: «Скоро наши братишки (рабочие) будут в шахтах дохнуть как крысы».

Тот же Шубин по поводу подготовки взрывов и гибели рабочих цинично говорил: «...покажем рабочим веселую жизнь... это будет лучше всякой словесной агитации».

Кровавые троцкистские изверги, троцкистские людоеды совершенно сознательно творили свое чудовищное дело истребления рабочих. Дьявольский план массовой гибели рабочих-горняков был ими заранее обдуман во всех деталях. Они расхваливали друг друга с неслыханным цинизмом за эти дьявольские планы «потравить рабочих». Обвиняемый Коваленко, например, показал:

«Леоненко высказывал такие же фашистские взгляды, как и я, причем, когда Шубин говорил насчет того, чтобы газу поддать, имея ввиду потравить рабочих, Леоненко это здорово понравилось и он начал расхваливать Шубина, заявив: «вот это голова, хитро придумал».

Обвиняемый Андреев показывает:

«Я спросил Носкова, понимает ли он, что подрывной работой мы неизбежно приведем шахту к взрыву, приведем к массовой гибели рабочих и к массовым отравлениям и угораниям их во время работы... Носков мне сказал, что забота об этом — не мое дело, он заявил, что как раз этими последствиями может быть спровоцировано недовольство рабочих политической партии».

Эти подлые, зверские убийства рабочих, рассчитанные на то, чтобы путем провокации озлобить рабочих против советской власти, троцкистская вредительская шайка в Кемерове осуществляла по прямым указаниям и с прямого одобрения троцкистского союзного подпольного центра, по делу которого в настоящее время в Москве ведется следствие.

Судебное дело в отношении Дробниса, который направлял деятельность кемеровской троцкистской вредительской группы, так же как и дело в отношении Шестова и Строилова, как непосредственно связанных с преступной контрреволюционной троцкистской деятельностью Пятакова Г. Л., Муралова Н. И. и др., следствие о которых продолжается, выделено в особое производство.

Нужно особо отметить тесную связь кемеровской троцкистской вредительской группы с германским фашистом Штиклингом, работавшим в качестве инженера. Привлеченный к ответственности по данному делу обвиняемый Штиклинг признал, что он занимался организацией вредительских актов на Кемеровском руднике. Таким образом, троцкисты-вредители, действуя по заданиям своего троцкистского контрреволюционного центра, про-

вода вредительскую тактику, намеченную Троцким, вместе с тем выполняли конкретные задания германских фашистов, германских шпионов и диверсантов.

* * *

Процесс кемеровской контрреволюционной троцкистской вредительской группы еще раз показывает, что троцкисты стали прямыми агентами фашистской буржуазии, самыми подлыми наемниками фашизма, вредителями, шпионами, диверсантами, самыми лютыми, злыми врагами социализма и рабочего класса.

Двурушничество и переход троцкистско-зиновьевской банды к террору и вредительству красноречиво говорят также и о другом — об обреченности попыток реставрации капитализма в нашей стране. Эту обреченность чувствуют и сами враги. И поэтому они хватаются за последнюю надежду: делают ставку на войну против Советского союза, на затруднения, которые (как они надеются) может породить в нашей стране война.

Ставка на поражение Советского союза predeterminedила их переход к подрывной, вредительской, шпионской работе, направленной на ослабление боевой мощи нашей страны. Вредительство в промышленности и на других участках народного хозяйства, в чем сознались арестованные троцкисты-зиновьевцы, подтверждает, что в лице контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды мы имеем дело с прямой агентурой империалистических государств, готовивших нападение на Советский союз, — в первую очередь фашистской Германии. Но и здесь враги просчитались. Наша Красная армия под водительством железного маршала СССР К. Е. Ворошилова готова по первому зову партии и правительства встать на защиту дела социализма. Каждый день приносит сведения о новых достижениях нашей славной Красной армии в деле боевой подготовки и овладения военной техникой. О безграничной преданности делу социализма свидетельствуют героические подвиги наших гордых соколов-летчиков, наших моряков, наших пограничников.

Ныне расстрелянный Зиновьев вынужден был признать не только то, что блок стал на пораженческие позиции, но и то, что он и его соумышленники готовы были отдать империалистам Дальний Восток, лишь бы добиться свержения ненавистного им руководства коммунистической партии, руководства, обеспечившего победу социализма в нашей стране. Это показание вскрывает, до какого предела низости и предательства докатились заговорщики.

В памяти воскресают дни господства на Дальнем Востоке палача Семенова — верного слуги японского империализма, поддерживавшего японскую оккупацию, вместе с японцами заливавшего кровью рабочих и крестьян поля Дальнего Востока. Ныне, когда японский империализм вновь бряцает оружием, подготавливая нападение на наши восточные границы, ярые враги социализма, Троцкий и Зиновьев, вместе с оголтелыми белогвардейцами безоговорочно шли на сотрудничество с японским империализмом, делали ставку на интервенцию, торговали нашей советской землей.

Ставка на контрреволюционную войну, на поражение Советского союза привела троцкистско-зиновьевский блок к единому фронту с Гитлером — представителем воинствующего германского империализма и наиболее активным врагом советской власти; троцкисты-зиновьевцы докатились до прямого выполнения наиболее гнусных поручений фашистской охранки, до шпионажа, диверсионных актов, вредительства, убийств.

Вся история борьбы гнусного троцкистско-зиновьевского блока против социализма вела их в лагерь фашизма. Ведь власть, которой так жаждали лидеры блока, о которой мечтает Троцкий, не могла быть не чем иным, кроме фашистской диктатуры. Ибо власть, которая передает социалистические фабрики в концессию капиталистам, власть, которая разрушает колхозы, бес-

пощадно расправляется с активными участниками социалистического строительства, — это фашистская диктатура, служащая цели реставрации капитализма, подобно тому как фашистская диктатура в странах капитала является средством охранения капиталистического строя.

Для достижения власти троцкистско-зиновьевские бандиты готовили не меньшие преступления и провокации чем поджог рейхстага, совершенный Гитлером для сохранения власти в своих руках. И не случайно троцкисты-зиновьевцы во всем своем поведении так много переняли у Гитлера, вплоть до намерения расправиться с компрометирующими их сообщниками, что, как известно, Гитлер у себя проделал вскоре после прихода к власти.

Как и все фашистские организации, троцкистско-зиновьевская организация стала центром, аккумулирующим контрреволюционные, антисоветские силы. Это со всей очевидностью выявилось еще во время процесса над убийцами тов. С. М. Кирова. Непосредственная тесная связь участников так называемого ленинградского центра с бывшими участниками белогвардейщины, дезертирами и тому подобным контрреволюционным сбродом уже тогда говорила о фашистском характере троцкистско-зиновьевской организации.

Но Троцкий и К^о просчитались. Фашизм победил в некоторых капиталистических странах в силу раздробленности рабочего класса, в результате раскола рабочего класса социал-демократами. Фашизм расцвел на фоне исключительного обострения противоречий капиталистического общества. Он нашел себе базу в части мелкой буржуазии, мечущейся в поисках выхода из ужасающего кризиса и разорения. Приход фашизма к власти в этих странах совершился по воле основных руководящих слоев буржуазии. Ибо фашизм — это террористическая политика капиталистов и помещиков против рабочих и крестьян.

В нашей стране рабочий класс един, как никогда. Весь народ тесно сплочен вокруг великой коммунистической партии, ведущей его от победы к победе. Ликвидирована кабала, в которой много веков томилось крестьянство; в СССР создано самое крупное в мире коллективное сельское хозяйство. В нашей стране нет безработицы; народы СССР завоевали себе право на труд; каждый получил возможность трудиться по мере своих сил и способностей в социалистическом хозяйстве, получая за это по своему труду. С каждым годом растет народное богатство, неуклонно и быстро повышается материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Ликвидированы эксплуататорские классы. Уничтожена коренная разница между пролетариатом и крестьянством. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни: рабочих, крестьян, интеллигенции. Для фашизма нет почвы в СССР.

Многонациональное население Союза советских социалистических республик представляет собой единый народ, гордый своими победами, преданный партии Ленина — Сталина. Народ Советской страны под руководством великого Сталина смело идет вперед к коммунизму: он уверен в своих силах и готов в любой момент отразить нападение любого врага.

Маска сорвана с лица презренных последышей старого мира. Опасный враг разоблачен. Ряд руководителей и участников гнусного заговора против страны социализма понес уже заслуженную кару. Остатки преступной банды выкорчевываются суровой рукой пролетарской диктатуры. Нет и не может быть пощады презренным агентам фашизма, вредителям, убийцам рабочих, предателям и изменникам родины!

Революционное прошлое испанского народа

История испанского народа, героически борющегося сейчас за свою свободу и независимость против фашистских мятежников, богата революционными выступлениями народных масс. Революционные традиции испанского народа восходят еще к восстанию городов против абсолютистско-дворянского произвола в XVI веке (так называемые восстания коммунаров), к восстанию угнетенных национальностей (каталонцев) в середине XVII века. Но эти традиции проявились особенно ярко в период первой буржуазной революции (1808 года), развернувшейся вскоре после французской революции конца XVIII века.

Вот почему мы свой краткий очерк о революционном прошлом испанского народа начинаем с этого именно периода.

Что представляла собой Испания к этому времени?

Абсолютная монархия Бурбонов опиралась на феодальные устои, но в известной мере пыталась учитывать и интересы буржуазии. Абсолютизм стремился ограждать интересы крупного феодального землевладения от поднимавшей голову буржуазии. Это препятствовало развитию промышленности и обусловило малочисленность пролетариата, который еще не представлял собой четко сформировавшегося класса. Главную массу народа составляло крестьянство, среди которого под влиянием французской буржуазной революции 1789—1794 годов ожили надежды на получение земли, на освобождение от феодального гнета.

Положение обезземеленного крестьянства в Испании было крайне тяжелым. По данным, относящимся к концу XVIII века, церкви принадлежало 9 093 400 арпанов¹ земли, дворянам—28 306 700 арпанов, а у всего крестьянства значилось лишь 17 599 000 арпанов земли, или 45% того, чем владели первые две группы. Аренда и подати достигали $\frac{5}{6}$ урожая. В руках помещиков находились различные монополии.

Наряду с гнетом помещиков крестьянство испытывало сильнейший гнет церкви. По данным 1789 года, в Испании на 10,5 миллиона населения насчитывалось 91 тысяча священников, 92 тысячи монахов и монахинь. В начале XIX века земельный фонд Испании оценивался в 11,5 миллиарда пезет². При этом стоимость земли, принадлежащей церкви, оценивалась в 3,1 миллиарда пезет, т. е. составляла почти $\frac{1}{3}$ стоимости всего земельного фонда.

Тяжелым бременем ложился на плечи крестьянства и гнет военщины, верхушка которой тесно срослась с крупными землевладельцами.

Голод и неурожай еще более обездоливали крестьянство: оно вынуждено было покупать у помещиков хлеб, цена на который к моменту революции была взвинчена местами с 40 до 400 реалов³. Чрезвычайно тяжелое положение усиливало революционные настроения крестьянства.

¹ Арпан (земельная мера) = 40 ар (ар = 100 квадратным метрам).

² Пезета = по паритету 37,5 копейки.

³ Реал — монета, бывшая тогда в ходу, равнявшаяся 9 копейкам.

Несмотря на все преграды, внутренние и международные, революционное движение в Испании развернулось в 1808 году с необычайной силой. Толчком к этому послужила национально-освободительная борьба испанского народа против вторжения наполеоновских войск.

Продолжая осуществление своих захватнических планов в Западной Европе, Наполеон ввел свои войска и в Испанию. Чтобы успешнее осуществить подчинение Испании, Наполеон в 1808 году сместил испанского короля и назначил королем Испании своего брата Жозефа Бонапарта.

Господствующие классы Испании готовы были примириться и со ставленником Бонапарта и с национальным гнетом.

«Государь, — говорил Бонапарту от лица депутации грандов герцог Инфентадо, — гранды Испании всегда славилась верностью своему королю; так же и теперь ваше величество найдет в них прежнюю верность и привязанность».

Но, в то время как господствующие классы раболепствовали перед завоевателем, умоляя лишь об оставлении им их древних привилегий и льгот, испанский народ поднялся на защиту своих национальных прав.

Поднялись астурийцы. В полночь 24 мая 1808 года загудели колокола Овьедо и народ, захватив оружие в цейхгаузе, провозгласил войну против Наполеона. За Астурией последовала Сарагосса. Толпы крестьян встали на защиту города. Французский генерал Лефевр все же сумел прорваться в город, но в узких улочках он был встречен градом пуль, камней, брусьев. Из окон и с крыш женщины обливали французских солдат кипятком. С боем приходилось брать каждый дом. Генерал Лефевр отступил перед этим сопротивлением. 17 июня 1808 года, получив подкрепление, генерал Лефевр предложил городу сдаться, заявляя, что «иначе все жители будут переколоты». Когда власти Сарагоссы созвали народ, объявили ему этот ультиматум и спросили, продолжать ли оборону, единодушный ответ был: «До смерти!» Город стойко выдерживал осаду, и когда 2 июля французы снова пошли на штурм, они вновь встретили яростное сопротивление всего населения, включая стариков, женщин и детей, и вновь вынуждены были отступить.

Пример Сарагоссы укрепил веру испанского народа в свои силы. Поднялись Галисия, Валенсия, Кордова, — скоро вся Испания полыхала огнем восстания против чужеземных захватчиков. 20 июля 1808 года Жозеф Бонапарт, окруженный раболепной лестью испанских грандов — предателей своего народа, — вступил в Мадрид. Но уже 31 июля 1808 года под натиском восставшего испанского народа Жозеф Бонапарт вынужден был бежать из Мадрида в Бургос¹.

«Таким-то образом, — пишет Маркс, — случилось, что Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, роковым образом должен был с изумлением убедиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления»².

С этим вынуждены были считаться и господствующие классы Испании; для того чтобы удержать народ под своим влиянием, они объявляли себя защитниками интересов народа, но с тем, чтоб на деле предавать эти интересы. Героическое сопротивление испанского народа расстраивало захватнические планы Наполеона: его больше всего приводило в бешенство выступ-

¹ Город, в котором находится сейчас центральная хунта фашистских мятежников.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 722.

ление «голодранцев», как он называл народные массы, в то время как господствующие классы готовы были пойти с ним на соглашение. Наполеон усилил свой натиск на Испанию, пытаясь любой ценой раздавить народное движение, но посылаемые им все новые полки встречали повсюду яростное сопротивление крестьян, рабочих и мелкой буржуазии городов. Стоило появиться французскому отряду, как колокольный звон созывал народ и начиналась смертельная борьба. Наполеоновские войска разбивали герильеров (партизан) в одном месте, но повстанческие отряды вырастали в других местах.

Особенные трудности испытали французские войска в Каталонии и в провинциях басков. Ущелья гор и ложбины зачастую становились могилой французских отрядов. Оставшиеся в живых французы были обречены на голод, поскольку население отказывало им в продовольствии.

Опытные генералы Наполеона отступали перед этой яростью народных масс. Самая территория Испании, изрезанная горами, создавала повстанцам выгодные условия для борьбы с врагом. Наполеоновский маршал Келлерман, один из участников победы над прусскими войсками при Вальми в 1792 году, признавался:

«Тщетно отсекаешь головы гидре: они снова вырастают не здесь, так там... Долго не удастся подчинить этот большой полуостров... Я все думаю, что тут нужна голова и рука Геркулеса».

Маршал Ланн, ранее сопровождавший Наполеона в его египетских и итальянских походах, писал императору:

«Государь! Это совсем не то, чему мы научились в войне. Я не видал такого упорства. Несчастные защищаются с яростью, которой нельзя себе представить. Я видел, как женщины отдавали себя на смерть... Это война, приводящая в содрогание».

Наполеон неистовствовал по поводу медлительности и малой эффективности военных операций французских войск в борьбе против испанского народа. «Моими войсками командуют не генералы, а почтмейстеры», — заявлял он. Лично во главе новых войск он 5 ноября 1808 года явился в Испанию, чтобы поднять дух своих армий. Напрягая силы, Наполеон снова овладел Мадридом, снова отвоевывал город за городом; он сместил своего брата и провозгласил самого себя королем Испании. Но уже в январе 1809 года обстоятельства вынудили Наполеона возвратиться в Париж. А в Испании народное движение все возрастало. В национально-освободительную войну втягивались все новые массы.

Чудеса героизма вновь показала Сарагосса с ее 55-тысячным населением, которое изо дня в день укрепляло город. Улицы покрылись баррикадами и канавами. Нижние этажи в домах были заколочены, а верхние превращались в укрепления. Крестьяне оказывали городу помощь продовольствием.

В конце декабря 1808 года, т. е. через пять месяцев после первой осады, французский генерал Жюно во главе 18-тысячной армии вновь появился под стенами города. Французы, неся большие потери, наконец, проникли в Сарагоссу. Но штурмовать им приходилось каждый дом; с крыш и из окон их обливали кипятком, стреляли в них и бросали камни. Отчаявшись взять штурмом дома, французы начали взрывать их, но население создавало огненные препятствия, задерживая французов пожарами. В течение 2 недель французам удалось завоевать только 3 улицы.

Хотя Наполеон уничижал вотчинные суды, пытки и отдельные помещицы привилегии, — но грабежи наполеоновских войск и пренебрежение к национальному чувству широких масс населения вызывали повсюду все воз-

растающее возмущение, в частности со стороны крестьянства. Революционный под'ем охватил всю страну. Возникли провинциальные и окружные хунты (собрания). Национально-революционное движение стало началом первой испанской буржуазной революции, с которой крестьянство связывало свои надежды на получение земли. Но под'ем масс заставил буржуазию насторожиться. В связи со слабым капиталистическим развитием Испании того времени буржуазия не представляла собой такой крупной силы, как во Франции. К тому же крупная буржуазия хотя и выступала за экономию в государственном аппарате и против расточительности двора, но, наживаясь на займах государству и земельной аристократии, она считала себя связанной с ними. В хунтах представители крупной буржуазии вместе с представителями феодализма боролись за сохранение старых порядков. Буржуазия соглашалась лишь на те реформы, которые должны были убрать рогатки, мешавшие ей занять равное положение с земельной аристократией.

Активным руководителем растущего революционного движения была буржуазная интеллигенция. Но и она не шла до конца с народом. Даже тогда, когда волна национально-революционного движения поднялась особенно высоко, буржуазная интеллигенция не сумела направить это движение масс в русло борьбы против феодализма, как это сделала французская буржуазная интеллигенция.

Это обусловило слабость хунт, местных и центральной, которые заполнялись дворянами, высшим духовенством, высшими чиновниками, потому что буржуазия и буржуазная интеллигенция, возглавлявшая массы, не рискнули себя им противопоставить. Хунты расхолаживали энтузиазм народа, предательски снижали его боеспособность. Характерно, что буржуазия не пыталась отстоять национальное единство, примирялась с феодальной раздробленностью.

«...Центральная хунта, — пишет Маркс, — мало того, что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контрреволюции: восстанавливала прежние власти, снова ковала уже разбитые цепи, старалась тушить пламя революции всюду, где оно загоралось, бездействовала сама и мешала действовать другим»¹.

Созванные вскоре кортесы также обнаружили свою слабость; буржуазия, вместо того чтобы опереться на крестьянство и тем самым занять доминирующее положение в кортесах, делала уступки крупным землевладельцам и старой чиновной бюрократии. Принимая под давлением народных масс смелые решения, например, отменив инквизицию и ряд феодальных привилегий (охотничье, рыболовное, мельничное право и др.), приняв конституцию 1812 года, кортесы вместе с тем оставили в неприкосновенности права короля и церкви и тем самым открыли двери реакции.

Усиление реакции содействовал Наполеон. Сложное положение, создавшееся в связи с начавшимися неудачами, заставило Наполеона махнуть рукой на Испанию и отпустить находившегося у него в плену короля Фердинанда с условием, что тот не вступит в соглашение с Англией и заключит торговый договор с Францией. 22 марта 1813 года король Фердинанд VII вернулся в Испанию, а затем одним росчерком пера отменил конституцию 1812 года, принятую кортесами, восстановил инквизицию и старые порядки. Народ, героически вынесший революцию на своих плечах, стал жертвой предательства господствующих классов.

Основные задачи буржуазно-демократической революции и в первую очередь вопрос о земле, не разрешенные буржуазной революцией 1808—1812 годов, оставались в порядке дня следующих революций и до сих пор еще стоят перед Испанией.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 739.

* * *

Следующая буржуазная революция (1820—1823 годов) начинается как «военная революция», как «пронунциаменто» — военный заговор, на который войска шли не сознательно, а вовлекались престижем начальников¹. В 1820 году военное восстание возглавили два офицера: Риего и Кирога.

Политическая атмосфера была насыщена недовольством, и поэтому выступление, носившее вначале чисто военный характер, превратилось в массовое движение, послужив толчком для нового восстания крестьянства и части буржуазии Галисии, Валенсии, Сарагоссы, Барселоны и других городов. Народ самочинно вновь провозгласил отмененную королем конституцию 1812 года. В Мадриде народ разгромил инквизицию, а затем, собравшись у дворца, вынудил короля подписать акт о введении конституции. Вся Европа вновь насторожилась. Короли, считавшие, что после восстановления на престоле французских Бурбонов революция окончательно подавлена, вдруг увидели новую опасность: Испания грозила снова перебросить революционные искры в другие страны. Царь Александр I, задававший тон в «Священном союзе»², настаивал на немедленном вмешательстве. Царский министр граф Нессельроде от имени Александра I писал 20 апреля 1820 года другим членам «Священного союза»:

«Союзные государи, устранив последние остатки французской революции, не сочли ли своим долгом не допускать, чтобы подобная буря в третий раз посетила Европу?.. Не следует ли теперь напомнить испанскому правительству о принципах союзников? Пусть оно узнает, что, по нашему общему мнению, спасение и благо Европы требуют, чтобы это зло (мартовские события) было поправлено, чтобы это пятно было смыто, чтобы этот соблазн был устранен».

Испанская буржуазия, как и в период предыдущей революции, не использовала движения, чтобы ударить по феодальным отношениям и тем самым поднять народные массы против реакции. Выполняя решение «Священного союза», герцог Ангулемский во главе 100-тысячного войска перешел испанскую границу у Ируна и двинулся на Мадрид. Кортесы, в которых господствующую роль играла буржуазия, не сочли нужным как следует организовать оборону, предоставив герильерам самостоятельно вести партизанскую войну. В то же время, оберегая «священную особу» короля, несмотря на его явное предательство, кортесы увезли его с собой в Севилью. Король, поддержанный «Священным союзом», вернувшись в Мадрид, жестоко расправился с революционерами: восстановление старых порядков сопровождалось массовыми казнями. Среди казненных был и Риего, о котором испанский народ до сих пор сохраняет память как о борце за демократию.

В результате предательства буржуазии вторая буржуазная революция (1820—1823 годов) закончилась такой же неудачей, как и первая.

Военщина играла крупную роль на протяжении всей истории Испании. Верхушка военщины была всегда тесно связана с крупными землевладельцами, стремившимися использовать армию как свое орудие. Количество генералов и других высших чинов в армии было чрезвычайно велико.

В первой испанской революции XIX столетия, продолжавшейся от 1808 по 1814 год, и во второй революции, продолжавшейся от 1820 по 1823 год, большую роль играло прогрессивное офицерство, часто связывавшееся с ге-

¹ Эта военная революция послужила затем, в 1825 году, примером для восстания русских декабристов.

² Союз, заключенный после победы над Наполеоном в 1815 году между русским царем Александром I и австрийским и прусским королями для сохранения легитимистского монархического строя и христианской религии. С 1818 года к союзникам примкнул и король Франции.

рильерами, в то время как герцог дель Парко, возглавлявший депутацию от реакционного генералитета в 1808 году, приветствовал Жозефа Бонапарта и выражал ему преданность от имени армии. После спада революционной волны, в обстановке роста реакции, верх снова брали реакционные генералы, навязывавшие правительству свою политику, главным образом в интересах тех или иных дворянско-помещичьих групп.

Крупная роль военщины, в частности генералов, объясняется специфическими условиями исторического развития Испании.

«Это явление, — пишет Маркс, — имеет две причины. Во-первых, мы видим, что то, что мы называем государством в современном смысле, благодаря провинциальной замкнутости народной жизни, имеет, в противовес двору, национальное воплощение только в армии. Во-вторых, особое положение Испании и война на полуострове создали условия, при которых все жизнеспособное в испанской национальности смогло сконцентрироваться только в армии. Таким образом, единственные национальные движения (в 1812 и 1822 гг.) исходили от нее; вследствие этого способная к движению часть нации привыкла видеть в армии естественное орудие каждого национального восстания. Однако во время смутного периода от 1830 до 1854 г. городам Испании стало ясно, что армия, вместо того, чтобы попрежнему поддерживать дело нации, сделалась орудием соперничества честолюбцев в их стремлении захватить военную опеку над двором»¹.

Представителем военщины был, в частности, генерал Эспартеро, вынесенный на гребень событий военным восстанием 1834 года. Рядясь в «демократические» одежды, Эспартеро окружил себя камарильей, стал диктатором и стремился проложить мост к союзу буржуазии с крупными феодалами-землевладельцами. В 1841 году Эспартеро стал регентом. В том же году в Барселоне началось революционное движение народных масс. Эспартеро бомбардировал город, после 15-дневной осады захватил Барселону и жестоко расправился с восставшими. Точно так же он подавил республиканское движение в Валенсии. Буржуазия объявила Эспартеро «конституционалистом» и «мечом революции», но сам Эспартеро сделал все, чтобы уберечь монархию и проложить дорогу реакции; реакцией закончилась третья буржуазная революция, в которой буржуазия стремилась опереться не на народные массы, не на демократию, а на те или иные генеральские клики.

Следующее военное восстание (1854 года) вновь сгруппировало буржуазную оппозицию. Чтобы успокоить буржуазных «прогрессистов», королева Изабелла вновь призвала генерала Эспартеро, разделившего власть с другим реакционным генералом — О'Доннелем. Эспартеро, на которого буржуазия вновь возложила свои надежды, держался рамок строгой «легальности». Для отвода глаз был провозглашен декрет об отчуждении церковных земель. Буржуазия хотела провести «реформы» без большой ломки существовавших взаимоотношений. Она и на этот раз боялась поднять широкое движение против феодализма. Ее страх перед народом особенно увеличился в результате революций 1848 года в ряде европейских стран. Реакционные элементы взяли верх, оттирая «прогрессистов»; уже 2 сентября 1856 года диктатор генерал О'Доннель распустил кортесы, отменил закон об отчуждении церковных земель и провел реакционные меры в интересах дворян и крупных землевладельцев. Так бесславно, в результате слабости и трусости буржуазии, закончилась и четвертая буржуазная революция, в которой буржуазия опять-таки опиралась не на демократию, а на отдельные клики военщины.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 684.

Верхушка военищины попрежнему вела реакционную политику, попрежнему являлась тяжелым бременем для государственной казны.

К. Маркс, ссылаясь на мадридскую газету, писал в 1854 году:

«Здесь есть доклад О'Доннеля, вскрывающий такой избыток военных постов и титулов, что из каждых трех генералов лишь одного можно использовать на активной службе. Это и есть то зло, под проклятием которого Испания живет с 1823 г.: генералы загромаждают ее»¹.

Весь последующий период ознаменован кровавыми репрессиями против крестьянских восстаний, наивысшим выражением которых за этот период были восстания 1863 года в Андалузии, в селениях Лоха, Изнахар и др., когда крестьяне организовали вооруженное сопротивление войскам.

Во всех этих революциях батраки и крестьянская беднота, требовавшие решения земельного вопроса, были обмануты буржуазией. Обещаниями «реформ» трудящиеся массы деревни привлекались то на сторону буржуазии, которая, в конечном счете, предавала интересы крестьян, то на сторону генералов и даже помещиков. С 30-х годов прошлого века обманутые трудящиеся массы Испании пролили немало крови в почти сорокалетней войне между двумя династическими линиями («изабеллистами» и «карлистами»), боровшимися за трон. Каждая правящая клика обещала облегчить положение крестьянства, прикрывалась религиозными и национальными лозунгами, чтобы лучше обмануть народные массы.

Но пролетариат Испании к 50-м годам уже приступил к оформлению своих классовых организаций: 3 июля 1855 года произошла первая всеобщая стачка 40 тысяч барселонских рабочих. Этим событием испанский пролетариат впервые вышел на историческую сцену в качестве самостоятельной политической силы. Продолжавшаяся 8 дней всеобщая стачка барселонских рабочих была прекращена после того, как рабочим обещали (это обещание выполнено не было) удовлетворить их требования.

В 1869 году организовалась испанская секция I интернационала. В 1870 году состоялся первый съезд секции, на котором сразу обозначился водораздел между бакунистами и марксистами; гегемонию в испанском рабочем движении получили бакунисты.

* * *

В 1868 году новое военное восстание, поддержанное буржуазией, крестьянством и рабочими, численность которых к тому времени увеличилась, низложило королеву Изабеллу. Оказавшись у власти, буржуазия разделила ее с военищиной.

Бурбонов прогнали, но кортесы в 1869 году отклонили республиканский строй и уполномочили правительство подыскать короля. В 1870 году военная диктатура генерала Прима возвела на испанский трон принца из итальянского королевского дома — Амедея. Бездарное правление короля Амедея продолжалось 2 года; за это время произошло 3 покушения на короля, сменилось 6 министерских кабинетов и трижды имели место выборы в парламент. В этот период начались усиленные гонения на рабочие организации, а 17 января 1872 года была распущена испанская секция I интернационала. Вскоре корона надоела Амедею, и этот, по выражению Энгельса, «первый забастовавший король»² отрекся от престола, заявив, что Испания — «это страна, которой трудно править».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 716.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 107.

Помещичье-дворянская клика пыталась было найти нового короля, но рабочий класс, крестьянство и мелкая буржуазия решительно выступили на этот раз против монархии. Буржуазия в свою очередь попыталась хоть в некоторой степени свести свои счета с феодализмом. Была провозглашена республика. Но и на сей раз буржуазия, приблизившаяся к власти, побоялась решительных демократических преобразований, побоялась особенно тревожить феодализм и разрушать его экономическую базу. Буржуазия ограничивалась спорами вокруг вопроса о федеративном или унитарном государстве и с большой тревогой пошла на принятие закона о праве арендаторов на частичный выкуп земли у помещиков, впоследствии отмененного.

Но теперь рабочие и крестьяне выступали уже как самостоятельная сила. В Севилье рабочие заставили провозгласить 8-часовой рабочий день и наполовину уменьшить квартирную плату. Крестьянские восстания в Андалузии и Эстремадуре сопровождалась конфискацией имущества крупных помещиков и церкви. Восстания широко развернулись в Кадиксе, Гренаде, Кордове, Саламанке, Валенсии, Мурсии и Картахене.

Все споры между марксистами и бакунистами, происходившие на гаагском конгрессе I интернационала в 1872 году, получили в Испании свой отголосок на практике, в революции 1873 года.

Анархисты, являющиеся выразителями бунтарских крестьянских настроений, на словах отказываясь «от политики», удерживали трудящихся от использования политической власти и призывали немедленно приступить к введению анархии. Но на деле анархисты занимались политикой, в союзе с буржуазными федералистами решая вопрос о «независимых коммунах». При этом каждый район, возглавлявшийся анархистами, развивал свою собственную стратегию. Движение, сопровождавшееся героическими выступлениями народных масс, проходило сумбурно и неорганизованно, без общего плана, в результате чего крестьянские восстания, приведшие во многих местах к захвату помещичьих земель, кончались поражением. Всем этим обьясняется, пишет Энгельс, то, что в самый разгар ожесточенных вооруженных боев «рабочих Барселоны, крупнейшего фабричного города Испании, история которого знает больше баррикадных боев, чем история какого бы то ни было другого города в мире, призывали, таким образом, выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой, т. е. с мероприятием, затрагивающим непосредственно лишь отдельных буржуа, но не их общего представителя — государственную власть!»¹

Анархисты, возглавившие движение, не стремились отнять монополию власти у помещиков и буржуазии, и последние продолжали распоряжаться аппаратом государства в своих классовых интересах. Напуганная ростом рабочего и крестьянского движения, буржуазия искала поддержки у феодальных элементов против народа, предавала республику, расстреливала рабочих, в том числе и своих вчерашних союзников — анархистов. Анархисты там, где они были сильны, в 1873 году «отменили» на словах государство, но на деле оно продолжало существовать и подавило анархистов.

Именно потому, что каждая «коммуна» была сама по себе, что анархисты были против централизации, движение оказалось разрозненным, не объединенным единым планом, стратегией и было разгромлено реакцией. Вместе с тем была раздавлена очередным военным провозглашением и просуществовавшая всего 6 месяцев и 21 день первая испанская республика. Рабочие и крестьянские восстания были подавлены, и на трон снова сели испанские Бурбоны в лице Альфонса XII.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 113.

Энгельс, оценивая исторический этап первой испанской республики 1873 года, в своем произведении «Бакунисты за работой» писал:

«Испания в промышленном отношении настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем действенного политического вмешательства испанского рабочего класса. Рабочая масса чувствовала это; везде добивалась она того, чтобы принять участие в событиях, использовать представляющуюся возможность действовать, а не оставлять, как до сих пор, имущим классам свободное поле для их деятельности и их интриг... Альянсисты много лет проповедывали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот источник всякого зла, и что именно поэтому принять участие в каких-либо выборах — преступление, заслуживающее смертной казни»¹.

Этот важнейший вопрос — об участии пролетариата в политической борьбе — в результате деятельности анархистов и анархо-синдикалистов довлеет над развитием испанского рабочего движения до настоящего времени.

После поражения первой республики наступил длительный период реакции, наложивший свою печать на всю общественную жизнь страны. В 1892 году крестьянское население Андалузии, вооружившись косами и навахами, под руководством анархистов выступило с кличем «Смерть буржуям!», но вследствие неорганизованности это восстание было жестоко подавлено. В Галисии не прекращалась партизанская война, сопровождавшаяся террором против крупных землевладельцев.

Правительство, чтобы привлечь на свою сторону запуганного обывателя, пыталось представить эти выступления крестьянства как «бандитские», организуемые шайкой заговорщиков «Mano negra» («Черная рука»), однако крестьянские восстания продолжались.

Индустриальное развитие Испании, крайне отсталой в сравнении с другими странами, лишь в 90-х годах прошлого века немного продвинулось вперед, но крайне неравномерно, что обусловило и неравномерное распределение пролетариата в стране.

Испанская монархия все интенсивнее срабатывалась с буржуазией, особенно в деле подавления рабочего движения, получавшего все более широкое развитие.

На арену политической борьбы в противовес анархистам выступила социал-демократическая партия, которая положила начало централизованному профессиональному движению. В годы собирания сил и подъема международного рабочего движения испанская социал-демократия еще отстаивала самостоятельную политическую роль рабочего класса и рассматривала парламентскую работу как агитационно-политическое средство. Во время войны Испании с Соединенными штатами Америки из-за Кубы (1898 год) социал-демократическая партия резко выступила против войны, призвав рабочий класс к сопротивлению.

Позже испанские социал-демократы вступили в деловой контакт с буржуазными партиями. Игнорированием национального вопроса, очень острого

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 108—109

для Каталонии и баскских областей, социал-демократы фактически помогали испанскому империализму. Они отказывались от классовой борьбы, и это толкало революционно настроенных рабочих в объятия анархизма.

«Анархизм, — писал Ленин, — нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга. И если в России, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма»¹.

В Испании не было действительно революционной партии, которая могла бы себя противопоставить анархизму, анархо-синдикализму и реформизму². Несмотря на то, что рабочие и крестьяне сохраняли боевой дух и революционные традиции, их выступления, в результате руководства анархистов и реформистов, кончались неудачами. В предвоенный период (в 1909 году) это сказалось в выступлении барселонского пролетариата против авантюры испанской военщины в Марокко. Стачка, распространившаяся на всю Каталонию, сопровождалась во многих местах баррикадными боями; этот период записан в истории испанского рабочего движения как «Кровавая неделя». Непрерывающиеся стачки вновь достигли высокого подъема в 1912 году и продолжались вплоть до мировой войны.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция получила громкий отклик в Испании, вызвав снова высокий подъем рабочего движения, особенно в Каталонии. Буржуазия совместно с помещиками и монархией обороняется от революции системой провокаций, развивает жестокий террор, топит в крови поднимающуюся, в особенности в 1918—1920 годах, активность рабочего класса.

Когда классовые столкновения достигли высшего напряжения, помещики и буржуазия прибегли к очередному пронунциаменто (сентябрь 1923 года) и выдвинули в диктаторы генерала Примо де Ривера.

Основной задачей диктатуры Примо де Ривера было подавление рабочего класса. Эту задачу он выполнял с беспримерной жестокостью, заимствуя методы расправы у итальянского фашизма.

Но уже в 1927 году, в связи с растущим нажимом предпринимателей на заработную плату, вновь начался заметный подъем стачечной борьбы. Стачки усиливаются с развитием экономического кризиса в 1929 году. В 1930 году имели место 527 стачек, часть которых была политическими стачками. Правительство, учитывая серьезность положения, вызвало туземные войска из Марокко, но возраставшее народное движение сбросило диктатуру генерала Примо де Ривера (январь 1930 года), а затем и его преемников — генерала Беренгера и адмирала Аснара. 14 апреля 1931 года народные массы снова низложили монархию и вторично провозгласили республику.

Характерная особенность испанской буржуазной революции 1931 года и ее отличие от предыдущих революций заключаются в том, что она совершилась уже не в эпоху домонополистического капитализма, когда буржуазия

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 180.

² Коммунистическая партия создавалась лишь в 1920 году. К моменту революции 1931 года она имела всего тысячу членов, в 1932 году — около 20 тысяч, а в период, предшествующий фашистскому мятежу (19 июля 1936 года), — свыше 100 тысяч членов.

являлась еще классом прогрессивным, а в эпоху империализма — загнивающего и умирающего капитализма, — в условиях общего кризиса капиталистической системы, когда мировое развитие в основном определяется борьбой между капитализмом и социализмом.

В этих условиях запоздалая испанская буржуазная революция 1931 года особенно ярко продемонстрировала неспособность буржуазии разрешить важнейшие демократические задачи, доньше стоящие на очереди дня в Испании.

Самым характерным для буржуазной республики 1931 года было то, что государственный аппарат оставался почти не тронутым, таким, каким он был и при монархии. Остались неприкосновенными и такие орудия монархии, как жандармерия и ненавистная народу национальная гвардия. Не была как следует проведена чистка армии, в которой было очень много монархических элементов и где реакция сохранила свои позиции.

Буржуазия стремилась ограничиться сменой форм власти: заменить монархию республикой. Буржуазная печать после революции 14 апреля 1931 года на все лады твердила, что «революция уже закончена».

Борьбу за республику вынесли на своих плечах народные массы, однако власть очутилась в руках блока, в котором гегемония принадлежала крупной буржуазии, делившей власть с помещиками, опираясь на представителей мелкой буржуазии, в том числе и на социалистов.

Но блоку буржуазии и помещиков не удалось затормозить демократическое углубление революции. Массы продолжали борьбу за разрешение демократических задач. Аграрное движение крестьянства и стачечная борьба рабочего класса приняли грандиозные размеры. Даже по официальным данным (крайне преуменьшенным), в 1931 году было 734 стачки, в 1932 году — 681, а в 1933 году — 1127 стачек.

Стремление правящей верхушки переложить все тяготы кризиса на трудящиеся массы вызвало энергичное сопротивление. Борьба за повседневные политические и экономические требования пролетариата и трудящегося крестьянства неоднократно перерастала в вооруженные выступления, оканчивавшиеся поражениями в результате плохой организованности и вследствие политики анархистских и реформистских вождей.

В октябре 1933 года испанская буржуазия отказалась от коалиционного правительства с участием социалистов, распустила учредительное собрание и поставила у власти прожженного реакционера — Леруса.

Новые парламентские выборы 19 ноября 1933 года проводились в условиях открытого правительственного террора против трудящихся и в обстановке открытого подкупа голосов. Даже отдельные представители буржуазии не могли мириться с таким положением. Министр юстиции Ботелья Асенси даже подал в отставку, заявив, что проведенные выборы — ярчайший «пример аморальности и беззакония».

Эти выборы обеспечили победу правым партиям, блок которых располагал 373 голосами против 98 голосов левобуржуазных партий (в том числе 61 социалист). В этих условиях коммунисты провели на выборах лишь одного депутата — тов. Боливара.

Наступление фашизма на народные массы вызвало волну пролетарского возмущения и тягу к единому фронту. Создаются рабочие альянсы (союзы), в которых руководящую роль играют социалисты. Компартия Испании, хотя и не была согласна с некоторыми установками альянсов, все же примкнула к ним, чтобы создать единый фронт против фашизма.

Осенью 1934 года разворачиваются крупные рабочие выступления, вызванные провокационной политикой правительства, особенно в Астурии — горняцком районе — с 80 000 рабочих, где коммунисты имели солидную организацию в 2 000 человек, состоящую из фабрично-заводских ячеек, и где около 6 000 членов профсоюзов шли за компартией.

Изменения в составе правительства, давшие видным членам фашистской роблесистской партии посты министра юстиции, труда и земледелия, показали дальнейшие намерения фашизма.

Массы поднялись и заставили последовать за собой и социалистических вождей. В ночь с 4 на 5 октября 1934 года всеобщая стачка вспыхнула в Астурии, Бискайе, Каталонии, Мадриде, Леоне, Галисии, Саламанке, Сан-Себастьяне, Валенсии, Андалузии и т. д. Почти всюду стачка сопровождалась вооруженными боями, в результате которых был захвачен ряд городов в провинциях Леон, Каталония и других местах. В Бильбао все предприятия были заняты рабочими. Упорная борьба велась в Арболедо, Сессато, Эрендио, Барракальдо и т. д.

Но самый высокий подъем борьба получила в Астурии. Движение началось в Миересе; рабочие, овладев городом, двинули первую колонну на Овиедо. Одновременно поднялись рабочие основных пунктов этого испанского Донбасса — Турона, Трубии, Теверга, Градо, Инфиесто.

Героическая борьба астурийских горняков приковала к себе внимание трудящихся всего мира. Почти не имея другого оружия, горняки прокладывали себе дорогу динамитными патронами, зажигая их огнем папиросы. Под градусом пуль рабочие овладели Овиедо, захватили оружейный завод в Трубии и военные склады в Овиедо. Коммунисты и комсомольцы были душой этого движения, соединившего их с рабочими — социалистами, анархистами и анархо-синдикалистами — в борьбе за общую цель. Впервые рабочие стали хозяевами своей судьбы и установили свой контроль над важнейшими предприятиями провинции.

Революция победила в Астурии. Но с этого момента начинаются трудности, являющиеся трагическими для всей истории испанского рабочего движения. В то время как движение в Астурии нарастало, в других местах Испании оно шло на убыль. Это облегчило правительству возможность стянуть крупнейшие военные силы к Астурии, причем реформистское руководство союза железнодорожников даже не приняло мер, чтобы помешать переброске правительственных войск. Это позволило правительству сосредоточить против Астурии сорокатысячную армию, в том числе специально вытребованный из Марокко иностранный легион, моторизованные части, авиацию, военно-морские силы и т. д. Три дня длилось героическое сопротивление рабочих в Овиедо. Правительственные войска брали штурмом каждый дом. Рабочие жертвовали своей жизнью, чтобы прикрыть организованное отступление. В памяти рабочих навсегда останется семнадцатилетняя комсомолка Аида Лафуэнте: чтобы спасти отряд, защищавший революционный штаб, она пулеметным огнем удерживала наступление целого батальона иностранного легиона, пока не расстреляла все патроны и не была растерзана врагами.

14 октября 1934 года астурийцы оставили Овиедо, отступив вначале к Миересу и Трубии. Возле Трубии командир правительственных войск предложил рабочим сдаться, в случае отказа грозя поголовным расстрелом. Огонь был ему ответом. Отстреливаясь, рабочие ушли в горы и продолжали сопротивление.

Генерал Очоа, руководивший правительственными отрядами в Астурии, и генерал Франко (нынешний глава мятежников), руководивший операциями войск из центра, чинили расправу над мирным населением, над женами и детьми повстанцев. 4 тысячи убитых рабочих, около 10 тысяч раненых, около 60 тысяч заточенных в тюрьмы и концентрационные лагеря, вакханалия военных судов, пытки, беспощадная чистка предприятий от «ненадежных» элементов — таков кровавый итог подавления героической борьбы в октябре 1934 года.

Но октябрьские события дали рабочему классу Испании громадный боевой опыт. Лозунг астурийских шахтеров — пролетарское единство — был подхвачен металлургами Бискайи, текстильщиками Каталонии, пиццевиками Мадрида. Единый пролетарский фронт стал величайшей победой рабочего класса Испании. Тяга к рабочему единству приводит к объединению комсомольцев и членов союза социалистической молодежи в одну организацию, к вступлению членов красных профсоюзов в «Всеобщий рабочий союз».

Активность пролетариата подхлестнула топтавшихся на месте мелкую буржуазию и левую часть буржуазии, вызывала в них большую решимость в борьбе против фашизма.

Астурийские бои вдохнули новые силы в рабочее движение. После них фашизму уже трудно было укрепиться. Подъем движения все возрастал по мере того как выявлялась гнилость фашистского режима. Лерус в ноябре 1935 года вынужден был уйти из правительства в связи с обвинениями его приближенных во взяточничестве и различных уголовных преступлениях. В то же время единый рабочий фронт рос, укреплялся и стал основой народного фронта.

Февральские парламентские выборы 1936 года проводились под знаком героических октябрьских боев 1934 года. Фашизм не отступил бы, если бы не чувствовал силу и сплоченность рабочего класса и всего народного фронта. Сила натиска народных масс была так велика, что правительство Вальядареса, даже не дождавшись открытия парламента, вынуждено было уйти в отставку, очистив место правительству Асанья, опиравшемуся на партии народного фронта и приступившему к осуществлению демократической программы народного фронта.

Но, отступив, фашизм готовился к сопротивлению. На какие силы он мог рассчитывать? Его массовый базис, в особенности среди крестьянства, раскусившего фашистский обман, таял. Монархист Кальво Сотелло, выступавший с провокационными речами в парламенте, еще до мятежа угрожал, что «за дело возьмутся военные». Как показывает опыт истории, реакции легче всего было двигать эту силу против народа и против развития буржуазно-демократической революции.

Традиции испанской военщины — той, которая предавала национальные интересы, ползала на брюхе перед Жозефом Бонапартом в 1808 году, которая, проигрывая сражения (в испано-американской войне 1898 года, в марокканской авантуре 1922—1926 годов и др.), возмещала свое поражение расстрелами безоружных рабочих и крестьян, — эти традиции воплощаются сейчас в лице фашистских мятежников: Франко, Мола, Кабанельяса и др., — торгующих национальной независимостью Испании, продающих ее германским и итальянским фашистам за поддержку против собственного народа. Характерно, что главные силы мятежных генералов, осаждающих в частности сейчас столицу Испании — Мадрид, состоят из обманутых наемных марокканцев и полков иностранного легиона.

И, наоборот, традиции революционного народа, защищавшего национальную независимость в 1808 году вопреки господствующим классам, традиции славных герильеров, ожили в сотнях тысяч сынов испанского народа, выступивших на защиту демократии, на защиту своей независимости, своего законного республиканского правительства против мятежников и их повелителей — фашистов Германии и Италии. Воодушевляющей силой в этой борьбе на фронте и в тылу является испанская компартия, члены которой находятся в передовых рядах защитников интересов народа против испанского и мирового фашизма.

И. ТРАЙНИН

Гражданская война в Испании и политика попустительства агрессорам

Взоры всего мира прикованы к Мадриду, под стенами которого идет упорная, ожесточенная борьба. Попытка генерала Франко взять сналета столицу республики явно потерпела неудачу. Мятежники встретили решительный отпор со стороны героических защитников свободы. Генералу Франко уже шестой раз приходится менять дату на приказе о занятии Мадрида, и даже у тех, кто симпатизирует мятежникам, начинают возникать сомнения: а не придется ли Франко вообще отменить этот приказ?

Но по мере того как крепнет оборона Мадрида, усиливается злоба фашистских мятежников и покровительствующих им интервентов. Интервенция принимает не только явный, но совершенно разнузданный и наглый характер: мало того, что продолжается переброска самолетов, танков и живой силы в помощь мятежникам, — германские и итальянские офицеры командуют отдельными частями мятежников и сидят в их штабах. Корреспондент «Таймс» в Саламанке, где находится штаб мятежников, сообщает: «В Саламанке очень много итальянских и германских военных советников... Даже не делается попыток скрывать помощь, которая получается из Германии, Италии, Португалии...» Германские, итальянские и португальские фашисты готовят новые планы более широкой интервенции. Уже была сделана попытка — пока небольшого — налета на Каталонию. Итальянский и германский фашизм намечает нападение на Каталонию и с моря и с воздуха. Наконец, лучшим доказательством беспредельной наглости интервентов, пускающих в ход все средства, чтобы добиться осуществления своих преступных целей, служит официальное признание ими «правительства» Франко. При этом фашистские интервенты действуют в атмосфере полной безнаказанности, при явном попустительстве так называемого комитета по вопросу о невмешательстве в испанские дела.

В английских журналистских кругах пущено крылатое словечко о том, что комитет по вопросу о невмешательстве в испанские дела, по сути дела, представляет «Европу в миниатюре»: в нем так же переплелись в сложном клубке противоречия между европейскими государствами и обозначилась та же линия водораздела, по одну сторону которой находятся откровенные и наглые агрессоры, а по другую — миролюбивые и так называемые миролюбивые страны.

Сравнение мятущейся Европы с комитетом невмешательства, конечно, очень условно, но оно верно постольку, поскольку события в Испании стоят в центре внимания не только Европы, но и всего мира.

На испанской земле столкнулись в авангардных стычках силы мировой реакции и фашизма, с одной стороны, и силы международной демократии — с другой. Здесь проверяется воля к миру тех стран, которые рядятся в тогу блюстителей мира и коллективной безопасности, а на деле потакают нарушителям коллективной безопасности, прикрываясь ширмой нейтральности. В испанских событиях виден огромный размах волчьих appetitов фашистских интервентов. Со всей ясностью обнаруживается, как опасна для дела мира

политика попустительства агрессии, политика уступок агрессору. Именно подобная политика создала для фашистских интервентов атмосферу безнаказанности. Наглое, бесстыдное поведение фашистских интервентов есть непосредственный результат «непротивления агрессии», к которому сводится политика ряда государств и в первую очередь политика Англии.

На этих странах, прикрывающих мнимой нейтральностью стремление оградить собственную безопасность за счет других, откупиться от агрессора, пожертвовав чужой безопасностью, лежит ответственность за разнородное поведение в действительности отнюдь не столь многочисленных и отнюдь не столь страшных фашистских агрессоров. На этих государствах лежит в большой степени ответственность за то напряженное положение, которое создалось в Европе, за те препятствия, которые встречает борьба за мир и за коллективную безопасность.

Героическая борьба испанского народа за демократию, за свою свободу и независимость — борьба против черных сил фашизма и реакции — ощущается всем миром и, в частности, Европой тем острее чем напряженнее международная политическая обстановка, чем резче противоречия капиталистических стран.

«Быть может, — меланхолически констатирует один из серьезнейших английских журналов, «Экономист», — на многие годы Испания и ее заморские владения станут политическим, если не подлинным пороховым погребом. К несчастью, остальная Европа также идет к тому, чтобы в ближайший год или два явить миру картину политического пожара. А это — отнюдь не безопасное окружение для порохового погреба».

Тот же журнал вынужден откровенно признать, что если интервенция фашистских стран в Испании стала возможной и продолжает осуществляться, то основная вина за это падает на Англию и Францию. Всем еще памятно, что предложение, внесенное в комитет по делам невмешательства советским делегатом, о том, чтобы английский и французский флот взяли на себя контроль над португальскими портами, через которые непрерывно идет снабжение мятежников оружием и боеприпасами, было встречено в штыки.

«Экономист» пишет:

«Мы верим еще и сейчас, как мы говорили и при возникновении мятежа в Испании, что если бы британское и французское правительства сразу вместе сделали предостережение другим державам... не оказывать материальной помощи ни одной из сторон в Испании под угрозой осуществления совместной англо-французской морской блокады, то ни господин Гитлер, ни синьор Муссолини... не оказали бы никакой военной поддержки».

Журнал напоминает о том, что история уже знает подобные примеры — 1907, 1908 и 1912 годы, — когда именно таким образом была обеспечена охрана испанской североафриканской зоны, Танжера, Гибралтарского пролива, т. е. зон, в которых преобладающие интересы принадлежат Англии и Франции.

В Лондоне и Париже и сейчас отдают себе полный отчет в том, какую серьезную угрозу британским и французским интересам представляет укрепление германских и итальянских позиций в западной части Средиземного моря, на Атлантике и на самом Пиренейском полуострове. Едва ли кто-либо в Париже и Лондоне заблуждается относительно значения угрозы прервать связь между Францией и ее африканскими колониями или угрозы прервать коммуникационные линии Британской империи, идущие через Гибралтар и Средиземное море. Недавняя речь Муссолини в Милане служит блестящим подтверждением того, что итальянский фашизм намерен широко использовать эту угрозу. Муссолини не случайно заявил, что Англия может общаться

со своими колониями не через Средиземное море, а при помощи иных путей; Средиземное море имеет-де особо жизненное значение только для Италии.

Фашистская интервенция в Испании — звено в той цепи мероприятий, которые осуществляются агрессорами в их походе против мира и коллективной безопасности, часть их планов развязывания новой войны за передел мира. Интервенция германских и итальянских фашистов в Испании сопровождается дипломатическим наступлением, цель которого — вырвать инициативу из рук Англии и Франции и направить развитие европейской политики в сторону, выгодную для поджигателей войны.

«Вертикальная линия между Берлином и Римом, — заявил Муссолини в своей речи 1 ноября в Милане, — представляет собой ось, вокруг которой должно разворачиваться сотрудничество европейских государств».

Муссолини стремится возродить пресловутый «пакт четырех», с той только особенностью, что решающая роль в этом узком концерте держав должна принадлежать теперь Германии и Италии.

Дипломатическое сотрудничество Италии и Германии датируется не 1 ноября и даже не днем подписания итало-германского протокола в Берлине (во время пребывания графа Чиано, итальянского министра иностранных дел, в «третьей империи»): это сотрудничество началось 11 июля, когда было заключено австро-германское соглашение, означавшее, что Италия вынуждена была примириться с укреплением германского влияния в Австрии. С тех пор Италия и Германия, несмотря на остроту и поныне разделяющих их противоречий, пытаются в ряде вопросов выступать единым фронтом. Впрочем, итало-германское сотрудничество не является сотрудничеством равных, и вследствие большей мощности германского империализма оно идет прежде всего на пользу Германии. Реальной основой этого сотрудничества служит уничтожение препятствий для подготовки агрессии.

Такое сотрудничество стало возможным лишь в результате политики «непротивления агрессии». Именно эта политика «непротивления агрессии», вернее, политика попустительства агрессии, сделала возможным для германского фашизма осуществление его тактики внезапных ударов и свершившихся фактов. Именно эта политика дала ему возможность создать свои вооружения, разорвать локальный и другие международные договоры, ремилитаризовать Рейнскую область и т. д. и т. п.

Нынешнее итало-германское дипломатическое наступление имеет своей основной целью изоляцию Запада Европы от ее Востока. Оно направлено против франко-советского пакта, ибо фашисты отлично понимают, что франко-советский пакт есть орудие мира. Наконец, итало-германское наступление имеет целью вбить клин между Францией и Англией.

Интервенция в Испании, помимо прочих целей, должна, по мысли итальянских и германских фашистов, подкрепить это дипломатическое наступление, ибо победа мятежников в Испании создала бы для Франции угрозу с тыла. Успех общего плана итало-германского дипломатического наступления привел бы к тому, что Франция оказалась бы изолированной, да еще с перспективой угрозы со стороны Испании в случае победы мятежников.

С другой стороны, Италия и Германия имели бы полную возможность усилить нажим на Англию.

Не случайно английская дипломатия хотела бы расколоть этот, правда, сугубо условный, но все же объединенный фронт итало-германского фашизма. Английская дипломатия, однако, сама в очень большой степени ответственна за то, что итало-германское дипломатическое наступление стало фактом, и за то, что Италия и Германия фактически вырвали из рук Англии инициативу.

Политика, сводящаяся к поискам соглашения с агрессором, явилась поч-

вой, на которой пышным цветом расцвели в английской прессе и публицистике многочисленные варианты «устроения мира и безопасности» вне системы коллективной безопасности, вне Лиги наций. Пресловутый план лорда Лотиана — этого фашиствующего либерала, который считает, что мир может быть обеспечен лишь путем фактического уничтожения Лиги наций и установления англо-американского мирового господства, — родился именно на этой почве. Лорд Лотиан не так глуп, чтобы не понимать, что для этого нужно еще и согласие Соединенных штатов Америки и преодоление англо-американских противоречий, но под прикрытием этого фантастического проекта фашиствующий философ уверяет, что англо-американскому блоку нестрашна будет даже сверхвооруженная Германия, и пытается протолкнуть план англо-германского сотрудничества.

Еще откровеннее высказывается консервативный публицист Гарвин в газете «Обсервер». Гарвин ставит вопрос прямо и резко: либо соглашение с Германией либо неизбежная война с ней. Гарвин откровенно признает, что проблема англо-германских противоречий становится одной из узловых проблем современного международного положения. Он пишет:

«Пусть не предполагают, что мы можем бесконечно заниматься сомнениями, балансированием, продолжать политику нерешительности. Это невозможно. Европа не выдержит нарастающего напряжения. По нашему убеждению... либо будет достигнуто твердое англо-германское соглашение в течение ближайших 12 месяцев, либо в течение других 12 месяцев новый военный взрыв толкнет всю Европу на путь, на избежание которого не сможет надеяться наша страна».

На каких же путях Гарвин мыслит соглашение с Германией? Тут Гарвин выдает себя с головой. Для того чтобы откупиться от Германии, он считает возможным даже пожертвовать колониями (в особенности теми частями Того и Камеруна, которые принадлежат Франции). Но охотнее всего он принес бы в жертву интересы Франции и Чехословакии. И в особенности он, конечно, выступает против франко-советского пакта. «Если, — заявляет он, — мы помешаем Германии на Востоке, то она в конечном итоге должна будет ударить на нас на Западе». Вот суть всей «глубокой» философии господина Гарвина, трусливо отступающего перед наглым агрессором. В этой примитивной формуле — вся подоплека германофильской политики определенных британских политических кругов. Господин Гарвин отвергает лозунг коллективной безопасности, выступает против Лиги наций.

Эти идеи явно импортированы из Берлина. Берлинский корреспондент «Таймс» 3 ноября сообщил:

«Французские подозрения, что Германия видит возможность попытаться заключить изолированный западный пакт, оставив Восточную Европу в стороне, повидимому, обосновано. Чем сильнее становится Германия, тем более откровенно — и, конечно, нетерпеливо — она преследует свои экспансионистские цели на Востоке, изложенные в книге Гитлера «Моя борьба»... Почему, спрашивают здесь, в Берлине, западные державы должны препятствовать этой экспансии? Какое дело Англии до того, что Германия проглотит Чехословакию? Что же касается страха перед победившей и территориально возросшей Германией как новой угрозой на Западе, то недавно этот страх был рассеян одним бывшим демократом, который задал вопрос: «Почему в конечном итоге не могут немцы и англичане — два мужественных народа — разделить между собой мировое господство?»

Лорд Лотиан предлагает сговор с Германией под соусом англо-американского господства, Гарвин — просто англо-германское господство. Вот и вся разница.

* * *

Конечно, господин Гарвин не представляет правительства. Правительство формально занимает иную позицию. Какую, — на это дают некоторый ответ недавние прения по вопросам внешней политики в английском парламенте. Эти прения открылись речью министра иностранных дел Идена. Речь заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее. Господин Иден указал на три основных элемента британской внешней политики: 1) укрепление Лиги наций, 2) достижение общеевропейского соглашения и 3) укрепление военной мощи Англии.

Что касается первого вопроса, то бесполезно было бы искать в речи Идена каких-либо реальных указаний на то, как предполагает английское правительство укреплять Лигу наций. В этой части речь свелась фактически к изложению процедуры предстоящего обсуждения проектов реформы Лиги наций. Что касается третьего пункта, то и здесь господин Иден оказался не слишком многословен. Но в данном случае особого красноречия и не требуется: возвещенная в английской прессе громадная программа воздушных и морских вооружений говорит сама за себя.

Наибольший интерес представляла, таким образом, та часть речи Идена, где говорилось об умиротворении Европы. Оказалось, что если не считать обычных фраз о неизменности дружественных отношений с Францией, все европейские дела сводятся к англо-германским и англо-итальянским отношениям. По сути, это правильно: англо-германские и англо-итальянские противоречия приобретают все большую остроту, какими бы изящными формулами дипломаты ни пытались завуалировать этот факт. Об англо-германских противоречиях не так давно говорил Геринг, обвиняя Англию в том, что она украла у Германии колонии. Геринг заявил, что если Германия задыхается от недостатка сырья, от нехватки продовольствия, от нехватки рынков, то в этом в первую очередь повинна Англия. Речь Идена была, по существу, ответом на выступление Геринга, и этот ответ звучал крайне примирительно и мягко.

Отводя обвинение в том, что Англия является причиной экономических затруднений Германии, Иден неожиданно приподнял завесу над послевоенной историей англо-германского сотрудничества и вновь подтвердил давно известный факт, что Лондон является одним из основных источников финансирования германских вооружений.

«Я имею возможность, — заявил Иден, — детально изложить, в какой мере наша страна пыталась сотрудничать с Германией после войны в экономической и финансовой областях. Ведь факт, например, что мы сами... дали Германии в той или иной форме займа со времени окончания войны сумму, равную той, которую мы получили от нее в виде репараций. Поскольку речь идет о наших торговых отношениях с Германией, палата может вспомнить важное англо-германское соглашение о платежах, заключенное в 1934 году. Это соглашение действует до сих пор и предусматривает в оборотах между Англией и Германией твердое отношение 55 к 100. Это значит, что мы покупаем на 100 фунтов стерлингов товаров в Германии за каждые 55 фунтов стерлингов, на которые она покупает товары у нас. Таким образом, мы оставляем в распоряжении Германии 45 фунтов стерлингов на покупку сырья, продовольствия и на погашение ее финансовых обязательств. Нет какой-либо другой страны, с которой Германия имела бы такое благоприятное соглашение. Центральная проблема, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы добиться увеличения объема мировой торговли, которое повлекло бы за собой увеличение германского экспорта... Обнадеживающая линия сближения была намечена в недавнем заявлении трех держав (Англия, Франция, Соединенные штаты Америки) о валютных мероприятиях».

Иден закончил приглашением Германии примкнуть к валютному соглашению и заявил: «Мы хотим сотрудничества Германии как в экономической, так и в политической области, и не может быть речи о нашем участии в каком-либо окружении Германии».

Заявление Идена объясняет очень многое. Оно объясняет, почему так вызывающе держат себя руководители фашистской Германии и почему тоном провинившегося школьника оправдывается перед фашистской Германией британский министр. Фашистская Германия на опыте знает, что одно дело — декларация о коллективной безопасности и верности Лиги наций и другое дело — практическая политика. А в своей практической политике Англия неизменно следует по пути поисков соглашения с фашистской Германией и все еще не отказалась от мысли о возможности как-то примирить глубокий англо-германский антагонизм.

Как обстоит дело с Италией? Стоит вспомнить, что в течение почти всего послевоенного периода отношения между Италией и Англией были наилучшими. Это продолжалось до тех пор, пока были особенно остры итало-французские противоречия. Англо-итальянские отношения не омрачались серьезно до абиссинской авантюры, но абиссинская авантюра показала, что Англия имеет в лице Италии серьезного соперника. Из абиссинской авантюры Англия вышла, по выражению Черчилля, с неповрежденной честью, но претерпев унижения.

Итальянский фашизм показал, что у него серьезные аппетиты и что он «платонической дружбой» довольствоваться не намерен. Переброска английского флота в Средиземное море не испугала Италию: времена изменились. В распоряжении Италии имеется мощная авиация, достаточно сильный морской флот. Слабость Англии выявилась перед всем миром.

Сейчас итальянский фашизм прикрывает «мирными предложениями» требование, чтобы Англия отказалась от господствующих позиций в Средиземном море. Итальянский фашизм уже хозяйничает на Балеарских островах и имеет определенные виды на колониальные владения Испании, иначе говоря, все больше укрепляется в Средиземном море.

Иден, правда, не обещал Италии ни финансовой, ни вообще экономической поддержки. Он отверг заявление Муссолини о том, что Средиземное море не является самым жизненным нервом морских путей сообщения Британской империи. Но и здесь в речи Идена звучали чрезвычайно примирительные нотки. Иден приветствует ту самую речь Муссолини, которую «Экономист» характеризовал как «оливковую ветвь мира на острие 8 миллионов штыков».

«В течение многих лет, — заявил Иден, — интересы обеих стран в Средиземном море шли не вразрез, а дополняли друг друга. Со стороны правительства его величества налицо полное желание, чтобы эти отношения были сохранены и в будущем. Вследствие этого мы принимаем к сведению и приветствуем заверения, данные синьором Муссолини...»

В результате этого выступления Идена начались, повидимому, какие-то англо-итальянские переговоры, о содержании и направлении которых пока ничего не известно. Совершенно очевидно, однако, что эти переговоры ведутся Италией для того, чтобы добиться признания со стороны Англии укрепления итальянских позиций и примирения с ними, а Англией — для того, чтобы вбить клин между Италией и Германией. И здесь Англия все же ищет какого-то компромисса с агрессором.

Самое характерное в речи Идена — полное отсутствие какого-либо упоминания о событиях в Испании. Этот пробел в речи Идена совершенно понятен, ибо если говорить об испанских событиях и об интервенции в Испании,

то надо определить и свое отношение к этим событиям. Этот пробел попытался восполнить английский премьер Болдуин, который заявил, что Англия попрежнему высказывается за политику невмешательства. Однако, что собой представляет на деле политика невмешательства, — достаточно показала бездеятельность лондонского комитета.

Речь Идена вызвала довольно резкую критику со стороны парламентской оппозиции. Лейборист Дальтон обвинял правительство в том, что оно своей политикой способствует осуществлению цели, которую преследует Германия, пытающаяся отделить Запад Европы от Востока. Он резко протестовал против того разобщения сторонников мира, которого добиваются фашистские агрессоры. Все разговоры о Западном пакте преследуют именно эту цель.

«Мы хотели бы, — заявил Дальтон, — быть уверенными, что если наступит смута, на нашей стороне будет преимущественный баланс. Мы не можем его получить только в Западной Европе. Мы можем его получить только в том случае, если будет существовать сильный противовес на Востоке. Поэтому мы не можем исключить из круга друзей мира... ни Чехословакию, ни Югославию, ни материально наиболее мощный из них Советский союз».

Выступивший в конце прений Невиль Чемберлен постарался сгладить неприятное впечатление от речи Идена. Чемберлен говорил и о «коллективной безопасности», и о «Лиге наций», и даже о «региональных пактах». Больше того, он заявил:

«Правительство указало, что оно стремилось к осуществлению Западного пакта; м-р Дальтон, повидимому, отнесся к этой концепции с подозрением, которое возникло из опасения, что мы перестаем интересоваться делами Восточной Европы. Но второй пункт в речи м-ра Идена предусматривал общеевропейское соглашение».

Казалось бы, все в порядке. Но слова — одно, а дела — другое. Вся практика английской дипломатии показывает, что расстояние между словами и делами британской дипломатии очень велико.

За примерами ходить недалеко. Стоит присмотреться повнимательнее к недавно закончившимся англо-польским переговорам. В официальном сообщении о переговорах указывается, что Иден и Бек «воспользовались случаем, чтобы обсудить некоторые пункты, связанные с предложенным Западным пактом и касающиеся польских интересов. Они признали, что необходимо будет найти соответствующие средства для того, чтобы защитить польские интересы в этом вопросе».

Речь идет о привлечении Польши к участию в Западном пакте. Польская печать с торжеством указывает, что Польша будет участвовать в новом лондонском договоре (если он вообще будет заключен). Смысл всей этой шумихи в том, что устанавливаются новые «границы коллективной безопасности»: Рейн — на Западе, и Висла — на Востоке. Нетрудно догадаться, что это означает стремление изолировать СССР и готовность отдать на съедение германскому фашизму Чехословакию и другие страны Центральной и Юго-восточной Европы, причем все это прикрывается формулой распространения коллективной безопасности на Запад и на Восток Европы. Такой фактический отказ от коллективной безопасности при формальном провозглашении ее принципов — отнюдь не новость в практике британской дипломатии.

Начиная с англо-французской декларации от 3 февраля 1935 года, в которой Англия и Франция высказались за необходимость сохранения мира как на Западе, так и на Востоке Европы, вплоть до нынешних заявлений Невилля Чемберлена и Идена, — налицо две параллельные линии в британской

внешней политике: формальная, провозглашающая необходимость укрепления Лиги наций и коллективной безопасности, и практическая, сводящаяся к поискам соглашения с агрессором, к попустительству поджигателям войны. Вслед за англо-французской декларацией последовало заключение сепаратного англо-германского морского соглашения, которое дало Германии возможность строить мощный морской флот. Ни введение всеобщей воинской повинности в Германии, ни узаконение военной авиации, ни разрыв Локарно, ни ремилитаризация Рейна, ни, наконец, наглая интервенция германского фашизма в Испании не встретили сопротивления со стороны британской дипломатии.

В итоге напряжение в Европе крайне возросло. Фашистская Германия при экономической поддержке английского капитала создала громадные вооружения; она усиленно сколачивает блок связанных между собой агрессивными планами государств, создавая предпосылки для осуществления «Срединной Европы под германским господством». Фашистская Германия укрепила свое влияние в Австрии; она хозяйничает в Данциге, раскинула сеть интриг в Румынии, в Дании, в Прибалтике; она строит аэродромы в Финляндии, усиливает экономическое проникновение в Югославию, Болгарию, создает опорные пункты на Средиземном море, на Канарских островах.

В свою очередь Италия захватила Абиссинию, создает самый быстроходный крейсерский флот в Средиземном море, осуществляет интервенцию в Испании, подготавливает новые войны и новые захваты. В частности, Италия готовит нападение на Югославию, в портах которой Англия давно стремится создать себе опорные пункты.

О чем все это говорит, если не о поражении британской дипломатии? Больше того: в непоколебимом, казалось бы, англо-франко-бельгийском фронте, существовавшем и во время и после войны, также обнаружилась трещина. Маленькая Бельгия объявила о своем намерении вернуться к политике «нейтралитета», т. е. к политике, которая облегчает германское вторжение во Францию и превращает Бельгию в стратегический плацдарм германского фашизма. Ни для кого не секрет, что эта переориентация во внешней политике Бельгии явилась результатом итало-германского влияния. Что это, если не поражение британской дипломатии, не банкротство политики попустительства агрессии?

А если на минуту отвлечься от европейских дел, то разве поражение британской дипломатии на Дальнем Востоке не есть следствие той же политики поисков соглашения с агрессором? Всем памятно, что японская авантюра в Манчжурии поощрялась Лондоном, всем памятно те «невидимые займы», которые Англия предоставляла Японии, не препятствуя развитию ее демпинга. Чем кончилась эта политика? Обострением англо-японских противоречий и дальнейшим ущемлением британских интересов в Китае.

Британский империализм сейчас спешно вооружается, создает громадный воздушный флот, усиливает свои морские вооружения. Он рассчитывает, что сильная Англия легче сумеет договориться с агрессором и отвести от себя острие агрессии. Британский империализм, повидимому, не желает учесть того факта, что вооружается не только он один, что от него не отстают и Германия, и Италия, и Япония.

Только на этих днях берлинский корреспондент «Таймс» опубликовал новые данные о германском военно-морском строительстве. Программа 1935 года пополнена линкором в 35 тысяч тонн водоизмещения, авианосцем, крейсером в 10 тысяч тонн водоизмещения, 6 эсминцами, 4 подводными лодками и т. д. Всего же программа предусматривает постройку 57 военных кораблей.

В Англии слишком часто забывают слова, сказанные одним из старейших английских государственных деятелей, Остином Чемберленом, который указывал, что Англия не так сильна, чтобы обходиться без Лиги наций и без

коллективной безопасности, что Лигу наций и систему коллективной безопасности надо защищать потому, что безопасность самой Англии будет в основном зависеть от общей системы коллективной безопасности. Англия одна не в состоянии будет справиться с агрессором. Расчеты на то, что ей удастся отвести от себя агрессию за счет других стран, иллюзорны. Это блестяще доказывают беспредельно растущие требования фашистских государств.

При всем своем германофильстве Гарвин прав, когда он говорит, что нет больше времени для сомнений и колебаний. Это понимают и руководители британской политики, и не случайно обмолвился Иден знаменательной фразой:

«Все вы должны были отметить, каким важным фактором в международных событиях стала быстрота... Развитие событий, так сказать, «молния» событий, почти одновременно сопровождается «громом» — их последствиями. И нашему острову далеко не всегда легко пойти в ногу с динамикой развивающихся событий. Мы должны иметь в запасе и идеи и политику, если хотим идти в ногу с событиями и принимать в них активное участие».

Англия стоит перед дилеммой: либо решительно включиться в число подлинных сторонников мира либо войти в число открытых сторонников агрессии. Третьего пути нет. Путь мнимого нейтралитета уже обнаружил свое банкротство. Остается избрать либо тот путь, который «ведет к предлагаемой Советским Союзом системе коллективной безопасности, системе коллективной организации обороны всех миролюбивых стран против немногочисленных и отнюдь не столь страшных агрессоров», либо «другой путь, подсказываемый агрессорами и их агентами во всех странах... путь, так называемого, сближения с агрессорами,—сближения рака с акулой» (Литвинов).

Какой путь в конечном итоге выберет Англия, покажет будущее. Во всяком случае, парламентские прения отнюдь не предвещают изменения курса в сторону подлинной защиты мира и коллективной безопасности, как не предвещает его и нынешняя практика британской дипломатии.

ДЖ. ГОЛЬДХИЛЛ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIII. Ч. 1-я

Под редакцией В. Адоратского. ИМЭЛ. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 458 стр.

Первая часть XIII тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса охватывает период с осени 1864 года до лета 1870 года, т. е. с момента основания I интернационала до франко-прусской войны.

В рецензируемый том входят не все работы, вышедшие в этот период из-под пера Маркса и Энгельса: как известно, в 1867 году был опубликован I том «Капитала». Нет здесь и писем Маркса и Энгельса, с которыми читатель знаком по ранее вышедшим томам.

Основное содержание рецензируемого тома составляют произведения основоположников научного социализма, связанные с деятельностью I интернационала.

Книга открывается знаменитым Учредительным манифестом и Временным уставом Международного товарищества рабочих, возвестившими миру о возникновении I интернационала, о его целях и задачах. Эти замечательные документы принадлежат перу Маркса. Литературное и политическое мастерство Маркса в них во всем блеске раскрывается, в особенности если представить себе ту сложную обстановку, в которой создавались эти документы.

Возродившееся после длительной полосы реакции рабочее движение стало массовым, хотя по уровню своего развития оно стояло ниже чем тот небольшой передовой отряд рабочего класса, идеи которого Маркс и Энгельс выразили в «Манифесте коммунистической партии».

Идея международной пролетарской солидарности, за которую боролись основоположники научного социализма, получила с подъемом рабочего движения массовую базу. 28 сентября 1864 года на публичном митинге в Сен-Мартин Холле, в Лондоне, было создано Международное товарищество рабочих.

Комитету, избранному на этом митинге, было поручено составление программы и устава товарищества. Вошедшему в состав комитета Марксу предстояла трудно разрешимая и сложная задача — добиться принятия такой программы, которая, ни на йоту не отступая от изложенных еще в «Манифесте коммунистической партии» принципов, соответствовала бы в то же время тогдашнему уровню развития рабочего движения, сплачивала бы разнородные элементы в рабочем движении, подымала бы движение на новую, более высокую ступень, вытравляя все не-пролетарские и сектантские тенденции.

Сложность задачи обуславливалась в особенности тем, что в различных странах уровень развития был весьма различным; вдобавок и в отдельных странах рабочее движение не было единым: враждовавшие между собой различные течения нередко носили отпечаток сектанства, находились в плену антипролетарских учений и догм. Во Франции блан

кисты враждовали с пользовавшимися тогда наибольшим влиянием прудонистами, отрицавшими «политику», стачечную борьбу, необходимость профсоюзов, проповедывавшими «меновые товарищества», даровой кредит и т. д. В Англии оуэнисты объявляли бессмысленной деятельность тредюнионов; среди части тредюнионов была сильна тенденция не выходить в борьбе за рамки узко экономических требований; при этом тредюнионисты обрушивались на бывших чартистов как на «политиков».

Сложность задачи усугублялась еще и тем, что избранный 28 сентября 1864 года на митинге в Сен-Мартин Холле комитет также не представлял собой спаянного единым мировоззрением ядра. Состав комитета отражал в основном тогдашний уровень развития рабочего движения: в него входили, помимо Маркса и его соратников по Союзу коммунистов, тредюнионисты, бывшие чартисты, оуэнисты, мадзинисты, французские революционеры и т. д.

Член комитета майор Вольф настаивал на принятии статута «итальянских рабочих обществ», представлявших собой не что иное, как общества взаимопомощи, с уставом в духе Мадзини, девизом которого было: «бог и народ». Бывший оуэнист Уэстон выдвинул программу, по словам Маркса, «полную самой отчаянной путаницы».

Все эти предложения, переработанные Ле-Любе, были представлены 18 октября 1864 года на обсуждение комитета. Когда Маркс услышал эту смесь, он пришел в ужас. «...Во всем проглядывал Мадзини, — писал он Энгельсу, — еле прикрытый самыми туманными отрывками французского социализма»¹.

Два дня спустя на квартире Маркса собрались члены подкомиссии. «...Я твердо решил, — сообщал Маркс Энгельсу, — по мере возможности не оставить в этих произведениях (т. е. документах, представленных Вольфом, Уэстоном и Ле-Любе. — В. З.) not one single line (ни одной строки)»². После бесплодных попыток редактирования (в час ночи из 40 пунктов был принят всего один) материалы оставлены были Марксу, и 27 октября 1864 года Маркс представил в подкомиссию заново написанный проект Учредительного манифеста и Устава Международного товарищества, которые и были затем приняты с энтузиазмом на заседании комитета. Сложнейшая задача была блестяще разрешена.

Марксу предстояло создать такую программу, которая, не идя на компромисс в принципиальных вопросах, в то же время «не закрывала бы дверей английским тред-юнионам, французским, бельгийским, итальянским и испанским прудонистам и немецким лассальянцам», как указывал Энгельс в предисловии к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» в 1890 году.

«Было очень трудно, — писал Маркс Энгельсу, — изложить эту вещь так, чтобы наши воззрения приняли форму, acceptable (приемлемую) для нынешней стадии рабочего движения»³.

Маркс не мог поэтому в Учредительном манифесте Международного товарищества и его Временном уставе говорить языком «Манифеста коммунистической партии», этого первого программного документа марксизма.

«Необходимо время, — писал он Энгельсу, — чтобы вновь возродившееся движение сделало возможным прежний смелый язык. Необходимо быть fortiter in re, suaviter in modo (быть сильным в деле и умеренным в форме)»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 209.

² Там же.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же.

С этой задачей Маркс справился с исключительным мастерством, ни на шаг не отступая от своих принципов.

* * *

Учредительный манифест Международного товарищества рабочих начинается с характеристики положения рабочего класса. Капитализм тогда находился в расцвете. Ученые лакеи пели панегирики капиталистическим порядкам, рисуя картину благоденствия и процветания. Маркс вскрывает истинное положение вещей, показывая, что «нищета рабочих масс с 1848 до 1864 г. не уменьшилась, несмотря на то, что по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных». Опираясь на огромный фактический материал, Маркс характеризует ужасающее положение, недоедание, потерю здоровья, вырождение огромных масс рабочего класса и — рядом с этим — рост богатства и могущества имущих классов.

Эта часть Учредительного манифеста представляет потрясающей силы обвинение, предъявленное капиталистическому строю.

Шаг за шагом Маркс подготавливает читателя к следующему выводу:

«Ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни изобретения в области средств сношений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранил нищеты трудящихся масс...»

И далее:

«...на современной порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда должно углублять общественные противоречивости и обострять общественные антагонизмы»¹.

После анализа причин, содействовавших поражению революции 1848 года, и анализа политического положения рабочего класса в истекший период, Маркс рассматривает «некоторые положительные черты», прежде всего указывая на завоевание английским рабочим классом закона о десятичасовом рабочем дне.

Этот закон имел не только практическое значение для рабочих. Ученые лакеи буржуазии доказывали, что законодательное ограничение рабочего времени прозвучит похоронным звоном для британской промышленности. И это их пророчество не сбылось. В Учредительном манифесте говорится:

«...Дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем состоит политическая экономия рабочего класса. Поэтому закон о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»².

Еще более значительную победу Маркс видел в кооперативном движении, в особенности в кооперативных фабриках, основанных усилиями самих рабочих. Но Маркс отнюдь не считал, подобно лассальянцам, кооперативные фабрики средством преобразования капиталистического общества. Он говорил, что это «еще более значительная победа политиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 9.

² Там же, стр. 11.

ской экономии труда над политической экономией собственности» потому, что в кооперативных фабриках «не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих (hands); ...что наемный труд, подобно рабскому и крепостному труду, это лишь переходная и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью»¹.

Но вслед за этим Марке подчеркивает, что кооперативный труд не в состоянии изменить существующее в капиталистическом обществе положение вещей до тех пор, пока он будет ограничиваться узким кругом усилий отдельных рабочих: «Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд необходимо развить до национальных размеров» (разрядка наша. — В. З.). Этого постараются не допустить «хозяева земли и капитала»: «завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса»². Эта мысль проходит красной нитью на протяжении всего рецензируемого тома.

Для успеха необходим ряд условий. Один из элементов успеха — численность; но «численность только тогда решает дело, когда она объединена организацией и когда ею руководит знание». Опыт показал, что отсутствие этих условий ведет к поражению. Именно эта мысль и побудила рабочих разных стран основать Международное товарищество рабочих.

В заключительной части Учредительного манифеста Марке указывает, как на часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение, на обязанность рабочего класса «овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами... объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости... стали бы господствующими нормами и в международных отношениях»³.

К этому вопросу Марке возвращается неоднократно, в частности в «Обращении к Национальному рабочему союзу Соединенных штатов» от 12 мая 1869 года.

Марке пишет американским рабочим:

«...На вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс выступает на арену истории уже не в качестве покорных наемников, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где так называемые хозяева кричат о войне»⁴.

«Диктовать мир там, где так называемые хозяева кричат о войне», — разве эта задача не является сегодня особо актуальной для рабочих капиталистических стран? Международный пролетариат продолжает славные традиции Маркса и Энгельса, ведя неустанную борьбу с фашистскими поджигателями войны. Наиболее ярким воплощением этих великих традиций является сталинская политика мира, проводимая Советским союзом — этим могучим фактором мира, путеводной звездой рабочих всех стран и наций.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 310.

В Учредительном манифесте ярко отражен политический и литературный гений Маркса. С Манифестом неразрывно связан другой документ, также принадлежащий перу Маркса,—Временный устав товарищества.

При выработке Устава Марксу пришлось столкнуться с не меньшими трудностями чем при выработке Учредительного манифеста: в частности, Маркс вынужден был употреблять такие термины, как «право», «мораль» и др. Для различных представителей домарксовского социализма слова «право», «нравственность», «справедливость» означали обоснованные необходимости социализма; мадзинисты решали вопрос о «правах» и «обязанностях» с религиозной точки зрения.

Маркс согласился воспользоваться этой, имевшей особый привкус терминологией, но вложил в эти слова совершенно другое содержание — пролетарское. Маркс призывал к борьбе не вообще за «право человека», а за право человека, «выполняющего свои обязанности», настойчиво подчеркивая: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»¹.

* * *

Создавая единую международную организацию пролетариата, основоположники марксизма ставили своей задачей «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы»², объединить разрозненные действия рабочих. Только благодаря Марксу и Энгельсу I интернационал действительно заложил «фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал»³.

Маркс и Энгельс сознательно шли на то, что в начальной стадии состав I интернационала не будет однородным. Но из этого отнюдь не следовало, будто основоположники научного социализма проводили политику примирения различных направлений, как уверяют прожженные фальсификаторы марксизма. Вся история I интернационала свидетельствует о том, что политика Маркса и руководимого им Генерального совета I интернационала была политикой беспощадного разоблачения сектантства, непролетарских течений. Маркс и Энгельс ставили своей задачей освободить рабочий класс от влияния антипролетарских течений, терпеливо разъясняя заблуждения и предрассудки, вытравляя сектантство и дезорганизаторство, помогая осознать опыт, указывая путь и задачи дальнейшей борьбы.

Политика Маркса в I интернационале состояла, по сути дела, в проведении необычайно гибкой тактики единого фронта.

«История Интернационала,— как выразился Маркс в письме к Больте,— это непрерывная борьба Генерального совета с дилетантскими опытами и сектами, стремившимися занять в рядах самого Интернационала позицию против истинного рабочего движения»⁴.

Уже на I конгрессе, состоявшемся в Женеве в 1866 году, развернулась ожесточенная борьба, в особенности против прудонистов. Помещенная в I-й части XIII тома статья Маркса «О Прудоне», написанная вскоре после смерти Прудона, служит для читателя как бы введением к пониманию разыгравшейся на женевском конгрессе борьбы с прудонистами.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. I-я, стр. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 266. 4-е изд.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 247.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 266—267. 4-е изд.

С Прудоном Маркс завязал тесные личные отношения еще во время своего пребывания в 1844 году в Париже. В долгих спорах Маркс, по собственному выражению, «заразил» Прудона гегельянством. Когда немного спустя Маркс взялся за организацию международной пролетарской партии (какой он с самого начала мыслил Союз коммунистов) и в качестве первого шага предпринял создание Комитетов коммунистической корреспонденции для установления регулярной связи между коммунистами разных стран, он обратился (в письме от 5 мая 1846 года) к Прудону с предложением стать корреспондентом по вопросам французского рабочего движения.

То, что в качестве корреспондента из Франции был намечен именно Прудон, объясняется, разумеется, не только тем, что было мало возможностей выбора. Надо иметь в виду, что Прудон тогда еще не был автором «Философии нищеты», каким он навеки запечатлен Марксом в «Нищете философии». Прудон тогда был европейски известен как автор вышедшей в 1840 году книги «Что такое собственность», где он дерзко заявлял, что собственность есть кража. В статье «О Прудоне» Маркс называет это первое произведение Прудона «безусловно самым лучшим», составившим эпоху если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой выражать старое.

Маркс писал:

«Вызывающая дерзость, с которой он нападает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга «Что такое собственность?» электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же, как и в изящной литературе»¹.

Несомненно, уже в 1844 году, когда Маркс проводил ночи в спорах с Прудоном, и два года спустя, когда он обратился к Прудону с предложением стать корреспондентом по вопросам французского рабочего движения, Марксу было ясно, что архиреволюционность этой первой книги Прудона только кажущаяся, что Прудон критикует буржуазное общество «сквозь призму взглядов французского парцелльного крестьянина (позже — мелкого буржуа), а с другой стороны, прилагает к нему масштаб, заимствованный им у социалистов»².

Но судить о том, чем станет Прудон, было еще преждевременно. Прудон в начале своей деятельности представлял для Маркса в некотором роде такой же интерес, как и другой представитель домарковского социализма — Вильгельм Вейтлинг. Наборщик Прудон, так же как и портновский подмастерье Вейтлинг, вышел из недр самих масс. Прудона, так же как и Вейтлинга, основоположникам научного социализма приходилось иногда брать под свою защиту (в частности в «Святом семействе»). И если Вейтлинг, очарованный своей собственной системой, остался пророком ремесленного пролетариата, то Прудон стал жертвой ограниченности мелкого буржуа.

Ответное письмо Прудона от 17 мая 1846 года показало, что ему не дано подняться до понимания марксизма: соглашаясь стать корреспон-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 24.

² Там же.

дентом, Прудон попутно наболтал много вздора и надавал Марксу ряд претенциозных советов. Из письма уже выглядывал будущий автор «Философии нищеты». Прудон решительно и безоговорочно высказывается против революции, которую прежде как будто приветствовал. В этом письме раскрылись дальнейшие идейные устремления Прудона, и Маркс вынужден был отказаться от его сотрудничества.

Вышедшую вскоре книгу Прудона «Философия нищеты или система экономических противоречий» Маркс подверг сокрушительной критике в «Нищете философии». Прудон писал Марксу: «Жду вашей строгой критики». «Действительно,— говорит Маркс в статье «О Прудоне»,— эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге «Нищета философии и т. д.», Париж, 1847 г.) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе»¹.

В статье «О Прудоне» читатель может проследить дальнейшую эволюцию взглядов Прудона, когда исчезают «последние следы гениальности и остается чистейший мелкий буржуа»².

Книгу Прудона о «Государственном перевороте» Маркс заклеил «не просто как плохое произведение, а как прямую подлость, которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения»; Прудон «кокетничает с Луи Бонапартом и старается сделать его приемлемым для французских рабочих»³.

Статья «О Прудоне» может служить прекрасным введением к изучению работы Маркса «Нищета философии», но она не подводит итогов борьбы с прудонизмом. Основоположникам научного социализма предстояла еще упорная борьба с прудонистами. На женевском конгрессе прудонисты выступили со своими теориями «меновых обществ», основанных на началах взаимности и дарового кредита, добиваясь превращения Интернационала в орудие своих проектов переустройства общества. В то же время они отрицали необходимость профсоюзов, стачек и даже борьбы за законодательное ограничение рабочего дня.

Маркс, как известно, не мог участвовать на женевском конгрессе, но его руководство чувствовалось при обсуждении буквально всех вопросов. Некоторые вопросы, возникавшие на конгрессе, обсуждались еще до конгресса на заседаниях Генерального совета. Не имея возможности лично присутствовать на конгрессе, Маркс выработал «Инструкцию делегатам Временного центрального совета по отдельным вопросам», которую читатель найдет в рецензируемом томе. Этот документ служил для сторонников Маркса путеводной звездой в борьбе с прудонистами и с «чистыми» тредюнионистами.

Исключительный интерес представляет та часть Инструкции, где Маркс дает анализ профессионального движения, показывая «прошлое, настоящее и будущее» профсоюзов.

Для делегации Генерального совета спор о роли профсоюзов не был неожиданностью. Споры об этом велись в Генеральном совете еще до женевского конгресса. В рецензируемом томе читатель найдет известную работу Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», возникшую в результате обсуждения этого вопроса. Небезынтересна история возникновения этой работы. В начале 1865 года, оуэнист, плотник Уэстон, поставил на обсуждение Генерального совета два вопроса: 1) Могут ли быть социальные и материальные перспективы рабочего класса улучшены посредством повышения заработной платы? 2) Не оказывают ли старания профсоюзов повысить заработную плату вредного влияния на другие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 25.

² Там же, стр. 29.

³ Там же.

части промышленности? В своем докладе по этим вопросам Уэстон, исходя из буржуазной «теории фонда»¹, утверждал, что повышение заработной платы не может принести улучшения, что деятельность тредюнионистов вредна.

Маркс писал Энгельсу 20 мая 1865 года: «Публика ждет, конечно, возражений с моей стороны»². Результатом явилось произведение Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», в первой части которого он расправляется с буржуазной «теорией фонда», а во второй дает популярное изложение своей теории стоимости и прибавочной стоимости. Эта небольшая работа Маркса является прекрасным образцом популяризации основных идей I тома «Капитала», над созданием которого тогда усиленно работал Маркс.

* * *

В 1-й части XIII тома читатель найдет ряд документов I интернационала, принадлежащих перу Маркса, направленных против другого серьезного противника марксизма в рядах I интернационала — против бакунистов. Важнейшим из этих документов является «Конфиденциальное сообщение», в котором Маркс прослеживает деятельность Бакунина начиная с 1843 года и с необычайной силой разоблачает подрывную работу бакунистов в рядах Интернационала.

В рецензируемый том вошли два интереснейших документа I интернационала, как бы непосредственно перекликающихся с современностью: мы имеем в виду написанные Марксом в 1865 году два обращения: 1) к президенту Соединенных штатов Америки Аврааму Линкольну от 7 января 1865 года и 2) к президенту Джонсону от 20 мая 1865 года по поводу смерти Линкольна, павшего от руки убийцы, подосланного врагами демократии. В то время в Америке происходила ожесточенная гражданская война между северными и южными штатами, вызвавшая в Европе так называемый «хлопковый голод», что повело к закрытию множества фабрик. Имущие классы Англии готовы были организовать интервенцию против северных штатов Америки, боровшихся за уничтожение рабства, цитаделью которого были южные штаты. Лишь энергичное противодействие со стороны пролетариата предотвратило это.

Маркс со всей страстью революционера призывает к сокрушению олигархии рабовладельцев, дерзнувших «написать впервые в истории мира слово «рабство» на знамени вооруженного мятежа»³.

Исходом гражданской войны в Соединенных штатах Америки не могла быть социалистическая революция, но уничтожение олигархии рабовладельцев было «правое дело», и в обращении от 7 января 1865 года Маркс от имени I интернационала горячо приветствует президента Соединенных штатов Америки Авраама Линкольна, победившего на вторичных президентских выборах под девизом «Смерть рабству!»

«...Рабочий класс Европы,— читаем в обращении от 7 января 1865 года,— понял сразу... что мятеж рабовладельцев — это набат для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьба трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые за-

¹ Крупнейшим представителем этой теории являлся Джон Стюарт Милль, доказывавший, что капитал, затрачиваемый на заработную плату, есть для каждого данного отрезка времени величина определенная, которая не может быть увеличена, а заработная плата отдельного рабочего есть частное от деления этого фонда заработной платы на общее количество рабочих.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 287.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. I, стр. 21.

воевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана»¹.

Сегодня, когда испанский народ героически защищает свободу и демократию, отражая крестовый поход объединенных сил фашизма, эти слова звучат особенно актуально. Читая обращение Маркса к президенту Соединенных штатов, мы не можем отрешиться от сравнений крестового похода мятежников той эпохи с нынешним крестовым походом фашистских реакционеров против демократии и свободы. Читатель не может не сравнить приветствие Маркса Аврааму Линкольну и приветствие товарища Сталина центральному комитету коммунистической партии Испании, тов. Хозе Диасу: разделенные семью десятилетиями, эти документы провибрированы единым духом. 70 лет назад уничтожение олигархии рабовладельцев не было частным делом северных штатов Америки; ныне освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев. Как тогда, так и теперь это — «правое дело» (Маркс), «общее дело всего передового и прогрессивного человечества» (Сталин).

Помимо уже упоминавшихся ранее документов читатель найдет в 1-й части XIII тома целый ряд других документов I интернационала, принадлежащих перу Маркса, в том числе отчеты Генерального совета конгрессам Международного товарищества рабочих. Являясь прекрасным источником для изучения истории I интернационала, они еще и еще раз показывают нам, чем был Маркс для I интернационала. Среди других документов там имеется обращение Маркса от имени Главного совета Международного товарищества рабочих к членам комитета русской секции в Женеве, где Маркс отвечает согласием принять почетную обязанность быть их представителем при Главном совете.

Значительное место среди документов, помещенных в 1-й части XIII тома, принадлежит произведениям, посвященным борьбе Маркса с лассальянцами, пресмыкавшимся перед Бисмарком. Особенное внимание привлекает напечатанное в «Berliner Reform» 19 марта 1865 года заявление Маркса (см. стр. 79—82). Небольшая статья Энгельса «Карл Маркс» разрушает легенду о Лассале как родоначальнике немецкого рабочего движения.

Сокрушительной критике подвергается лассальянство и в замечательной работе Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». В этой работе, с особой силой подчеркивая безусловную необходимость самостоятельной политики рабочего класса, необходимость создания собственной партии — ибо только с этого момента «пролетариат становится силой», Энгельс, безоговорочно и категорически отвергая всякое заигрывание с реакцией (свойственное пресмыкавшимся перед Бисмарком лассальянцам), показывает, каково должно быть действительное отношение пролетарской партии к борьбе за буржуазно-демократические свободы. Энгельс указывает, что в интересах пролетариата — поддержать борьбу за буржуазно-демократические свободы.

Пролетариат и буржуазия «должны вести между собою очень серьезную борьбу»:

«...Но эта борьба может быть доведена до конца только тогда, когда они будут стоять друг против друга один-на-один. Только после того, как старый хлам полетит за борт, «корабль будет готов к бою»; но на этот раз бой разыграется не между двумя судами, а на борту одного корабля, между офицерами и матросами»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 21

² Там же, стр. 74.

Энгельс далек от каких бы то ни было иллюзий по поводу последовательности буржуазии в борьбе за ее собственные требования: не исключена возможность измены буржуазии самой себе. Но, говорит Энгельс, даже тогда, когда «буржуазия из страха перед рабочими спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов,— даже и тогда рабочей партии не остается ничего другого, как продолжать вопреки буржуазии агитацию за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов,— агитацию, которой буржуазия изменяла. Без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания»¹.

Удары, направленные основоположниками научного социализма против лассальянцев, против сектантов, не потеряли своей силы: ныне они бьют тех, кто не разделяет тактической ориентировки VII всемирного конгресса Коминтерна, кто срывает тактику единого фронта, тем самым помогая фашизму.

Борясь за буржуазно-демократические свободы, рабочая партия не должна «плестись в хвосте у буржуазии»: она должна «выступать, как совершенно отличная от нее, самостоятельная партия»². Сохранять и развивать свою собственную партию в противовес организации буржуазии — вот чего требовали Маркс и Энгельс. Этим проникнута вся их деятельность.

В заключение несколько слов о помещенных в XIII томе рецензиях Энгельса на I том «Капитала». Чтобы разрушить тот «заговор молчания», которым буржуазная пресса окружила выход в свет «Капитала», Энгельс решил сам написать критику «Капитала» с буржуазной точки зрения, «дабы пустить дело в ход». Маркс определял этот план Энгельса как «лучшее военное средство». Часть этих рецензий читатель найдет в XIII томе и прочтет их с увлечением.

* * *

Таково в основном содержание рецензируемого тома. Основоположники научного социализма встают перед нами с его страниц во весь свой гигантский рост, как гениальные теоретики и организаторы рабочего класса, как борцы за социализм, окончательно и бесповоротно победивший в СССР под руководством Ленина и Сталина — гениальных продолжателей дела Маркса и Энгельса.

В. ЗЕЙМАЛЬ

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1.я. стр. 76.

² Там же.

Уполномоченный Главлита № Б—32032

Тираж 550 000 экз.

В 1 п. л. 62 000 зн. 6 печ. лист.

Изд. № 1076

Редакция

А. Стецкий (редактор)

В. Кнорин

П. Поспелов

Б. Таль

Материал слан в набор 17/XI—36 г. Подписан к печати 20/XI—36 г. Зак. № 2360

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

ИНСТИТУТ МАССОВОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ПАРТАКТИВА ПРИ ЦК ВКП(б)
ЗАОЧНАЯ ПАРТИЙНАЯ УЧЕБА ПО РАДИО
 СЛУШАЙТЕ РАДИОЛЕКЦИИ ИНСТИТУТА В ДЕКАБРЕ 1936 ГОДА

ИСТОРИЯ ВКП(б) (популярный курс)	5 декабря	— Партия большевиков в революции 1905—1907 годов (лекция 2-я).
	15 »	— Партия большевиков в годы реакции (1907—1910).
	25 »	— Партия большевиков в годы нового революционного подъема.
ИСТОРИЯ ВКП(б) (повышенный курс)	1 декабря	— Большевицкая партия на путях к вооруженному восстанию (лекция 2-я).
	10 »	— Таммерфорская конференция и IV съезд РСДРП.
	20 »	— V съезд партии. Уроки революции 1905 года.
28 »	— Партия большевиков в годы реакции.	
КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ ВКП(б) для ЗАОЧНИКОВ и РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ Восточной и Западной Сибири, Красноярского края и Дальнего Востока	3 декабря	— Партия большевиков в годы реакции (1907—1910).
	11 »	— Партия большевиков в годы нового революционного подъема.
	13 »	— Партия большевиков в годы империалистической войны.
КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ ВКП(б) для РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ	5 декабря	— Ленинская «Искра» в борьбе за пролетарскую партию. Разгром экономизма и терроризма.
	10 »	— II съезд РСДРП и оформление большевизма.
	15 »	— Партия большевиков в революции 1905—1907 годов (лекция 1-я).
	25 »	— Партия большевиков в революции 1905—1907 годов (лекция 2-я).
ИСТОРИЯ СССР	3 декабря	— Образование Московского государства.
	13 »	— Московское государство XVI века (лекция 1-я).
	23 »	— Московское государство XVI века (лекция 2-я).
ЛЕНИНИЗМ	2 декабря	— Предпосылки и движущие силы пролетарской революции.
	22 »	— Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	9 декабря	— Первоначальное накопление капитала.
	19 »	— Прибыточная стоимость — сущность капиталистической эксплуатации.
	29 »	— Три основные исторические стадии развития капитализма в промышленности.
ЛЕКЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА ЛЕНИНА — СТАЛИНА	4 декабря	— Как изучать произведение Ленина «Что делать?».

ЛЕКЦИИ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ КНИГУ КАРПИНСКОГО „БЕСЕДЫ О ЛЕНИНИЗМЕ“ 11 декабря — Сделать все колхозы большевистскими, а всех колхозников — зажиточными.

ПОЛИТИКА ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ И ВОПРОСЫ СТАЛИНСКОГО УСТАВА С.-Х. АРТЕЛИ 7 декабря — Как передовики животноводства и коневодства выполняют данные ими обязательства товарищу Сталину.
17 „ — Десять жалоб колхозников на неправильное исключение из колхозов.
27 „ — Работа животноводческих ферм в 1936 году и задачи 1937 года.

ЛЕКЦИИ ПО ВОПРОСАМ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ 8 декабря } Темы лекций будут объявлены по радио.
21 „ }
26 „ }

ЛЕКЦИИ ПО ВОПРОСАМ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ЗАОЧНИКОВ И РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ Восточной и Западной Сибири, Красноярского края и Дальнего Востока 17 декабря } Темы лекций и консультаций будут объявлены по радио.
21 „ }
23 „ }
27 „ }

ЛЕКЦИИ ПО ВОПРОСАМ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ 20 декабря } Темы лекций и консультаций будут объявлены по радио.
29 „ }

КОНСУЛЬТАЦИИ и ОТВЕТЫ КОРРЕСПОНДЕНТСКОГО БЮРО ИНСТИТУТА 14 декабря } Темы консультаций будут объявлены по радио.
16 „ }

РАДИОЛЕКЦИИ Института при ЦК ВКП(б) передаются через радиостанцию имени КОМИНТЕРНА на волне 1,724 метра с 18 ч. 30 мин. до 19 ч. 45 мин. по московскому времени в следующие числа: 1, 2, 5, 10, 14, 15, 20, 22, 25, 28 и с 18 час. 30 мин. до 19 час. 30 мин. по московскому времени: 3, 4, 7, 8, 9, 11, 13, 16, 17, 19, 21, 23, 26, 27 и 29 декабря.

Радиолекции для работников СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ передаются через радиостанцию ГЛАВСЕВМОРПУТИ РБО на волне 36 метров с 15 час. 15 мин. до 16 час. 15 мин. по московскому времени.

Радиолекции для Восточной и Западной Сибири, Красноярского края и Дальнего Востока передаются через радиостанцию РДД на волне 24,45 метра с 14 до 15 час. по московскому времени.

ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ И ЗАМЕЧАНИЯ направляйте по адресу: Москва, 12, ул. Куйбышева, 21, КОРРЕСПОНДЕНТСКОЕ БЮРО ИНСТИТУТА при ЦК ВКП(б).

Директор Института
при ЦК ВКП(б) УВАРОВ.